

ВВЕДЕНИЕ

С января 1993 года в Центральной Европе появилось новое независимое государство - Словацкая Республика (Словакия). Отделение Словакии, бывшей без малого три четверти века составной частью Чехословакии, произошло на фоне общеевропейского "всплеска этничности" и актуализации национального самосознания. В процессе политических и экономических преобразований в посткоммунистической Чехословакии обострились и национальные противоречия. В Словакии победила наиболее радикальная национальная идея осуществления полного государственного суверенитета.

Словаки - "титulusный" народ нового государства - более столетия в разных формах и с различной интенсивностью отстаивали право на признание своей идентичности и самобытности. Само существование словаков как самостоятельного этноса до недавнего времени отрицалось не только многими политическими деятелями, но и учеными.

Словацкие исследователи только в последние десятилетия приступили к серьезному комплексному изучению этногенетических и этнокультурных проблем своего народа, вводя в научный оборот множество новых археологических, лингвистических, этнографических материалов, позволяющих сделать выводы о специфике и преемственности исторических традиций словаков. Этнокультурную историю словаков можно рассматривать как пример формирования, развития, самоорганизации компактно расселенного малого народа в условиях отсутствия собственной государственности, административно-территориальной или культурной автономии в многонациональном государстве. Ее конкретный анализ может иметь и более широкое значение для понимания проблем этнической истории других малых этносов Европы, развивавшихся в сходных условиях.

На русском языке до сих пор не существует сводного историко-этнографического исследования о словаках. Автор данной книги делает первую попытку проследить этнокультурные аспекты формирования и консолидации словацкого этноса на широком фоне его истории с древнейших времен до наших дней. Рассматриваются

также особенности материальной и духовной народной культуры словаков, специфика этнокультурных традиций локальных ее вариантов, сыгравших огромную роль в становлении и укреплении самосознания словацкого народа.

В период подготовки этого исследования некоторые собранные для него материалы были использованы автором в публикациях монотематических коллективных трудов.*

Автор выражает сердечную благодарность словацким ученым - сотрудникам Института этнологии Словацкой Академии Наук и Кафедры этнографии Университета им. Я.А.Коменского в Братиславе Я.Мяртану, Б.Филовой, Я.Ботику, Э.Горватовой, С.Ковачевичовой, М.Лесчаку, В.Носаловой, Э.Плицковой, Я.Подолаку, В.Урбанцовой, В.Валентовой за всестороннюю помощь в сборе материала для этой книги.

Численность населения Словацкой Республики 5269 тыс. человек; словаки составляют 85,6% ее жителей (4512 тыс. чел. - 1991 г.)[1]. Словацкая Республика расположена в самом сердце Европы: на востоке она граничит с Украиной, на юге с Венгрией, на западе с Австрией и Чехией, на севере с Польшей. Ее северную и значительную часть западной границы образуют словацкие Карпаты, восточная граница проходит в районе г.Прешова по этнической границе с украинским населением, южная граница - по рекам Дунаю и Тиссе, западная по реке Мораве.

Площадь Словакии равна лишь 49000 кв. км., но рельеф ее крайне разнообразен. Северную и Центральную части Словакии занимают горные хребты Карпат - молодых складчатых гор, состоящих из целого ряда хребтов и вулканических массивов, высота которых 1000-1500 м. Высокогорный характер имеют только Высокие Татры (высшая точка 2655 м). Горные хребты разделены поперечными и продольными котловинами. Карпаты понижаются на юге, где располагаются Подунайская и Потисская низменности.

*См. Грацианская Н.Н. "Чехи и словаки" в кн.: "Брак у народов центральной и юго-восточной Европы". М., 1988, с.33-65; она же, "Основные проблемы семьи чехов и словаков (конец XIX - 80-е гг. XX в.)" в кн.: "Современная семья у народов зарубежной Европы. Опыт этносоциального исследования". М., 1993, с.6-60; она же, "Проблемы раннесредневековой этнической истории Словакии" в кн.: "Романия и Барбария", М., 1990, с.116-130.

Особенности рельефа Словакии, изолированность отдельных горных котловин приводили к культурной и хозяйственной разобщенности населения, которые были преодолены только после создания сети современных коммуникаций в 30-х гг. XX века. В период средневековья в горных районах была достаточно развита горнодобывающая промышленность, появилась целая сеть городов - процветающих торговых центров. Однако, с перемещением торговых путей экономическое развитие горных районов замедлилось. Главные центры сформировались в южных низменных областях, где сосредоточивается и большая часть населения.

Словакия до недавнего времени оставалась аграрной страной, традиционным занятием здесь было сельское хозяйство: в горных районах пастбищное отгонное скотоводство (в основном овцеводство), в низменных - зерновое хозяйство, виноградарство, садоводство.

Словакия более тысячелетия (XI-XIX вв.) была составной частью Венгерского государства и в его составе никогда не представляла собой отдельной административной единицы. Словацкая этническая территория располагалась компактно в северной Венгрии, основой ее административно-территориального деления (как и всей Венгрии) были комитаты, или жупы (comitates - лат., župy - словац.). "Жупная организация" управления была хорошо знакома и другим славянским народам. На словацкой этнической территории при создании административной системы комитатов (жуп) было несомненно использовано старославянское городищенское деление периода Великой Моравии, учитывавшее естественно-географическое членение территории.

С незначительными изменениями система комитатов (жуп) существовала в Словакии до 1922 года, то есть на протяжении многих веков. Комитаты до 1860 г. пользовались полной юридической самостоятельностью и самоуправлением, предоставленными дворянскому правящему классу так называемой Золотой буллой венгерского короля в 1222 г.

Из 16 комитатов северной Венгрии на рубеже XX века только 4 имели словацкий моноэтнический состав (Оравский, Тренчанский, Липтовский, Зволеньский), в 6-ти словаки составляли большинство, то есть более 50% (Турчанский, Нитранский, Шаришский, Спишский, Тековский, Братиславский комитаты). В остальных словаки были в

меньшинстве (Гонтский, Гемерский, Новоградский, Земплинский, Ужгородский, Абовский комитаты)[2].

Система комитатской административной организации самоуправления была одним из важнейших факторов, нарушивших целостное развитие народной культуры и хозяйственной жизни словаков. Изоляция комитатов друг от друга была значительной, чему способствовал и горный рельеф; местное законодательство и запреты регулировали многие сферы материальной и духовной культуры населения: строго регламентировался материал, техника сооружения жилых домов и хозяйственных построек, материал и способы украшения одежды разных социальных слоев населения, направлялось развитие народных празднеств (семейных и календарных) и т.п.[3].

Большинство верующих словаков католики. С XVI в. стал распространен и протестантизм: лютеранство среди словаков и кальвинизм у венгерского населения словацких комитатов. Католицизм в Венгрии, как и во всей Австрийской монархии, был государственной религией, протестанты получили право свободного вероисповедания лишь в 70-х гг. XVIII в. В 1842 г. из 2753 тыс. словаков 8000 тыс. было лютеранами и 1933 тыс. католиками. Согласно статистике 1900 г. наибольший процент протестантов насчитывался в словацких комитатах Турец (52,1%), Липтов (42,6%), Зволена (32,9%), Гемер (32,4%), Новоград (21,6%), Гонт (21,6%). По переписи 1991 г. 89,2% верующих Словакии принадлежат к католической церкви, 8,5% объявили себя лютеранами, 2,2% - кальвинистами, 4,7% - грекокатоликами (униатами) и 0,6% православными. К униатской и православной церкви принадлежат в основном русины и украинцы, к кальвинистской - венгры. Словаки - униаты или кальвинисты составляют исключение. 10% населения Словакии атеисты[4].

Административно-территориальное разделение словацкой этнической территории на жупы сказалось и на развитии словацкого языка: были созданы условия для необычайно дробной дифференциации диалектов словацкого разговорного языка, которая неизвестна другим славянским языкам, за исключением словенского. Диалекты словацкого языка сохраняются и сейчас в живом бытовании, их нивелировка стала наблюдаться лишь в последнее время.

Словацкий язык лишь в середине XIX века обрел литературную форму, однако ассимиляторская политика Венгрии мешала его развитию; официальное признание он получил только в Чехословацкой республике. До XVIII в. словаки пользовались в письменности чешским языком. Чешское влияние усилилось во время гуситского движения, получившего самый живой отклик в словацких областях, особенно широко и в последующие века чешским языком пользовались словацкие протестанты.

В чешском литературном языке словаков обычно проявлялась специфика словацкого разговорного языка: *г* вместо чешского *г*, *е* вместо *е*, *dz* вместо *z* и т.п. [5].

Первая попытка введения словацкого языка в качестве литературного была сделана в конце XVIII века в католической среде Антоном Бернолаком (1762-1813), подготовившим словацкую "Грамматику" (*Grammatica Slavica*) в 1790 г. "Бернолачина" не получила признания, против кодификации словацкого литературного языка выступила группа авторитетных словацких национальных деятелей того времени - поэт Ян Коллар, филолог Павел Шафарик, так как, по их мнению, отказ от чешского языка письменности нанес ущерб идее чешско-словацкого единства в борьбе за национальное равноправие в империи Габсбургов.

Новая попытка оформления словацкого литературного языка была осуществлена в 40-х гг. XIX века филологом Людовитом Штуром (1815-1856 гг.) [6]. Графика словацкого литературного языка латинская, она создавалась на основе чешской графики с введением ряда диактрических знаков.

Словацкий литературный язык имеет ряд фонетических особенностей: наличие специфического гласного *а*, согласных *dz*, *dz*, дифтонгов *с (uo)*, *ia*, *iu*, *ie*, противопоставления *l* и *l*. По краткости и долготе различаются гласные (*а-а*, *о-о*, *и-и*, *і-і*) и плавные согласные (*г-г*, *l-l*). В словацком языке существует ритмическое правило, согласно которому в одном слове не может быть друг за другом долгих слогов. Для морфологического строя характерна регулярность форм склонения и спряжения: окончания *-т* в 1-м лице ед. числа глаголов; *-ом* - в творительном падеже ед. числа существительных м. и ср. родов; *-и* - в родительном падеже ед. числа существительных м. рода на *а*. Сохраняется форма плюсквамперфекта.

Первое серьезное обобщающее исследование по словацкой диалектологии было выполнено в 30-х гг. XX. века В.Важным. Его классификация словацкого языка признается в целом современной лингвистикой. Словацкие диалекты делятся на три основные группы: западнословацкую, среднесловацкую и восточнословацкую. Разделение производилось в основном по критериям фонетики и морфологии языка. Лексико-семантический анализ, который стал возможным только в последние десятилетия в связи с подготовкой Атласа словацкого языка, показал почти полное в большинстве случаев совпадение диалектных лексем с фонетическими и морфологическими границами (изоглоссами и изоморфами). Для среднесловацких диалектов, например, типично обозначение - *stary otec*, в западнословацких - *dedo*, в восточнословацких - *dzedo* (дед); в среднесловацком - *usta*, в западнословацком - *huba*, в восточнословацком - *gamba* (губа); в западнословацком - *jaternica*, в среднесловацком - *jelito*, в восточнословацком - *hurka* (кровяная колбаса) и т.д. [7].

В многочисленных статьях словацкого филолога Антона Габовштиака делаются интересные выводы с точки зрения этнокультурной истории словаков, суммирующие материалы Атласа словацкого языка. Согласно его данным, в древнейший период словацкой истории членение словацких диалектов было иным по сравнению с более поздним разделением на западнословацкую, среднесловацкую и восточнословацкую группы. Гораздо более ранним является членение на два равновеликих ареала: юго-западный и северо-восточный. Эти ареалы, по мнению ученого, связаны с древнейшим праславянским словарным запасом, выходят за пределы распространения словацкого языка (*prst/palec*, *borovica/sosna*, *raz-zito*, *sliepka/kura*, *praslica/kudel'* и пр.) и продолжается в разных вариантах во всех славянских языках. Например, слово "рожь" встречается в сербском, хорватском, словенском, македонском, болгарском языках, в юго-западной половине словацкой территории, а также в пограничной зоне западнословацких и чешских диалектов Моравии, а также в диалектах русского языка. Для чешского, лужицкого, польского и украинского языков характерно слово "жито". Следовательно, бинарное лексико-семантическое деление Словакии восходит к диалектной дифференциации праславянского языка периода заселения сла-

вянами современной Словакии, А.Габовштиак связывает его с историей расселения славян в Подунавье, проходившего разными потоками на рубеже V-VI вв. [8]. По данным лингвистики деление словацкого языка на три группы диалектов произошло позднее (но до X века) и было результатом многих перемещений славянского населения из более южных районов.

Несмотря на заметные различия, словацкие диалекты составляют единое целое, между тремя основными группами есть взаимная связь: особенно много общих признаков у западнословацких и восточнословацких диалектов не только в фонетике, но и в лексике. Этот вывод подтверждает предположение об общем происхождении западнословацких и восточнословацких диалектов на основе западнославянского субстрата.

В то же время диалекты словацкого языка по ряду признаков имеют гораздо более дробную классификацию. К ним относятся и многие лексемы: в первую очередь те, которые обозначают реалии более нового времени или терминологию материальной и духовной культуры, подвергавшейся изменениям в процессе исторического развития. Примером может служить наименование картофеля, распространившегося только в XVIII в. в Словакии: *zemiaky*, *kromple* (*krompachy*), *banduri*, *svarka*, *erteple*, *repa* [9].

По мнению словацких филологов, мелкое разделение словацких наречий внутри трех крупных диалектных групп более позднего происхождения. Ареалы этих диалектов в целом совпадают с границами административного разделения территории на жупы-комитаты Словакии. Следовательно, можно предположить, что процесс языковой дифференциации продолжался в период феодальной раздробленности параллельно с формированием всех других этнокультурных локальных специфических особенностей словацкой этнической общности.

Словацкая республика делится на три административно-территориальные единицы: Западнословацкий, Среднесловацкий и Восточнословацкий край. Такое разделение Словакии на три больших региона в вертикальном направлении учитывает естественное хозяйственно-географическое деление изолированных друг от друга областей, разрезанных горным рельефом и речными долинами, а также направлением всех видов коммуникаций в прошлом с севера на юг, а не горизонтально с запада на восток. Нарушение изоляции Западной, Средней и Восточной Словакии

началось только в XX веке с развитием современной сети коммуникаций. Объединение всей территории Словакии в одно целое - одна из важнейших задач экономической и культурной политики страны.

Западная Словакия (включает бывшие Братиславский, Тренчанский и Нитранский комитаты).

Это в основном равнинный край, Подунайская низменность (Южно-Словацкая) и прилегающие к ней предгорья Карпат (Малые и Белые Карпаты, Поважски-Иновец, Трибеч) составляют одно целое, так как вдоль речных долин Моравы, Вага, Нитры, Грона Подунайская низменность языками заходит далеко на север.

Здесь в юго-западной Словакии самый большой массив черноземных почв, а также аллювиальных почв и буроземья. Это житница Словакии, дающая почти 75% всего урожая пшеницы, около 90% кукурузы, 90% сахарной свеклы. Кроме того Подунайская низменность и прилегающие к ней южные склоны предгорий Карпат - главный во всей Словакии район табаководства, виноградарства, садоводства и бахчеводства, а также овощеводства и посевов эфиромасличных культур. Развито здесь и животноводство, основанное на продуктах полеводства (разведение свиней, рогатого скота, птицеводство, коневодство).

Еще в период I Чехословацкой республики Западная Словакия представляла собой преимущественно аграрный район (особенно Нитранская область). Но за послевоенные годы доля промышленности в хозяйстве области необычайно возросла. Первое место занимает машиностроение с электротехническими станкостроительными заводами в Братиславе, Трнаве и других городах, расширены судостроительные верфи в г. Комарно. Юго-запад - центр химической промышленности, производящий искусственное волокно, лаки, краски, минеральные удобрения.

Важное значение имеет расположение области на Дунае, сильно развита сеть железных дорог и автобусных линий.

Это наиболее густо населенная область Словакии. Плотность населения составляет здесь около 102 чел. на кв. км., то есть в полтора раза выше, чем средняя по Словакии.

Несмотря на то, что площадь его составляет всего 30,3% всей территории Словакии, по своему значению Западнословацкий край занимает одно из ведущих мест. Здесь сосредоточено 45% всех

жителей Словакии. Значительных городов в Западной Словакии немного. Кроме расположенной здесь Братиславы, наиболее крупные города - Трнава, Нитра и Нове Замки насчитывают от 20 до 330 тыс. жителей, еще три города - Комарно, Тренчин, Левица - от 10 до 20 тыс. жителей. В то же время для юго-западной Словакии характерны очень крупные села с 1000-2000 жителей, расположенные в основном в долинах рек.

Средняя Словакия (включала Оравский, Липтовский, Турчанский, Зволенский, Гонтский, Тековский, Новоградский, Гермерский комитаты).

Здесь располагаются горно-лесные области наиболее высокой части Словацких Карпат с широкими межгорными котловинами.

Сельское хозяйство здесь, хотя и развитое в долинах, удовлетворяет местные потребности лишь в продуктах животноводства. Например, на севере, в Жилинской области, только 1/4 площади используется под пашню: сеют овес и кормовой ячмень, картофель, кормовые травы, посевы которых, как и льна-долгунца, значительно расширены за последние годы. В горных котловинах животноводство специализируется на разведении крупного рогатого скота, на более высоких горных полонинах - на разведении овец. Именно здесь, в горных районах севера Словакии с труднодоступными крохотными участками земли всегда сохранялся наибольший процент крестьян-единоличников.

В промышленности центральной Словакии крупную роль играет энергетика. На реках Ваге, Ораве действуют построенные уже после II-й мировой войны электростанции. Верхнее Поважье - новый крупный центр металлургии с новыми заводами на Ораве и машиностроительными предприятиями электростали в г. Мартине - старинном культурном центре Словакии. Тяжелое машиностроение более всего развито в Жилинской области. В Липтове, дававшем в прошлом наибольшее число отходников, развивается лесная (особенно целлюлозно-бумажная) промышленность. Построены лесопильные и мебельные фабрики. Выделяется текстильная промышленность: кроме старого хлопчатобумажного комбината в Ружомберге и разбросанных в ряде мест шерстяных фабрик прибавилась целая сеть новых предприятий в Липтовском Микулаше, в Дольном Кубине и др.

В старых аграрных районах созданы новые промышленные узлы. Примером может служить долина реки Оравы, здесь по-

строена крупнейшая гидроэлектростанция. Новое промышленное строительство способствует быстрому расширению хозяйственных связей между долинами и горными местностями, так долго оставшимися изолированными.

Баньско-Бистрицкая область, южная часть центральной Словакии, имеет гораздо более теплый климат, буроземные почвы. На юге области - широкая полоса предгорий с большими котловинами. Значительная часть населения здесь занята в сельском хозяйстве. Сеют пшеницу, кукурузу, табак, масляничные культуры. Развито свиноводство. На севере Баньско-Быстрицкой области преобладает горнопастбищное овцеводство молочного направления. Именно здесь - основной центр известной далеко за пределами страны словацкой брынзы.

Баньско-Быстрицкая область - центр горнорудной промышленности, широко развитой еще со времен средневековья. За последние десятилетия были расширены старые и созданы новые рудники. Работают заводы черной и цветной металлургии, оборонной промышленности. Предприятия пищевой, шерстяной и химической промышленности имеют лишь местное значение.

В 1980-х гг. в сельском хозяйстве Среднесловацкого края было занято около 30% населения. Средняя плотность населения составляет 72 чел. на кв. км. Наиболее густо заселены горные долины: в долине Вага живет по 250-270 чел. на кв. км., в Турчанской, Липтовской, Зволенской долинах 180 чел. на кв. км. 24% населения живет в городах. В Средней Словакии совсем нет больших городов: три города - Жилина, Баньска-Бистрица и Мартин имеют более 220000 жителей. 11 городков имеют от 10 до 20000 жителей. Всего в центральной Словакии 29 городков, почти все они были основаны как торговые и ремесленные центры в XIII-XIV вв.

Большой процент сельского населения в центральной Словакии вовсе не свидетельствует об отсталости края в экономическом отношении. Около половины сельских жителей работает в промышленности, размещенной по всему краю.

Восточная Словакия - 33% площади Словакии (ранее это были Спишский, Шаришский, Абовский и Земплинский комитаты).

На востоке этого региона расположена Потисская низменность, к северу к ней примыкает низкая часть Карпат, а на западе часть

Высоких Татар, отроги низких Татар и Словацкие Рудные горы с целым рядом межгорных котловин, самые важные из них - Кошицко-Прешовская и Спишская по среднему и верхнему течению реки Горнада.

В Восточной Словакии - богатейшие по всей стране месторождения железной, марганцевой, медной руды. Горнад, Ондава, Попрад - реки, богатые водной энергией.

В Потисской низменности и Кошицко-Прешовской долине - большие пространства плодородных пахотных земель (буроземы и аллювиальные почвы). Несмотря на эти большие природные богатства, Восточная Словакия до недавнего времени оставалась самой отсталой частью страны: еще в 1946 г. в сельском хозяйстве Першовской области, например, было занято в пять раз больше людей, чем в промышленности.

Плотность населения в Восточной Словакии 60 чел. на кв. км., более густо заселены горнопромышленные районы Словацких Рудных гор, а также Потиская низменность и Кошицко-Прешовская котловина. В Высоких Татрах плотность населения 5 чел. на кв. км. Городов в Восточной Словакии очень мало: кроме Кошице и Прешова, нет ни одного города с населением свыше 20000 чел. (Спишска Нова Вес - 15 тыс. жителей, Михаловце - 10 тыс.).

Развитию экономики Восточной Словакии препятствовала ее удаленность от главных центров страны. Только после завершения II-й мировой войны положение изменилось: Восточная Словакия оказалась на самой оживленной магистрали страны, связывающей ее с Украиной, Польшей и Венгрией.

Индустриализация Восточной Словакии была одной из основных проблем развития экономики. В создаваемом промышленном комплексе главное внимание уделяется горнорудной, металлургической и машиностроительной промышленности. Восточная Словакия давала более 60% всей добываемой в ЧСФР железной руды (Словацкое Рудогорье). Огромное значение для экономики всей страны имело строительство Восточно-словацкого металлургического комбината у г. Кошице.

Сельское хозяйство, по сравнению с другими областями Словакии здесь еще сильнее отстает, более низки и урожаи сельскохозяйственных культур. Раньше в Потисской низменности преобладало зерновое хозяйство (рожь, пшеница и ячмень). В последнее время стали разводить кукурузу и кормовые травы, сахарную свеклу

и табак. На севере в горных районах разводят в основном картофель. Из технических культур главное место занимает лен. В южных районах области выращивают виноград.

Большая часть населения живет в деревнях. Для Восточной Словакии характерны мелкие сельские поселения. Крупные села можно встретить лишь в Потисской низменности [10].

* * *

1. Scitani lidu, domu a bytu 3.3. 1991 - predbezne vysledky. Pr. 1991. Federalni statisticky urad s. 114; Demografie 1992, n. 1, s. 1-4.

2. Zudel J. Stolice na Slovensku. Br. 1984, s. 1984, s. 7-8, Podolak J. Etnograficke oblasti na uzemi Slovenska ako podklad k monografiám o l'udovom staviteľstve // Slovensky narodopis (далее SN), 1957, № 2, s. 275-291; Niederle L. Narodopisna mapa uherskych Slovaku na zaklade scitani lidu z roku 1900 // Narodopisny sbornik (далее SN), sv. IX, Pr. 1903, s. 101.

3. Horvath P. Historicke pramene k dejinam l'udovej architektury. In: Lidova stavebni kultura v ceskoslovenskych Karpatech. Brno 1984; idem. Materialy k dejinam architektury // SN, 1958, s. 499-505; idem. Nariadenie Spisskej stolice z 19. jula 1789 o stavani domu // SN, 1955, ¹ 1.

4. Niederle L. Narodopisna mapa uherskych Slovaku. Pr. 1903, s. 122; Safarik P. Slowansky narodopis. Pr., 1842; Demografie 1992, c. 25.

5. Селищев А.М. Славянское языкознание. М., 1941, с. 52; Stanislav J. Dejiny slovenskeho jazyka. Br. 1956-73; Vazny V. Nareci slovenska // Ceskoslovenska vlastveda, 1934, d. III.

6. Stur L. Nauka reci slovenskej. Br. Tatrin, 1846, s. 216.

7. Buffa F. Vychodoslovenske narecia. S. 41-56; Matejcek J. Stredoslovenske narecia. S. 253-266; Ripka J. Zapadoslovenske narecia. In: Studia Academica Slovaca. 7. Br. 1978; Смирнов Л.Н. Этническое самосознание словаков в свете лингвистических данных. В кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989, с. 245; Овчинникова Е.Н. Обзор словацкой диалектной лексикологии и лексикографии последних десятилетий // Советское славяноведение (далее Сов. Сл.). М., 1973, №6, с. 79.

8. Habovstiak A. Najvyraznejšie lexikálne areály v slovenských nareciach // Jazykovedné štúdie. Br. 1969, sv. 10, s. 220-227.

9. Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1974, с. 99-100; Смирнов Л.Н. Указ. соч. С. 24; Habovstiaĸ A. Lexikálna diferenciácia slovenských nárečí // Езикovedski изследования. В памет на проф., д-р. С. Стойков. София, 1974, с. 333-335; idem. Príspevok k charakteristike niektorých jazykovo-etnografických zlastností // SN, 1978, № 3, с. 481-491.

10. Hauser V. Ekonomická geografia Československa. Pr. 1984; Блажек М. Экономическая география Чехословакии М., 1960.

ГЛАВА I

КРАТКИЙ ОЧЕРК ЭТНОГЕНЕЗА И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СЛОВАКОВ

Начало изучения словацкого этногенеза относится к концу XVIII века. Появилась теория о Словакии как прародине славян и словаках - ядре славянства. В 1780 г. И.Папанек издал первую словацкую историю *Historia gentis Slaviae*, в которой начало словацкого "королевства" он относил к IV в. до н.э. и все народы, населявшие территорию Словакии в разные периоды, считал словаками [1].

В научную славистическую литературу проблема происхождения словаков была впервые введена П.И.Шафариком, словаком по происхождению. Он сформулировал теорию автохонного этногенеза словаков. Словацкий язык он считал сохранившимся осколком славянского праязыка, на котором говорило древнейшее население среднего Подунавья. Расселение славян, по его мнению, произошло именно из этого центра, то есть прародины. В своих выводах П.И.Шафарик опирался не только на лингвистические данные, но и письменные источники, в том числе и на "Повесть временных лет" XII в. [2].

Среди деятелей словацкого "национального возрождения" теория П.Шафарика пользовалась немалым признанием, она играла и важную роль в борьбе словаков за национальное самоопределение, в утверждении их национального самосознания. Ярыми приверженцами этой теории были оформители словацкого литературного языка А.Бернолак и Л.Штур.

В начале XX в. появились и другие гипотезы, касающиеся словацкого этногенеза. Одной из них была теория южнославянского происхождения словаков словацкого лингвиста С.Цамбеля. Он обратил внимание на архаизмы, особенно часто встречающиеся в словацком языке, особенно в его среднесловацком диалекте, который со времен Л.Штура (XIX в.) сделался основой литературного языка. Сам Цамбель утверждал, что словаки пришли на территорию Словакии с юго-востока, отделившись от южной ветви славянства.

Выводы Цамбеля были поддержаны некоторыми лингвистами из соседних стран, а также словацким историком М.Матуняком [3].

Сторонники этой теории представляли себе этногенез словаков поразному, но большинство относило его начало только к XIII-XIV вв. и не признавало их континуитета со славянами раннего средневековья.

Большое внимание словацкому этногенезу уделял в своих исследованиях Л.Нидерле (1865-1944), обобщивший данные различных наук - истории, археологии, лингвистики, этнографии и антропологии. Местонахождение прародины славян Л.Нидерле считал неопределенным. Однако, он обрисовал область расселения славян в начале нашей эры: на востоке граница ее шла по Днепру и отдельным районам бассейна Дона, на севере - по Нареву и левым притокам Припяти, на западе к Эльбе (или Висле). Отвергая теорию С.Цамбеля, Л.Нидерле, подчеркивал единство происхождения чехов и словаков - западных славян. По его мнению, только природный рубеж Карпатских гор на западе Словакии определил позднейшее этническое разделение словаков от чехов, закрепленного политической границей Венгрии. При этом он не признавал словаков самостоятельным народом, а писал лишь о возможности их будущего обособления. Примесь южнославянских корней в словацком языке Л.Нидерле объяснял близким соседством словаков и южных славян. Пользуясь научной терминологией того времени, он писал, что западнославянские племена в нач. I тыс. до н.э. с севера через Судеты и Карпаты проникали в Чехию и Моравию, а по долине р. Моравы продвинулись на юг, в Среднедунайскую низменность, ассимилировав поселившиеся здесь ранее неславянское население - иллиро-фракийцев, германские племена маркоманов и квадов. При этом он считал, что южная граница распространения славян проходила первоначально гораздо южнее, чем в XX веке; подтверждение этому он находил в сохранении анклавов словацкого населения в Венгрии [4]. Восточная же граница расселения западных славян, по Нидерле, не заходила ранее р. Сланы. Население Восточной Словакии Л.Нидерле считал потомками восточнославянских племен, ословаченных лишь в новое время.

Проблемам происхождения словаков и их расселения по территории Словакии были посвящены работы известного чешского историка Вацлава Халоупецкого (1882-1950), бывшего долгое время профессором Университета им. Коменского в Братиславе. Это был последовательный сторонник и теоретик официальной

концепции единства "чехословаков" в I-й Чехословацкой республике. Словаков он считал только ветвью чехов - основного ядра, расселившегося в юго-западной Словакии [5]. Пользуясь исключительно письменными источниками, В.Халоупецкий объявил большую часть территории Словакии (северную и центральную ее часть) незаселенной до периода планомерной колонизации (немецкой и венгерской) в XIII веке и покрытой непроходимыми лесами и болотами (*Terra deserta et habitatoribus destituta* - земля пустынная и безлюдная) - так называли эти районы использованные им источники. Он утверждал, что расселяясь на север и северо-восток по долинам рек Вага, Нитры, Грона против их течения, чехословацкое население смешалось с переселенцами из соседних стран, в том числе с восточными славянами и с валахами румынского происхождения, представлявшими особый этнос, как это было принято считать в научной литературе того времени.

Одновременно с В.Халоупецким некоторые венгерские ученые в своих работах отрицали преемственность словаков со славянами великоморавского периода на территории современной Словакии. Словаки, по их мнению, сформировались из позднейших славянских переселенцев XIV века [6]. Эти теории воспринимались словаками как попытки умалить значение их исторического прошлого в центральной Европе и лишить их права на собственную территорию.

Теории Л.Нидерле и В.Халоупецкого об этногенезе словаков считались признанными вплоть до окончания второй мировой войны большинством ученых-славистов, хотя и вызывали много споров. Очень мала была источниковедческая база исследований - письменные источники скудны, словацкий язык слабо изучен, археологических материалов недостаточно.

Серьезные научные исследования в этой области в Словакии были начаты лишь в послевоенные 1950-е годы, когда вместе с ростом национального самосознания словаков усилился их интерес к этнической истории и прошлому своего народа. Но несмотря на то, что за последнее тридцатилетие словацкие ученые (в области археологии, а также лингвисты и историки) сделали немало открытий, заставляющих коренным образом пересмотреть прежние концепции ранней этнической истории Словакии, до сих пор сохраняется множество остродискуссионных проблем, требующих дальнейших глубоких междисциплинарных исследований.

По последним археологическим данным области современной Словакии были заселены уже в эпоху палеолита. Одной из наиболее

ранних групп оседлого населения на данной территории, этническая принадлежность которой стала предметом долгих дискуссий, вслед за населением, оставившим такие памятники неолита и бронзы, как шнуровые, унетицкие и др., были здесь племена лужицкой культуры полей погребения периода конца II-го - первой половины I-го тысячелетия до н.э. [7].

Горные районы Словакии были довольно густо заселены племенами - носителями лужицкой культуры (долины рек Вага, Нитры, Орава, Туриец) вплоть до латенского периода. В начале нашей эры их сменили племена "пуховской культуры" (от г. Пухов в Северной Словакии), которую большинство современных чехословацких археологов либо считает сложившейся на основе лужицкой культуры, или же признает частичное участие племен лужицкой культуры, наряду с кельтами и даками, в ее генезисе[8].

По мнению большинства современных словацких историков первым населением, об этнической принадлежности которого можно говорить с определенностью не только по археологическим данным, но и по материалам письменных источников, были в области современной Словакии скифы (VII в. до н.э.), а позднее кельты (с V-IV века до н.э.). Наличие захоронений скифского типа и предметов, характерных для скифской культуры в Словакии, сомнений не вызывает. Однако, вопрос о том, можно ли считать оставившее их население собственно скифами по этнической принадлежности или же это были племена иного происхождения, лишь воспринявшие многие элементы скифской культуры, требует дальнейшего уточнения.

В V в. до н.э. кельты с юга перешли через Дунай и продвинулись против течения рек Грона и Вага в Восточнословацкую низменность. В пол. I в. до н.э. низменные районы западной и восточной Словакии заняли даки. Кельты под натиском даков ушли на запад, но часть кельтского населения была оттеснена в горные районы Карпат и сохранялась здесь и в первые века н.э. Римский писатель Тацит (кон. I в. н.э.) в своей книге "Германия" упомянул кельтское племя котингов в центральной Словакии, занимавшееся преимущественно обработкой железа и платившее дань германским племенам квадов и сарматским языгам [9]. Даки в южной Словакии оставались недолго: перед началом н.э. с северо-запада пришли германские племена маркоманов и квадов, на юге же у Дуная появились римские легионеры.

Для охраны своих границ от набегов воинственных германцев Римская империя возводила целую систему оборонительных пограничных укреплений - *limes Romanus*. На территории современной Словакии эта линия укреплений тянулась от Девина до устья реки Ипла. Римляне ранее всего укрепили правый берег Дуная, служивший естественной границей с "варварами". С ростом опасности вторжения германцев и экспансионистских стремлений Рима стали укреплять и левый берег Дуная. Римские крепости в I в. н.э. располагались в Девине, Комарно, а также, вероятно, в Братиславе и Штурове. Римские легионеры несколько раз проникали вглубь территории Словакии, юго-западные ее области нередко оказывались ареной военных действий, особенно во время так называемых макроманских войн (166-180 гг. н.э.). До настоящего времени у г.Тренчина (*Laugarício*) сохранилась наскальная надпись в честь победы римлян в макроманской войне в 179 г. н.э.

Римляне владели соседней Паннонией, западные районы Словакии, благодаря так называемому Янтарному пути были связаны с западной Европой. Словацкие земли находились в то время на самой границе римского и "варварского" мира.

В этническом отношении Словакия в римский период делилась на следующие этнокультурные области: юго-западную с преобладанием германского (в зоне Дуная - римского) населения, северные и центральные горные районы носителей "пуховской культуры", восточную и юго-восточную с сохранившимся кельтско-дакским населением, где и начиналась, возможно, первая инфильтрация славян [10].

При определении этнической принадлежности отдельных археологических памятников на территории Словакии ученые сталкиваются с особыми трудностями: здесь в центре Европы, независимо от времени появления славян, на их культуре не могли не сказаться влияния народов, расселившихся здесь как ранее них - кельтов, германцев, так и позднее - аваров и др. Дославянское население было, повидимому, оттеснено в горные районы севера и центра Словакии, а потом постепенно ассимилировано славянами. Славяне переняли у него некоторые названия гор - Карпаты, Татры, Фатра, Матра, Вигорлат и др., а также рек - Дунай, Морава, Ваг, Грон, Нитра, Ипель, Горнад, Тисса. Сохранявшееся некоторое время и после прихода славян дославянское население вероятно до этого долго находилось в прямом контакте, пусть чаще всего и

конфликтном, с римлянами. Это обстоятельство, возможно, поможет объяснить механизм усвоения славянами, пришедшими сюда позднее, тех навыков античной цивилизации в ремесле и земледелии, наличие которых невозможно отрицать[11]. Закреплению этих навыков в дальнейшем, несомненно, способствовали и более поздние контакты с Византией (с IX в.н.э.). Процесс заселения славянами территории Словакии еще далеко не расшифрован. Проблема этногенеза словаков тесно связана с общей проблемой происхождения славян, с этой точки зрения Словакия, расположенная в центре Европы, представляет собой интерес, так как является контактной зоной на путях продвижения разных славянских групп в южном и западном направлении. Несмотря на широкие исследования комплекса наук (истории, археологии, лингвистики, антропологии), собравших большой материал о славянском этногенезе, остаются дискуссионными многие узловые проблемы этой темы: не существует точной локализации прародины славян, недостаточно точно определено время их широкого расселения в Европе, не доказана их связь с более ранними археологическими культурами, известными в Европе. До настоящего времени существуют самые крайние точки зрения на происхождение славянских древностей [12].

Действительно, определить славянскую этническую принадлежность археологических культур до расселения славян составляет большую трудность, здесь могут быть только гипотезы. Однако, большинство современных археологов-славистов согласны с тем, что славянские древности раннего средневековья сложились на разнородной основе, в которую могли входить пшеворская, зарубинецкая и черняховская археологические культуры. Правда, все эти культуры многие археологи считают смешанными, то есть полиэтничными, но все же уже содержащими прототипы таких раннесредневековых памятников, славянская принадлежность которых не вызывает сомнений [13].

Время появления славян в Европе обычно связывается с керамикой "пражского типа". Она была впервые описана подробно чешским археологом Й.Борковским, обнаружившим ее в материалах Пражского национального музея, собранных в конце XIX - начале XX вв. М. Борковский назвал сосудами "пражского типа" лепные горшки, расширяющиеся в верхней своей части, имеющие прямую или вытянутую шейку и чаще всего без орнамента. Керамика эта

явилась основой для определения древнейшей славянской посуды во всех славянских странах. Происхождение этой керамики он объяснял развитием культуры полей погребальных урн. Он считал ее автохтонным субстратом, на который наслоились кельтские памятники. Й.Борковский подчеркивал самобытность этой керамики и ее местное происхождение. Прототипом этой посуды он считал позднелатенские памятники, и поэтому считал началом пражской керамики III в. н.э.

Крупнейший чешский археолог Й.Поулик относил появление пражской керамики к V в. и доказывал ее связь с керамикой горищенской культуры VIII в., то есть периода Великой Моравии, когда уже появляется гончарный круг [14].

Спор о датировке "пражской керамики" все еще продолжается. Спорны и пути славянского продвижения на территорию современной Чехословакии - с севера через Моравские ворота и Карпатские перевалы или с юга от Дуная. Последней точки зрения придерживается Й.Земан, который пытается найти очаг распространения пражской посуды. Как и многие словацкие археологи, более ранней ступенью славянской культуры он склоняется признать так называемую "прешовскую культуру" римского периода в северо-восточной Словакии [15]. В связи с историей заселения Словакии славянами чрезвычайно большой интерес представляют последние работы В.В.Седова, в которых он дал собственную интерпретацию итогам современных комплексных исследований раннесредневекового славянского этногенеза [16]. По его мнению, материальная культура славян того времени уже не была единой. После расселения на обширной территории под влиянием местного дославянского населения дифференцировалась и их культура. Выделяются три крупные группировки славян в V-VII вв.: пражско-корчакского типа, пражско-пеньковского типа и группа, условно названная им венетами.

Идея существования не одной, а нескольких племенных групп в составе раннесредневекового славянства с различающимися комплексами культуры (при сохранении некоторых важных общих черт) открывает возможность для нового подхода к изучению истории заселения славянами территории современной Словакии. Археологический материал, собранный в последние десятилетия в Словакии, показал, что в период раннего средневековья ситуация в западной и восточной ее части была различной. В восточной

Словакии все большее значение придается памятникам так называемого прешовского типа. Большинство словацких археологов склоняется к тому, чтобы считать "прешовскую культуру" значительно более ранним комплексом раннеславянского населения по сравнению с пражским [17]. Культура прешовского типа обнаружена главным образом в северо-восточной Словакии - в течении р.Торисы, в Кошицкой области и долине р.Топля на Восточнословацкой низменности. Хронологические рамки этих находок - III-V вв. н.э. "Прешовский тип" характеризует примитивная округлобокая лепная керамика, полуземлянки квадратной или прямоугольной формы, погребальный ритуал трупосожжения. Поселения разбросанные, земледельческо-скотоводческого характера, но значительная их часть располагается в горных долинах (западных и южных склонов Вигорлата), где население уже в этот период занималось разработкой рудных метасорождений. На некоторых памятниках прослеживается преемственность вплоть до средневековья (долина р. Торисы) с более поздними достоверно славянскими материалами.

Многие словацкие археологи считают, что прешовская культура сформировалась во II-III вв. н.э. на основе пшеворских древностей и представляет собой только часть раннеславянского этнокультурного ареала, охватывающего области соседней Польши. Находки памятников пражского типа в восточной Словакии единичны.

В западной Словакии (особенно в южной ее части) были обнаружены многочисленные раннеславянские поселения "пражского типа", сосредоточенные в основном в долинах рек Моравы, Вага, Нитры, а частично Грона и Ипла. Действительно, археологический материал показывает, что здесь встретились два разных этнокультурных ареала (Корчак и Пеньковка по типологии В.В.Седова), в контактной зоне их границы взаимно пересекаются: здесь встречается керамика первого пражского типа, а также округлобокие и овальные сосуды типа Пеньковки, наземные срубные дома с очагом и полуземлянки с печью-каменкой, ямные и курганные погребения с трупосожжением [18].

Словацкие археологи считают, что последние археологические материалы позволяют пересмотреть старую гипотезу о единственном пути заселения территории Словакии раннеславянскими группами с севера из южной Польши через Моравские ворота и из Моравии в юго-западную Словакию в VI в. после ухода лангобардов

и появления аваров. Славяне расселялись в Словакии в разное время несколькими потоками. Первая волна появляется уже в середине V в., то есть до прихода аваров. Позднее вместе с аварами приходит и новых поток славян. Раннеславянское население Словакии принадлежало, таким образом, к разным этноплеменным группировкам. Различными были и направления колонизационных потоков. Через Моравские ворота с запада была заселена лишь юго-западная Словакия, восточная ее часть - через Карпатские перевалы с востока, большой поток славянского населения вероятно пришел с юго-востока по Дунаю как ответвление волны, направлявшейся на Балканы [19].

Во второй половине VI в. н.э. славянские племена Придунавья попадают под власть аваров - тюркского племени, основавшего крупное политическое объединение - Аварский каганат. Численность аварских дружин была невелика, они не могли надолго изменить этническую ситуацию Подунавья.

Авары принесли с собой специфические железные украшения и оружие. Орудия повседневного обихода делали для аварских воинов славянские ремесленники. В захоронениях этого времени археологи на территории современной Словакии часто встречают смешанные могилы славянских крестьян и аварских воинов. Аварский ритуал трупоположения мертвых совершенно не встречается в горных долинах Словакии, где продолжается обычный для славянского населения обряд трупосожжения [20].

В период борьбы с аварами был создан первый известный нам союз славянских племен, так называемое государство Само. Этот союз племен не был прочным объединением и просуществовал лишь 35 лет (623-658 гг), после смерти Само об этом союзе источники больше не упоминают. Многие вопросы истории "государства Само" неясны, в том числе и его местонахождение. В исторической литературе существовали две гипотезы о границах "государства Само" - чешская и "корутанская". Считается, что возникновение этого политического союза было вызвано внешней опасностью, но словацкие ученые утверждают, что объединительные процессы славян в этот период были обусловлены глубокими внутренними изменениями в социально-экономической сфере жизни. Археологические материалы, кроме того, позволяют высказывать предположение, что значительная часть государства Само располагалась на территории юго-западной Словакии, а его столица

(Вогастибург) - у слияния рек Моравы и Дуная, то есть на границе северо-восточной Австрии, Моравии и юго-западной Словакии. И после распада межплеменного объединения Само в славянских поселениях Словакии не наблюдался регресс: в VII-VIII вв. поселения эти росли, притом прослеживались некоторые типичные признаки в материальной культуре, ставшие позднее основой городищенских памятников великоморавского периода: керамика, некоторые своеобразные виды украшений, срубные полуземлянки с очагом в углу. Непрерывность развития многих поселений здесь наблюдалась вплоть до XII в. [21].

Следующим этапом этнической истории Словакии был период Великоморавской державы, с которым также связано множество дискуссионных проблем. История Великоморавского государства широко известна, хотя многие ее моменты остаются спорными. Так, в последнее время появились предположения о ее новом местоположении в южнославянских областях [22].

Основа Моравского княжества была заложена моравским князем Моймиром в начале IX в. Впервые этноним "мораване" (Marvanorum) встречается в записи "Annales regni Francorum" под 822 г.: ко двору императора франков Людвига Благочестивого явились послы "мораван" (Marvanorum), и присягнули ему в верности. А трактат "Обращение бавар и хорутан", созданный в Зальцбурге около 870 г. рассказывает о князе Прибине, в число владений которого "за Дунаем" входила Нитра на территории современной западной Словакии. Прибина в 30-х гг. IX в. был изгнан "князем мораван над Дунаем" [23], а его владения присоединены к княжеству Моймира - будущей Великой Моравии.

Восточнофранкские короли Людовик Немецкий и его сын Карломан всеми силами стремились использовать любые противоречия внутри Великоморавского государства в своей экспансии по отношению к славянам. Вторгшись в Моравию в 846 г., Карломан посадил на княжеский престол Ростислава. Князя Прибину, изгнанного из Нитры, он поставил во главе Паннонии, остававшейся в повиновении у франков [24]. Однако, Ростислав скоро добился самостоятельности Моравии и стал стремиться к церковной ее независимости. Епископом Великоморавского государства он назначил Мефодия, который по его просьбе был прислан вместе со своим братом Кириллом из Византии.

Деятельность Кирилла и Мефодия сыграла огромную роль в жизни Великой Моравии. Они создали первую славянскую письменность, составили первый приспособленный к славянским языкам алфавит-глаголицу и перевели богослужебные книги на славянский язык. Распространение богослужения на славянском языке встретило яростное сопротивление немецкого католического духовенства. Король Карломан в 870 г. поддержал восставшего против князя Ростислава его племянника нитранского князя Сватоплука: Ростислав был взят в плен, Мефодий заточен в тюрьму. Позднее и Сватоплук был низложен и отправлен в германские земли. Мораване восстали против франков, и Сватоплук, отправленный во главе большого войска для их усмирения, перешел на сторону восставших. Вернулся и Мефодий, который был, наконец, признан римским папой, подтвердившим его архиепископство. Но после смерти Мефодия все его последователи покинули Моравию из-за соглашательской по отношению к немецкому духовенству политики Сватоплука. Таким образом, западные славяне оказались в орбите влияния римско-католической церкви, языком их письменности осталась латынь [25].

Великая Моравия не была прочным политическим объединением. Дальнейшее развитие феодальных отношений привело к сепаратизму местной знати, междоусобицам, обострившимся после смерти князя Сватоплука. Великоморавское государство было поделено между сыновьями Сватоплука - Моймиром II и Сватоплуком II. Окончательный распад государства произошел после вторжения в Подунавье кочевников-венгров в 902-906 гг. Моравские области позднее вошли в состав Чешского государства, а Словакия и Паннония попали под власть венгров. Таким образом было нарушено единство славянского населения, объединенного в границах Великой Моравии.

Вершины своего политического могущества Великая Моравия достигла при князе Сватоплуке (870-894). Ее границы еще недостаточно определены, но в этот период она, кроме собственно Моравии, объединяла часть Паннонии, лужицких сербов, Чехию (в качестве самостоятельного политического образования в 870-х г.) и наконец, большую часть Словакии.

В современной историографии существует мнение, что ядром Великой Моравии были земли юго-восточной Моравии с прилегающими территориями Австрии и юго-западной Словакии. Очевидно,

что период Великоморавского государства принадлежит в одинаковой мере истории чешского и словацкого народов. Однако, возможно, что в состав Великой Моравии входили также земли центральной и восточной части Словакии. В известной чешской хронике XII в. Козьмы Пражского в качестве восточной границы Великоморавского государства приводится р.Грон, но более ранние источники первой половины X в. ("Житие Наума", составленное учеником Мефодия уже в македонском Охриде в 910-916 гг.) говорят, что моравскую землю из-за несправедливости к ученикам Мефодия полонили и опустошили угры, а "те, кого они не взяли в плен, бежали в Болгарию, и осталась их земля (т.е. мораван) пустая во власти угров"[26] О том, что венгры заняли Моравию, говорит и византийский император Константин Багрянородный в своем труде "Об управлении империей" (первая половина X в.) [27]. Таким образом, более ранние источники, чем чешский хронист Козьма, свидетельствующие о том, что Моравия была завоевана венграми, говорят о словацких землях, так как собственно Моравия долгое время оставалась самостоятельной и только в XI в. вошла в состав чешского государства Пржемысловичей.

О том, что Великая Моравия простиралась за границы Грона и граничила с Болгарией приблизительно в междуречьи Дуная и Тиссы, свидетельствует автор староанглийской переработки описания восточной "Германии" Оросия, которую приписывают королю Альфреду Великому. Он говорит о местоположении и размерах Великоморавского княжества около 870 года [28].

Археологические материалы, обнаруженные словацкими археологами, относящиеся к так называемому периоду городищ (IX), характерные для Великой Моравии, найдены в последнее двадцатилетие в средней и восточной Словакии. Между западной и восточной Словакией можно найти только количественные различия, так как наиболее крупные центры великоморавского периода сосредоточивались в западной Словакии (Нитра, Победим, Девин, Валы при Микульчицах).

После изгнания нитранского князя Прибины Моймировцы семьдесят лет правили Нитрой, однако особое административное положение Нитры все это время сохранялось. Достаточно сказать, что даже во времена Мефодия кроме центра его архиепископства существовал епископ в Нитре. А в 885-892 г. Викинг из Нитры был главой церкви всей Великой Моравии [29]. И в языковом отношении

по данным современных лингвистов, область Нитры отличалась от западных областей государства.

В письменных источниках нет никаких сведений о племенном разделении ядра Великой Моравии. Процесс консолидации отдельных племен внутри Великоморавского государства был вызван не только становлением феодальных отношений, но и внешней опасностью - борьбой против франков.

В IX в. в Моравии (то есть собственно Моравии, части северной Нижней Австрии и большей части Словакии) существовало определенное этнополитическое объединение, которое в различных письменных источниках того времени, как иностранных, так и собственно моравских, упоминается под названием "мораване" в множестве вариантов (Marvani, Marharii, Margi, Maravi, Mararensis, Моравл н) или моравский народ (gens Moravorum, люди морав sk ie), или моравские славяне (Sclavi Margenses) [30]. Страна, в которой жили мораване, называлась Marava, Maravia, Terra Maranorum, а позднее regnum Marahensium, князя Сватоплука называли rex Marahensium Sclavorum [31]. Речь шла здесь не об этнической общности, так как все население Моравии. Паннонии, Словакии в тех же источниках именуется Sclavos, Winidi, Слов ни. Большинство исследователей считает, что наименование "мораване" первоначально касалось высших слоев населения Великоморавского государства. Но с укреплением центральной власти оно распространилось на все население. Вероятно, что процесс превращения политонима "мораване" в этноним был прерван в результате распада Великоморавского государства.

У населения Великой Моравии существовала и культурная общность: появилась литература на старославянском языке, независимое положение получила моравская христианская церковь и т.д.

В результате дискуссии, продолжающейся с 50-х гг. до настоящего времени, большинство ученых согласилось с тем, что в Великоморавской державе в IX в. начался процесс консолидации моравского этноса. Отдельные исследователи называют эту общность по-разному: староморавской, великоморавской, моравской, моравско-словацкой. Термин этот может относиться только к ядру Великой Моравии (Старая Моравия на Дунае и Словакия), так как в присоединенных в конце IX в. Великоморавских землях за короткий

срок не могли еще проявиться в той же мере процессы этнической консолидации [32].

Особую точку зрения в отношении проблемы зарождения моравской этнической общности (народности) высказывал известный словацкий историк П.Раткош. Подчеркивая автономное положение Нитры в составе Великоморавского государства и подтверждаемый письменными источниками административный дуализм в его границах, П.Раткош считал, что зарождение словацкой этнической общности, отличающейся от моравской, можно предполагать еще до Великой Моравии, в Нитранском княжестве Прибины в начале IX в. [33].

П.Раткоша поддерживает и словацкий археолог Й.Декан, который считает, что существование "словацкого" доморавского своеобразия Нитры стало основой формирования словацкого этноса и после распада Великоморавской державы.

Во всяком случае, все это только гипотезы, а кроме того, они явно отражают национальную позицию отдельных исследователей в отношении великоморавской традиции.

Падение Великоморавского государства и венгерское завоевание X в. оказались важнейшим рубежом в истории формирования особой словацкой этнической общности. Славянское население восточных областей Великой Моравии в рамках Венгерского государства оказалось обособленным от близкородственных западных славян мораван и чехов. Компактно расселенное в северных комитатах (жупах) Венгрии, оно развивалось в этнокультурном отношении автономно, постепенно консолидируясь с укреплением внутренних связей в самостоятельный этнос. Земледельческое славянское население оказалось в непосредственном контакте с бывшими в недавнем прошлом кочевниками - венграми, резко отличавшимися по языку и хозяйственно-культурному типу. Несомненно, что антитеза "Мы - Они" в этих условиях сыграла большую роль в ускорении процесса идентификации словаков.

История консолидации словацкого этноса в рамках Венгерского государства также сложна и мало изучена. Особые трудности связаны с явным недостатком письменных источников первого периода венгерского завоевания. В исторической литературе до недавнего времени существовало представление о том, что после разгрома Великой Моравии кочевниками-венграми полностью

исчезли ее славянские поселения, а остатки славянского населения на землях современной Словакии бежали на север, в горы[34].

Однако, археологические исследования последних десятилетий говорят о разрушении и последующем запустении крупных моравских центров в юго-западных районах. Расселение венгров на территории современной Словакии было длительным процессом, оно проходило в несколько этапов. До половины X в. первоначальная экспансия венгров не распространялась севернее линии Трнава-Нитра-Левице-Крупина-Римавская Собота [35]. Севернее этой границы сохранялась непрерывность развития славянской материальной культуры великоморавского типа. Раскопки в Северной Словакии словацких археологов Б.Хроповского, А.Габовштиака свидетельствуют о сохранившемся значении крупных центров в Дуцове, Тренчине, Бойницах, Бецкове, Спише и структур окружающих их поселений, административно-политической и низшей церковной организации. Высказывается предположение о том, что Великая Моравия после разгрома ее войска в 807 г. в битве у Братиславы венграми распалась на несколько мелких княжеств [36].

В южных низменных районах современной Словакии X века характерны захоронения так наз. белобердского типа, которые считаются полиэтническими, характерными для смешанного старовенгерского и местного славянского населения [37]. Позднее славянское население южных районов было ассимилировано венграми, а ко 2-й половине XI в. в состав Венгерского королевства постепенно были включены и северные районы современной Словакии.

Не существует прямых свидетельств источников, по которым можно было бы судить об этническом самосознании словацкого населения в первые века после венгерского завоевания. У славянского населения восточной части Великой Моравии сохранялось вероятнее всего старое этническое самоназвание *sloviene*, "slovenin, слов-не" Оно сохранялось и в дальнейшем в формах "slovenka, slovensky, Slovensko".

При недостатке достоверных сведений об этнониме, особое значение могли бы иметь названия, применяемые для обозначения словаков их соседями, в особенности венграми, с которыми словаки находились в постоянном контакте. Однако, этникон, применяемый венгерскими источниками по отношению к словакам, тоже

достаточно неопределенен: это термин "tot" ("тот") с латинским его соответствием "sclavi" ("склави"), который применялся к нескольким славянским этносам в границах Венгрии - словакам, словенцам и хорватам кайкавского диалекта хорватского языка, самоназвание которых начиналось на -слов. Повидимому, значение этникон "тот" и "склави" носило обобщенный характер, отдельного же этника для словаков вероятнее всего в XI-XIII вв. не существовало.

Современное самоназвание "словак" (slovak) впервые упоминается в документе, написанном в г. Бардейове в 1444 г. Несомненно, что он появился ранее этой фиксации в памятнике. Происхождение его связывают со средой образованных людей Чешского Университета по аналогии с характерными чешскими словообразованиями "Polak", "Prazak" и т.п. Таким образом о современном самоназвании "словак" можно говорить как о бывшем этниконе, который быстро утвердился в качестве этнонима и повсеместно распространился в XV-XVI вв. [38].

С конца XII столетия области северной Венгрии заселяются иностранными колонистами, преимущественно немецкими. Одновременно растет население городов как центров ремесленного производства и торговли. Позитивное хозяйственное развитие было нарушено татаро-монгольским нашествием в 1241 году, опустошившим всю Словакию. После их ухода процесс экономической эволюции шел ускоренными темпами, многие поселения получили в XIII веке городские привилегии, которые способствовали повышению уровня их хозяйственного и культурного развития. Вместе с тем укреплялась и власть богатых феодалов. Из олигархов, в конце XIII столетия правящих на территории Словакии, наиболее могущественным был Матуш Чак Тренчанский, который после вымирания царствующей венгерской династии Арпадов в 1301 году захватил большую часть Словакии и независимо от королевской власти управлял ею до 1321 года. Поэтому после смерти Матуша Чака новый венгерский король Карл Роберт особое внимание уделял укреплению своей власти в Словакии. Во время его правления, так же как и его преемников, шло дальнейшее развитие ремесел, торговли и горного дела. На европейских рынках становятся популярными словацкие медь и золотые дукаты, которые чеканились в г. Кремнице.

С образованием городов на территории Словакии этнокультурная ситуация осложнилась: в составе словацкого этноса появи-

лись не только крестьяне, но и горожане. Города с любым правовым статусом были связаны с появлением немецких колонистов, которые основывали их на месте старых славянских поселений. В городах при сосуществовании немецкого и словацкого населения сохранялась этническая дифференциация. Верхушка, сосредоточившая в своих руках управление городской общиной, как правило, была немецкой. Социальные различия переплетались с этническими. Первые данные о таких противоречиях относятся к XIV в.: в королевском городе Жилина, где был большой процент словацкого населения, словаки (sclavi) добились в 1381 г. от короля Лайоша I паритета участия в управлении городом [39]. В "Жилинской привилегии" отразился антагонизм словацких и немецких горожан, что прямо свидетельствовало о появлении этнического самосознания. Несмотря на то, что с течением времени города на территории Словакии сильно словакизировались, их значение в национальном словацком движении так и не стало заметным. Более того, в Словакии, кроме Братиславы (она же Прессбург, Пожонь), где словаки не составляли большинства еще и в начале XX в., не было городского центра, который по экономическому, политическому или культурному значению сделался бы общенациональным словацким. Главной базой национального движения так и оставались малые местечки и сельские поселения.

В 1526 г. в битве при Могаче турки-османы разгромили объединенные венгерские и чешские войска. Погиб венгерский король Людовиг Ягеллонский, не оставив потомков. В последующей борьбе за престол победил Фердинанд Габсбург. Венгрия оказалась в составе Австрии, а словаки под двойным национальным гнетом более чем на три столетия. В 20-х гг. XVI в. турки-османы заняли всю территорию современной Венгрии, а центр Венгерского королевства переместился на 150 лет в северные словацкие комитаты. В 1530 г. Братислава сделалась столицей Венгерского королевства, а в 1543 г. Трнава - резиденцией остригомского архиепископства.

Османская оккупация центральных земель Венгрии способствовала вычленению словацкой территории как самостоятельного целого, правда не составлявшего особой административной единицы. В источниках того времени появляется этнотерриториальное понятие "Slavonia", "Slavonia pod Karpatmi", "Slowakei", "Slowiaky" и

др. С 1675 г. появляется и употребляемый до настоящего времени термин "Slowensko" [40].

В этот период завершалась так называемая валашская колонизация, проходившая в течение XIV-XVII вв. многими волнами через северо-восточную и северную Словакию в западном направлении. В словацкие земли валашский этнический элемент проник в незначительной степени, и носителем колонизации был здесь прежде всего славянский этнос. В восточную Словакию проникали Rutheni - русины, к которым в северной Словакии присоединялись польские крестьяне, в то время как среди носителей валашской колонизации из северо-западной Словакии в Моравии находилось множество словацких крестьян. Валахи принесли с собой некоторые специфические формы организации овцеводства и обработки молочных продуктов. Феодалы поселяли их прежде всего в пограничных польско-словацких областях на основе так называемого валашского права. Их повинностью была охрана дорог, уход за лесами и выплата натурального оброка, прежде всего овцами и сыром. Валахи не платили ни церковного, ни государственного налога, не знали барщины. Из-за этого привилегированного положения к валахам присоединялись не только словацкие, но и польские, и русинские крестьяне, сбегавшие от своих помещиков. Экстенсивная форма пастушества ограничивала число овцеводов, однако их число было сравнительно велико. Например, в XV веке в Словакии из 500000 населения, плативших подати, 10000 человек пользовались "валашским правом" [41].

В XVI и частично в XVII вв. в этнической структуре Словакии проявились другие элементы, прежде всего в результате османской экспансии. Венский двор заботился главным образом об обороне австрийских земель. Для этого в середине XVI века на венгерско-австрийской границе были поселены хорватские беженцы. В то время несколько тысяч хорватских крестьян и мелкого дворянства были поселены в юго-западной Словакии, они впоследствии были ассимилированы словаками. Хорваты в южной Словакии (на Житном острове) подобно сербам, поселившимся в окрестностях г. Комарно, слились с венгерским населением. Из районов, занятых турками-османами, в словацкие области хлынула и многочисленная венгерская шляхта, поступавшая на службу к магнатам. Королевский

двор раздавал им мелкие владения и разрешал селиться и в городах.

Около 1540 г. в районы западной Словакии переселились из Моравии семьи немецких протестантов-анабаптистов, за которыми постепенно потянулись и другие, старавшиеся избежать преследований за свою конфессиональную принадлежность. Они были искусными ремесленниками, владевшими более чем 40 видами профессий и во многие из них внесли новые прогрессивные методы. Особую известность приобрела их керамика, так называемая габанская. В период рекатолизации в XVII в. анабаптисты были ассимилированы окружающим населением.

XVII-е столетие - один из наиболее бурных периодов в истории Словакии. Действия воинских гарнизонов, никем не координируемые, были для населения скорее бременем, а не защитой от грабительских османских набегов. Неудачи императорского двора в борьбе против османов, бесчинства солдат, но и рекатолизация, и некоторые другие обстоятельства были поводом для нескольких шлехетских противогабсбургских восстаний. Периодом относительного покоя была лишь вторая треть XVII века, когда наступает быстрый культурный подъем Словакии. С ним связано основание университетов в 1635 году в г. Трнаве и в 1657 г. в г. Кошице. Несмотря на то, что открытие этих двух университетов состоялось в рамках движения рекатолизации, они (в особенности университет в г. Трнаве) сыграли большую роль в росте образования того времени.

Османская экспансия сыграла важную роль в этнической истории Словакии: она привела к многочисленным этническим перемещениям на южной ее границе. Венгры бежали из южных собственно венгерских областей в Словакию. Этническая венгерско-словацкая граница передвинулась на север, особенно на юго-западе. После отступления турок-османов началось движение венгров на юг, а вслед за ними переселялись и словаки: почти четвертая часть словацкого крестьянства в XVIII - начале XIX вв. продвинулась на юг, где образовались целые компактные анклавы среди венгерского (Бекеш-Чаба, Сарваш, Тоткомлош, Ниредьгаза, окрестности Остригома и Новограда в Венгрии), румынского (Надлак в Румынии) и югославянского населения (Петровец). Сельское словацкое население здесь до настоящего времени сохранило родной язык и культуру, многочисленное же словацкое население

венгерских городов уже во втором и третьем поколении мадьяризировалось [42].

Спецификой общественно-политической жизни Австрийской империи в течение целого столетия в переходный период от феодализма к капитализму, начиная с последней четверти XVIII в. и до конца 70-х г. XIX в., были движения неполноправных народов за свободу национального развития и политическое равноправие.

Начало словацкого национального возрождения, как и других славянских народов империи, относят к 80-м гг. XVIII века [43]. Национальное пробуждение, консолидация словацкого этноса были связаны с большими трудностями. Двойной национальный гнет со стороны австронемецких правящих кругов и венгерского помещичьего дворянства проявлялся не только в эксплуатации экономических ресурсов Словакии, консервации феодальных отношений, но и национально - культурной политике.

Австронемецкому этносу, составлявшему только 40% населения Габсбургской монархии, принадлежало господствующее положение не только в экономике, но и культуре. Для реформ Иосифа II 70-х г. XVIII века были характерны с одной стороны черты "просвещенного абсолютизма", (введение обязательного начального образования, отмена личной крепостной зависимости крестьян, закон о веротерпимости и др.), а с другой стороны стремление к централизации империи. Эту цель, наряду с другими преследовало и введение немецкого языка в делопроизводство, университеты и школы (кроме начальных, где разрешалось преподавание на родном языке). Никогда еще в Австрийской империи немецкий язык и культура не пользовались такими преимуществами. Образованные слои непривелигированных народов опасались полного исчезновения своей культуры и языка, появлялись идеи об обреченности "некультурных" народов, не имевших, якобы, других исторических перспектив, кроме ассимиляции.

Среди всех других частей Австрийской империи самое автономное положение по отношению к центральной власти сохраняла Венгрия, обладавшая государственным собранием и собственным законодательством. Реакцией на ассимиляторскую политику Иосифа II было заметное пробуждение национальной жизни в Венгрии. Быстро возрастал интерес просвещенного дворянства к венгерскому языку: в 1820 г. было завершено оформление литературного языка,

а в 1844 г. он был объявлен на территории Венгрии государственным.

Сама Венгрия была страной многонациональной, а словаки по сравнению с другими невенгерскими народами в ее границах в политическом отношении находились в самом невыгодном положении, так как северные комитаты с компактным словацким населением являлись органической составной частью Венгрии.

Период национального возрождения славянских народов Австрийской империи хорошо изучен и российскими учеными - историками, литературоведами, лингвистами. Были сделаны и сравнительно-типологические обобщения процессов национальной консолидации у разных народов Центральной и Юго-восточной Европы в период перехода к капитализму. Выделяются два варианта этих процессов, проходивших в разных условиях, главное отличие проявлялось в существовании или отсутствии на данном этапе развития собственного господствующего класса, то есть дворянства [44]. Яркий пример второго варианта представляли собой этнокультурные процессы у словаков, первого - у венгров.

Венгерская феодальная идеология делила общество на высший слой, который составлял так называемый "нацио хунгарика" (нация Венгрии) и весь остальной подданный люд. Понятие "нацио хунгарика" в то время не имело этнического содержания, оно выражало сословное единство людей, проживавших в общем государственно-политическом объединении. Официальным языком Венгрии до конца XVIII в. была латынь, а это значит, что крупные, средние, а отчасти и мелкопоместные дворяне словацкого происхождения осознавали свою идентичность с "нацио хунгарика", то есть ассимилировались [45].

Главную роль в словацком национальном возрождении (или пробуждении) с самого начала играла духовная и светская интеллигенция - выходцы из непривилегированных сословий: зажиточного крестьянства и городских мелкобуржуазных слоев. В период правления Иосифа II существовала даже особая социальная группа интеллигенции - так называемые *honoracia*, *honorationes* - объединявшая священников, профессоров, врачей плебейского происхождения, но обладавшая некоторыми льготами в области частного права. Понимая невозможность привлечения на свою сторону дворянства словацкого происхождения, деятели словацкого возрождения ориентировались на широкие народные массы,

стараясь пробудить их национальное самосознание. Простонародное происхождение таких "будителей" объясняет и многие демократические черты в их принципиальных высказываниях. Так, деятели словацкого возрождения И.Байза и И.Фандли часто подчеркивали, что "не род, не поколение, не дворянство, не богатство делают человека честным, добрым..., а его собственные качества и добродетели" [46].

В концепциях и программах словацкого национального возрождения (с 80-х гг. XVIII в. до середины XIX в.) главное внимание уделялось проблеме литературного словацкого языка, которая была тесно связана с общими национально возрожденческими задачами и формированием словацкой национальной идеологии.

Словаки до конца XVIII в. не имели литературного языка, основанного на родной речи. В качестве письменного языка в Венгрии использовались латынь, немецкий и венгерский языки, особо престижным считалось владение латинским языком. В словацких же комитатах наряду с латынью уже в XV в. распространился чешский язык, он был более понятен и близок словацкому населению по сравнению с остальными языками. Роль чешского языка усилилась во время реформации XVI в.: он сделался и языком богослужения словацких протестантов (так называемая библичина), а позднее и конкурентом латыни в административной и правовой сфере жизни, на нем издавалась научная и художественная литература. Носителями чешского языка были средние сословия в отличие от латыни, которой пользовались высшие образованные слои общества. В то же время функции чешского языка были ограничены: он оставался книжным языком и не стал языком разговорным, эту роль выполняли местные словацкие диалекты. Одновременно под влиянием местной среды чешский язык быстро словакизировался, он воспринимался как культивированная форма словацкого разговорного языка, именно в этом состояла его особая роль в развитии словацкой культуры.

Начало словацкого национального возрождения связывают с деятельностью католического священника Антона Бернолака (1762-1813), предпринявшего попытку научно разработанной кодификации словацкого литературного языка (бернолаковщины) на основе западнословацкого интердиалекта (то есть наддиалектной формы культурного разговорного языка). Реформа А.Бернолака выражала стремления словаков развивать собственную литературу на родном

языке, что явилось свидетельством начавшегося процесса этнической идентификации словаков.

Характерной особенностью словацкого возрожденческого движения была идея славянской взаимности, то есть концепция близкого родства всех славян, "Natio slavica" была основой зарождения словацкой национальной идеи, имевшей явно оборонительный характер в условиях венгерской и немецкой политической и культурной гегемонии.

И сторонники А.Бернолака (бернолаковцы) исходили из представления о принадлежности словаков к единому славянскому народу, подчеркивали древность его происхождения, широту территории его расселения, живо интересовались его прошлым, глубоко читли Великоморавскую и Кирилло-мефодиевскую традицию в своей истории. Но в то же время А.Бернолак рассматривал словацкий язык в качестве самостоятельного, равного всем другим славянским языкам. Главный труд А.Бернолака "Gramatica slavica" вышел в 1790 г. Кодифицированный бернолаковцами язык был принят в качестве литературного языка лишь в среде словацких образованных католиков. Словацкие протестанты сохраняли верность чешскому языку [47].

Это было время особого литературного двуязычия, которое отражало две концепции в национальной идеологии на начальном этапе словацкого возрождения. Словацкие католики были сторонниками самостоятельности словацкого этноса, протестанты же, тесно связанные с чешской культурой, отстаивали старые традиции этнического и языкового единства с чехами.

Главным идеологом протестантского направления в словацком национальном возрожденческом движении был поэт и публицист Ян Коллар (1793-1852 гг.), разработавший концепцию единства "чехословацкого племени" и общего литературного языка как составной части более широкой идеи славянской взаимности и единства "славянского народа". Основные положения этой теории Я.Коллар сформулировал в предисловии к сборнику "Песни светские народа словацкого в Венгрии" (1923), изданному совместно с П.И.Шафариком, и трактате "О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими" (1836). Главной идеей Я.Коллара было приостановить дифференциацию "славянского народа", то есть "общности людей, объединенных общим языком, одинаковыми нравами и обычаями". Структурно "Славянский народ"

как единое целое состоял, по мнению Я.Коллара, из четырех "племен" - русского, иллирийского, польского и чехословацкого. Возможность их внутреннего деления категорически отвергалась. Это касалось и единого в его понимании "чехословацкого племени", откуда следовало отрицание словацкой самобытности и призывы "пожертвовать частью во имя целого" [48].

Я.Коллар и поддерживавшие его позицию ведущие деятели чешского и словацкого национального возрождения Ф.Палацкий, П.Шафарик упорно сопротивлялись появлению словацкого литературного языка, что означало для них нарушение единства "чехословацкого племени". Они, правда, предлагали "средний путь", то есть модификацию чешского языка в смысле приближения к словацкой разговорной речи.

Опасность затянувшегося разлада осознавалась как католической, так и протестантской патристически настроенной интеллигенцией. Заметным шагом навстречу друг другу было основание в 1834 г. первого общесловацкого культурного "Общества любителей словацкого языка и литературы" с альманахом "Заря", где печатались материалы как на чешском языке, так и на "бернолаковщине". Однако, этот компромисс мог быть лишь временным, нужна была единая концепция словацкой национальной идеологии.

С 40-х гг. XIX в. словацком национальном возрождении наступил новый этап. Это уже не было просветительское движение культурно-языкового направления, расширилась его социальная база, появились требования политического характера. Перед словацким национальным движением встали новые задачи, так как изменилась этнополитическая ситуация в стране. Это был период активизации венгерского национального движения за освобождение от австрийского гнета. В венгерской дворянской идеологии происходят радикальные изменения: меняется старое сословное содержание понятия "нацио хунгарика", рамки его расширяются и оно становится обозначением единой венгерской идентичности с ярко выраженной мадьярской гегемонией. Теперь термин "венгерская политическая нация" с лозунгом "Одно государство - одна нация!" - сделались орудием мадьяризаторской политики венгерских национальных деятелей, при которой столь же обоснованные требования национальных прав немадьярских народов Венгрии объявлялись незаконными и опасными. Был принят целый ряд

законов, поставивших венгерский язык в привилегированное положение, он стал языком государственным и языком школьного обучения для всего населения Венгерского королевства. В словацких комитатах началась открытая политика насильственной ассимиляции словаков. Если ранее в Австрийской империи шла борьба угнетенных народов (включая венгров) против угрозы германизации, то теперь для словаков еще большую опасность стал представлять собой национализм венгерских патриотов [49].

Одной из главных задач словацкого национального движения было преодоление конфессиональной разобщенности патристических сил. Продолжала оставаться актуальной проблема литературного языка и создания единой концепции национальной идеологии.

Важнейшую роль в деле этнической консолидации словаков в этот период сыграл Людевит Штур - представитель молодого поколения протестантского крыла интеллигенции, журналист, литератор, лингвист. Принимая колларовскую теорию славянской взаимности, Л.Штур творчески ее переработал, предложив концепцию самобытного словацкого народа. Он отошел от идеи "чехословацкого племени", выделив специфику каждого из славянских народов ("племен") в рамках единого славянского народа: "Славянская жизнь богата, как разветвленный ствол липы, народ один, но в многообразии", - писал Л.Штур. Концепция эта была близка и сторонникам Л.Штура (штуровцам). Так, Й.М.Гурбан писал в своем дневнике еще в 1838 году: "Мы должны стеречь самостоятельность своего племени. Мы словаки и только поэтому и именно поэтому мы - славяне". Вопрос о соотношении части и целого Л.Штур ставил и в отношении словаков как равноправной составной части населения Венгрии [50].

Обязательным условием для самостоятельного развития словаков штуровцы считали собственный литературный язык. Родная речь должна была сблизить интеллигенцию с простым народом, служить делу его просвещения, развитию словацкого этнического самосознания. Основу нового литературного языка, кодифицированного штуровцами, составляла наиболее широко употреблявшаяся разговорная лексика среднесловацких говоров. Это не был конкретный диалект, а разговорный язык без местных различий, то есть культурный интердиалект. Л.Штур верил, что новый литературный язык, понятный народу, станет общесловацким.

В 1844 г. Л.Штур совместно с М.М.Годжей и Й.М.Гурбаном создали словацкое культурно-просветительское общество "Татрин", рабочим языком которого стал новый литературный язык. В 1846 г. вышли в свет главные языковедческие работы Л.Штура с обоснованием введения нового литературного языка, а также с изложением его норм и правил.

Понимая необходимость привлечения к национальному движению широких масс народа, штуровцы стали с 1845 года издавать первую национальную газету на словацком языке "Slovenské národné noviny" (Словацкую национальную газету) с литературным приложением "Orel Tatranský" (Орел Татранский). Газета превратилась в организационный центр словацкого национального движения. Росла и политическая активность Л.Штура - признанного лидера словацкого народа. Он опубликовал в Словацкой национальной газете за три года ее существования более 30-ти статей, в которых обращался к патриотическим чувствам своих соотечественников, требовал расширения функций словацкого языка, гражданских прав для всех подданных Венгрии, отмены крепостного права и т.п. В 1847-48 гг. Л.Штур был депутатом венгерского сейма, а в мае 1848 г. участвовал в составлении "Требований словацкого народа", направленных революционным властям Венгрии. Это была первая национально-политическая программа словаков, содержавшая 14 пунктов [51].

Главным из них был созыв общегосударственного сейма, представляющего все население Венгрии, а также национальных сеймов как гарантов равноправия всех ее народов, словацкий язык обучения (от школ до университета), употребление словацкого языка в комитатской администрации и судах. Кроме того, были выдвинуты требования общедемократического характера для всех жителей Венгрии (свобода печати и собраний, всеобщее избирательное право, возвращение земли крестьянам). Выражалась полная лояльность венгерскому правительству и подчеркивалось, что "словацкий народ не угнетает другие народы и сам не желает быть угнетенным".

Все эти умеренные требования были решительно отвергнуты венгерским революционным правительством. Лидер венгерского либерального дворянства Кошут считал, что после осуществления всех задуманных им демократических преобразований невенгерские народы страны сами откажутся от национальных претензий. Однако, национальные венгерско-словацкие противоречия выступили на

первый план: обманутые в своих ожиданиях словаки оказались на стороне контрреволюции, то есть австрийских Габсбургов.

После поражения революции 1848 г. австрийское правительство так и не выполнило своих обещаний по реализации национальных прав словаков. Правда, произошло значительное оживление этнокультурной жизни словаков. В противовес венгерским оппозиционным силам венское руководство пыталось проводить лояльную политику по отношению к невенгерским народам империи: было разрешено употребление родного языка в местной администрации и начальных школах, а также деятельность культурно-национальных обществ.

В качестве консультанта по словацким делам в Вену был приглашен Ян Коллар - ярый противник штуровского демократического направления словацкого национального движения. Я.Коллар с группой своих сторонников начал издавать "Словацкую газету" (Slovensky noviny) на чешском языке (библичтине). С новой силой вспыхнули разногласия в лагере словацких политиков. Огромные усилия, предпринятые Л.Штуром для консолидации словацких патриотических сил, казалось, были напрасными. Продолжались жаркие дискуссии о "чехословацком племени", самобытности словацкого народа и его языка.

Новая волна активизации словацкого национального движения наблюдалась в начале 1860-х гг. в связи с подготовкой конституционных изменений государственного устройства Австрийской монархии. Большая часть словацкой интеллигенции объединилась в этот период вокруг газеты "Пештбудинские ведомости" (Pestbudinske vedomosti), издававшейся на словацком языке. Это была первая словацкая политическая газета, в ней была опубликована для всенародного обсуждения национальная программа "Меморандум народа словацкого", составленная в основном молодым словацким юристом Штефаном Марком Дакснером. "Меморандум" был торжественно принят на общенародном собрании словаков в июне 1861 г. в г. Мартине, куда съехались тысячи людей со всех концов Словакии [52].

Во введении к "Меморандуму" подчеркивались автохтонность словаков на своей этнической территории и их исторически равные права в Венгерском государстве, в экономической, культурной жизни и обороне которого словаки принимали участие на протяжении тысячелетия. Главные пункты "Меморандума" содержали требование автономии словацкой этнической территории в пределах

неделимой Венгрии: вычленение территориально-административного целого - верхневенгерского словацкого "Околия" ("все, что существует в материальном мире, лишь во времени и пространстве существовать может") со столицей в г. Баньска Бистрица и автономным управлением - собственным законодательным сеймом и администрацией. В следующих пунктах перечислялись требования введения словацкого языка в школах всех ступеней, свободы деятельности культурно-просветительских национальных обществ и т.п. Дипломатическим языком признавался венгерский. "Меморандум" заканчивался лозунгом: "Единая, свободная, конституционная родина, а в ней свобода, равенство и братство всех народов!"

"Меморандум", предъявленный венгерскому сейму, был отвергнут, безрезультатной была и апелляция к австрийским властям.

На словацком общенародном собрании в г. Мартине было решено создать Матицу словацкую - культурно-просветительское словацкое национальное общество по образцу уже действующих Сербской и Чешской Матиц. Она была создана в 1863 г. на средства, собранные путем добровольных пожертвований и взносов, и быстро стала символом общесловацкой идентичности. Целью Матицы словацкой было воспитание самосознания словаков, всемерная поддержка развития словацкой культуры - литературы, искусства, науки, народного творчества. Матица словацкая занималась и издательской деятельностью. С 1870 г. Матица издавала общесловацкую газету "Народни новини" (Narodni noviny), вокруг которой сложилось основное ядро первой словацкой политической партии - "Словацкой народной партии", председателем которой стал секретарь Матицы словацкой П.Мудронь.

1860-е гг. были временем быстрого подъема словацкой культуры. На родном языке писали многие талантливые литераторы, поэты, публицисты - Я.Вотто, И.Францисци, Й.М.Гурбан, Я.Заборский, Я.Краль, С.Халупка, Я.Полярик, А.Сладкович; педагоги и ученые М.Чулен, Ф.Сасинек, М.Гаттала и др. К середине 1860 гг. в Словакии было 2 католических гимназии со словацким языком обучения и 5 со смешанным языком, выходило более 10 общественно-политических и литературных журналов, связанных целой сетью корреспондентов с самыми разными областями Словакии. Нельзя не подчеркнуть, что идее национального освобождения словаков служило лишь несколько десятков энтузиастов -

интеллигентов, не имевших в своей деятельности никакой материальной поддержки со стороны государства [53].

Подъему словацкого национального движения в 1850-х - начале 1860-х гг. способствовала относительно благоприятная политическая ситуация в империи Габсбургов. Словаки смогли использовать борьбу австрийского правительства с венгерским дворянством за раздел власти в монархии. Однако вскоре положение изменилось.

После поражения Австрии в войне с Пруссией в 1866 г. возникла угроза полного развала империи. Габсбурги вынуждены были пойти на союз с Венгрией. По соглашению 1867 г. Австрия была преобразована в двуединое государство Австро-Венгрию.

С упрочением власти венгерских правящих кругов резко усилилась их мадьяризаторская политика по отношению к национальным меньшинствам, государственным языком стал венгерский. Были запрещены всякие национальные культурные организации, так как они противоречили идее превращения многонационального государства в этнократическое государство венгров. Была закрыта в 1875 г. и Матица словацкая, которую удалось возродить только в Чехословацком государстве в 1919 г. В конце XIX в. 2,5 млн. словаков не имело ни одной гимназии и высшей школы. Из существовавших в 1869 г. 1822 словацких народных школ к 1905 году сохранилось лишь 241. В 1913 г. в Университетах Венгрии только 1,4% студентов были словаками, 2,2% периодических изданий выходило на словацком языке [54]. Национальное угнетение деформировало развитие всех сфер жизни словацкого этноса. Шел быстрый процесс мадьяризации словаков. Венгерским властям удалось создать такую обстановку в стране, при которой словак, не отрекшийся от своей этнической идентичности, мог оставаться только крестьянином или ремесленником.

Значительная часть словацкой интеллигенции (студенты, учителя, духовенство) - главные носители словацкой национальной идеи - эмигрировала в Америку. Здесь в 1900 г. насчитывалось около 300 тыс. словаков. Национально-политическая жизнь словацкой диаспоры в США была по сравнению с метрополией гораздо более оживленной: существовало множество национально-культурных обществ, культивировавших словацкое национальное самосознание. В 1907 г. в Кливленде была основана "Словацкая лига", главной целью которой была поддержка национального движения на родине.

Однако главной опорой в борьбе за национальное равноправие словацкие политики считали гораздо более зрелые и опытные чешские национальные партии, пользовавшиеся в австрийской половине империи несравненно большей свободой.

После Австро-Венгерского соглашения 1867 г. рухнула надежда чешских национальных политических партий на участие в управлении страной наравне с Венгрией: триединая структура империи, которой они упорно добивались, позволила бы обеспечить суверенное правовое положение Чешских земель, соответствующее их экономическому потенциалу. Главной целью политической борьбы в конце XIX в. они считали признание равноправия чешского языка и сохранение национальной культуры.

Широкое распространение получила идея чешско-словацкой взаимности, подчеркивалось близкое родство чехов и словаков, ставилось под сомнение и самостоятельное существование словацкого народа, его считали "венгерской ветвью чешского народа".

Чехи претендовали на право выступать со своими требованиями и от его имени, выражая интересы словаков как части "единого чехословацкого народа". Эта тенденция, по их утверждению объясняемая культурной незрелостью и сравнительной малочисленностью словаков, в начале XX в. все более усиливалась.

Чехи и словаки в своих национально-политических программах не выступали за создание самостоятельного государства, ограничиваясь требованиями федеративного устройства или автономии в рамках Австрийской империи. Идея создания общего суверенного государства возникла уже после начала I-й мировой войны в кругах чешской и словацкой эмиграции, обсуждавших свое будущее в случае возможного поражения Австро-Венгрии силами Антанты.

В октябре 1915 г. в г. Кливленде "Словацкая лига" и "Чешское национальное общество" в США заключили договор, в котором была четко определена общая цель чешского и словацкого освободительного движения: 1. Самостоятельность чешских исторических земель и Словакии; 2. Объединение чешского и словацкого народов в федеративном союзе государств с полной национальной автономией словаков, собственным сеймом, государственной администрацией, культурной свободой и правами пользоваться словацким языком в качестве государственного, раздельными финансами[55].

Центром чешского и словацкого движения за государственную самостоятельность в эмиграции стал "Чехословацкий национальный совет", сформированный в Париже в 1916 г., во главе которого встал триумvirат авторитетных политиков - чехи Т.Г.Масарик, Э.Бенеш и словак - "гласист" М.Р.Штефаник. Чехословацкий национальный совет, преобразованный затем во Временное правительство еще до окончания войны, были признаны Союзниками.

В конце мая 1918 г. словацкая народная партия, собравшаяся тайно в Мартине, приняла также решение объединиться в одном государстве с чехами. Лидер католического крыла народной партии (людовцев) Андрей Глинка заявил: "Необходимо решить, пойдем мы далее с венграми или чехами. Признаемся открыто, что тысячелетний брак с венграми не удался. Мы должны разойтись". Через неделю после этого в Питсбурге был подписан представителями чешских и словацких национальных организаций США "Чехо-словацкий договор", концепция которого была разработана и подписана Масариком. В нем говорилось о программе объединения чехов и словаков в самостоятельном государстве Чешских земель и Словакии, в котором Словакия будет иметь свою собственную администрацию, свой сейм и собственные суды. Было решено, что Чехо-словацкое государство станет республикой, а его конституция демократической [56].

Кливлендский и Питсбургский договоры несомненно отражали соотношение сил периода I-й мировой войны в американской эмиграции, где словаки имели явное численное преобладание и были лучше организованы, а чехи вынуждены были идти на уступки. К этим двум договорам, предшествовавшим образованию Чехословацкого государства, в критические моменты всей его дальнейшей истории неизменно обращались словацкие политики для обоснования своих национально-правовых претензий по отношению к Праге.

Наиболее ярким приверженцем теории "чехословакизма" был Т.Г.Масарик - будущий президент Чехословацкой республики и возглавляемая им чешская партия социалистов. Со стороны словаков идеи "чехословакизма" в этот период поддерживала влиятельная группа молодежи, объединившаяся вокруг журнала "Hlas" и представлявшая особое течение внутри словацкой народной партии (так называемые гласисты). В конце 90-х гг. XIX в. в Чехии сформировался центр словакофильства - "Чехословацкое единство"

(Ceskoslovenska jednota) с широко разветвленной сетью филиалов, ставивших своей целью помощь в развитии культуры и экономики словаков [57].

Теория "чехословакизма", авторство которой нередко приписывается Т.Г.Масарику, была сформулирована еще Я.Колларом как составная часть более широкой концепции единства "славянского народа". Концепция Я.Коллара сыграла определенную положительную роль в национальном движении славян Австрийской монархии: национально-оборонительная идеология соответствовала требованиям своего времени, противопоставляя общеславянское культурное единство опасности германизации. Но позднее "чехословакизм" сделался несомненным тормозом для формирования словацкой этнической идентичности и развития словацкого национального движения: до недавнего времени постоянно ставился вопрос о том, являются словаки самостоятельным народом или же только составной частью народа чешского?

В политических планах чешского национального движения словаки занимали важное место не только в качестве единственного союзника, но и как составная часть "чехословаков".

Датой создания Чехословацкого государства считается 28 октября 1918 г. 30 октября в так называемой Мартинской декларации Словацкий национальный совет высказался за присоединение к нему Словакии и объявил словаков "в языковом и культурном отношении частью единого чешско-словацкого народа".

Границы Чехословакии были определены Версальским, Сен-Жерменским (1919) и Трианонским (1920) договорами держав Антанты с Германией, Австрией и Венгрией. По Сен-Жерменскому договору в состав Чехословакии вошла и Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь, или территория русин к югу от Карпат) с обязательством предоставления ей автономии.

В состав Чехословацкой республики вошло 25% территории Австро-Венгрии и 26% ее населения, но к ней перешло 75% всей промышленности бывшей монархии. Чехословакия лишилась большого рынка сбыта своей продукции. Это обстоятельство вынуждало чехословацкое правительство свертывать "излишки" промышленности, что и осуществлялось за счет нечешской промышленности, главным образом словацкой, хуже оснащенной и менее рентабельной. В первые же годы была ликвидирована большая часть словацкой тяжелой промышленности. Промышленность

Словакии весь период существования I-й Чехословацкой республики находилась в состоянии стагнации, проводимая в Чешских землях модернизация обошла ее стороной. Чешская промышленность ограждалась высокими покровительственными пошлинами. Словакия развивала лишь отдельные отрасли - пищевое, деревообрабатывающее, горнодобывающее производство и оставалась источником сырья и аграрным краем. Но и по уровню развития сельского хозяйства она намного отставала от Чешских земель: урожайность здесь была ниже на 25-30%. На развитие сельского хозяйства оказывали неблагоприятное влияние низкая покупательная способность населения и высокие железнодорожные тарифы.

Около 1/3 населения Чехословакии в границах, определенных ей мирными договорами, составляли национальные меньшинства: немцы, венгры, русины, поляки и др. Положение национальных меньшинств было определено специальным малым Сен-Жерменским договором.

Чехословацкая республика по существу своему была многонациональным государством. По переписи 1931 года немцы составляли 22,5% ее населения (их было на миллион больше, чем словаков), венгры - 4,9%, русины - 3,9%, евреи - 1,4%. Только то, что официальная статистика объединяла чехов и словаков в один народ, помогало доказывать преобладание в 66% численности господствующего в государстве народа "чехословаков". Чехи в Чехословакии составляли менее 50% населения [58].

В мае 1920 г. была принята Конституция и закон о языке, вводивший официальное понятие "чехословацкий народ". В конституции декларировалось равенство всех граждан независимо от их происхождения, расы и вероисповедания. Была узаконена централизованная форма государственного управления - двухпалатное Национальное собрание и избираемый на 7 лет президент. В Конституцию вошли важнейшие положения малого Сен-Жерменского договора об охране прав национальных меньшинств, декларировалась и возможность представления автономии Подкарпатской Руси, но она так и осталась на бумаге.

Закон о языке объявлял государственным "чехословацкий язык" (в "двойном звучании", то есть чешском и словацком). В районах, где национальные меньшинства составляли более 20%, они могли

неравно с "чехословацким" пользоваться и родным языком в школах, судах, администрации и пр.

Образование Чехословацкого государства для чехов и словаков означало важнейший рубеж в национально-освободительном движении. Если в условиях национального гнета Австро-Венгрии речь шла об ассимиляции и выживании, то в условиях буржуазно-демократического режима Чехословацкой республики оба народа получили возможность для всестороннего развития национальной культуры и языка.

Чехи в новом государстве находились в привилегированном положении. Теория "чехословакизма" в новых условиях стала играть отрицательную роль, препятствуя процессу этнической идентификации словаков. Она превратилась в государственную официальную идеологию, закреплённую в Конституции.

"Чехословакизм", отрицавший существование самобытности словацкого народа, тем самым в завуалированной форме не признавал и его государственно-правового равноправия с чехами: отвергались все требования о создании словацких национальных органов управления для решения собственных проблем, пропорционального участия в законодательных центральных учреждениях всей страны.

Однако, в первые же годы существования Чехословацкой республики произошёл быстрый подъём национального самосознания словаков: получив свободу национального развития, густую сеть школ, печать, театры, литературу на родном языке они уже не могли мириться с идеологией, оправдывающей своё сближение или поглощение более крупным, хотя и близкородственным народом. Каждый акт ущемления национальных прав вызывал у словаков обострённую и массовую реакцию.

Быстро стала меняться социальная структура словацкого населения: появился и быстро рос так называемый третий класс, т.е. интеллигенция, чиновничество, занявшие места, принадлежавшие ранее немцам и венграм. Местных национальных кадров особенно в первые 20-е годы остро не хватало, и в Словакию переселились сотни специалистов - учителей средних и высших школ, чиновников, научных работников, служащих, артистов и музыкантов, военных из Чешских земель республики. Массовое сознание чешских переселенцев было по отношению к словакам доброжелательным, однако не было лишено оттенка патроната. Сотни словацких

студентов в крупных чешских Университетах получили высшее образование.

Можно сказать, что взаимоотношения между чехами и словаками в первые годы после создания самостоятельной Чехословакии были полны определенных иллюзий, со временем они рассеивались, а межнациональные установки становились напряженными. Это касалось не только словацкой стороны: в чешской прессе того времени все чаще встречались упоминания о "неблагодарности" словаков. Сказывались различия в менталитете, ценностных ориентациях, традициях бытовой культуры чехов и словаков: словаки (среди которых преобладало крестьянство) по сравнению с чехами отличались религиозностью и патриархальностью, чехи же были гораздо более урбанизированы, а чешская интеллигенция (учителя, врачи, военнослужащие), переселившиеся в Словакию, отличались заметным вольнодумием.

Самой влиятельной политической партией в Словакии с 1920-х гг. сделалась Католическая народная партия - "людовцы", отделившаяся от Словацкой народной партии в 1913 г. На выборах в местные органы власти в 1923 г. она получила наибольшее число голосов, популярность ее усиливалась в течение всего периода существования I-й Чехословацкой республики [59].

В условиях обострения этнического самосознания словацкого населения получила широкую поддержку идея словацкой автономии в границах Чехословакии в духе Питсбургского соглашения 1918 г., сформулированная "людовцами" уже в 1921 г. и по существу остававшаяся их неизменной политической программой. Главные лозунги лидера "людовцев" Андрея Глинки - "Словакия для словаков", "Мы хотим, чтобы в Словакии прежде всего словак был нотариусом, чиновником, полицейским", "В Словакии словаки будут панамы" - привлекли на его сторону словацкий средний класс, в среде которого в условиях конкуренции усиливались античешские настроения.

Этнонационализм Ксендза А.Глинки и его соратников был тесно связан с клерикализмом. Это была католическая партия, использовавшая в политических целях свое влияние среди верующих словаков, подавляющее большинство которых составляли католики [60].

Религиозность большей части жителей Словакии обеспечивала массовую поддержку партии "людовцев", а тесные контакты с

самыми широкими слоями населения и традиционно сохранявшийся авторитет католического духовенства облегчали укрепление в массовом сознании словаков идей этнического сепаратизма и противостояния чешским "безбожникам".

В этих условиях лидером движения за равноправное положение словаков в I-й Чехословацкой республике сделалась консервативная этноклерикальная партия "людовцев", главной целью которой стал этнический сепаратизм.

В 1927 г. был принят закон о реформе административного управления: вся территория Чехословацкой республики была разделена на 4 земли, то есть Чехию, Моравию с Силезией, Словакию и Подкарпатскую Русь. Во главе каждой из них стоял земский президент, назначаемый правительством, а при нем земское представительство, одна треть состава которого также назначалась Прагой. При канцелярии земского представительства были созданы политические управления, подчинявшиеся министерству внутренних дел республики.

Земская административно-территориальная организация была основана на принципе гражданства и учитывала традиционное разделение исторических областей страны, а не этнические границы населявших ее народов. В то же время в Подкарпатской Руси был оставлен губернатор в качестве символа ее автономного статуса.

Однако, словацкие национальные деятели сочли эту реформу "проблеском автономии" [61]. Впервые за всю историю Словакия стала составлять отдельную административную единицу, а сохранявшееся со времен Австро-Венгрии деление ее территории на комитаты (жупы) было уничтожено. Столицей Словакии сделалась Братислава, этнический состав ее жителей (до тех пор отличавшийся явным преобладанием немцев и венгров) стал изменяться. С появлением Национального театра и Университета им. Я.А.Коменского она превращалась в центр словацкой культурной жизни наряду с г. Турчанский св. Мартин, где снова активизировалась деятельность Матицы Словацкой.

Правительство Чехословацкой республики и поддерживавшие его партии общегосударственного масштаба не уделяли должного внимания словацкому вопросу. Осью политической жизни стало урегулирование отношений с немецким меньшинством государства, активность которого (особенно Судето-немецкой партии Генлейна) возрастала с приходом к власти фашистов Гитлера в Германии.

Более 3 млн. немцев, потерявших с образованием Чехословакии свое привилегированное положение, претендовали на роль второго в стране народа после "чехословаков", требуя больших прав для своего языка, образования, свободы печати, широкого представительства в государственных учреждениях и парламенте.

С потерей своего статуса доминирующего народа не могли примириться и венгры в Словакии. Их национальные чувства всячески подогревала хортистская Венгрия, развернувшая в 30-х гг. целую кампанию за ревизию Трианонского мирного договора и обновление "Великой Венгрии" [62].

Драматические события, связанные с Мюнхенским соглашением западных держав сентября 1938 года, широко известны: сепаратистские, а затем и ирредентистские движения национальных меньшинств привели к вмешательству соседних государств во внутренние дела Чехословакии и в конечном счете к ее расчленению. От Чехословакии были отрезаны важнейшие в промышленном и стратегическом отношении пограничные районы на западе, севере и юге [63].

Пользуясь ослаблением центральной власти, словацкие сепаратисты в октябре того же года в г. Жилине объявили о создании автономного правительства Словакии во главе с людовцем Йозефом Тисой. Автономия была провозглашена и на Подкарпатской Руси.

Отношения Й.Тисы с центральным правительством II-й Чехословацкой республики и ее президентом Гахом, сменившим эмигрировавшего на запад Э.Бенеша, были напряженными. В Словакии поднялась волна национализма, подогреваемого правящей партией "людовцев" и близкими к ней фашистскими группировками. Реализовывался лозунг "Словакия для словаков": по соглашению с Прагой были уволены 9000 государственных служащих - чехов (чиновники, учителя, почтовые работники, офицеры) и высланы в чешские области страны. Были созданы словацкие национальные воинские подразделения [64].

14 марта 1939 г. под патронатом Гитлера было провозглашено самостоятельное Словацкое государство, президентом которого стал Й.Тиса. Чешские области страны были оккупированы гитлеровской армией, был создан "Протекторат Чехии и Моравии". О своей самостоятельности объявила и Подкарпатская Русь, но была вскоре присоединена к Венгрии вместе со значительной террито-

рией южной Словакии. Чехословацкое государство прекратило свое существование.

Словацкое государство (согласно Конституции июля 1939 г. - Словацкая республика) по своим размерам (38004 кв.км. и численности населения в 2655053 чел.) принадлежало к самым малым в Европе. Экономика и природные ресурсы Словакии, ее внешняя политика служили интересам гитлеровской Германии, во внутренней политике господствовал клерикально-фашистский режим, были запрещены все партии, кроме католической народной партии (людовцы). Уже в самом начале своего существования Словакия вступила в войну с Польшей, а позднее присоединилась к пакту трех держав - Германии, Японии и Италии, связав себя с их агрессивной политикой. В июне 1941 г. Словакия вынуждена была объявить войну СССР. Лишь Словацкое народное восстание против Гитлера в августе 1944 г., отразившее настоящую волю словацкого народа, решило вопрос о возможности восстановления Чехословакии как государства двух народов - чехов и словаков.

Движение за возрождение Чехословакии и отмену Мюнхенского соглашения началось с создания Чехословацкого национального комитета в Париже в ноябре 1939 г., во главе которого стоял Э.Бенеш. Его поддерживали и представители словацкой эмиграции (М.Годжа и др.), но с условием, что подчиненное положение словацкого народа и централизм I-й Чехословацкой республики более не повторятся.

Снова, как и перед первой мировой войной, вспыхнули споры в среде чехословацкой эмиграции о национально-правовом устройстве будущего государства. Словацкие политические деятели требовали от Э.Бенеша гарантий признания самобытности и правовой фиксации равного статуса чехов и словаков в будущем государстве.

Возник вопрос о том, следует ли считать словаков самостоятельным народом или только этнической группой в составе чехов? Так, президент Э.Бенеш еще на переговорах с делегацией компартии Чехословакии в Москве в декабре 1943 г. продолжал отстаивать идею "чехословакизма": "Меня никто не заставит признать словацкий народ... Это мое научное убеждение, и я его не изменю... Словаки - это чехи, и словацкий язык является лишь одним из наречий чешского языка, как ганацкое или другое чешское наречие.

Я никому не запрещаю говорить, что он словак, но не допущу, чтобы объявлялось, что существует словацкий народ" [65].

В Лондоне, куда переместился центр чехословацкого правительства, публиковались десятки статей и целых исследований, поддерживающих тезис о "едином чехословацком народе". Сторонники этой теории защищали принцип этнонации, они считали, что национальная и государственная идеи при восстановлении Чехословакии в прежних границах неразрывно связаны, так как с распадом чехословацкого этнического единства исчезнет и единство государственное.

Только события, развернувшиеся в Словакии, заставили лондонскую эмиграцию Э.Бенеша отступить от своей позиции и признать право словаков на этническое самоопределение.

В Словакии в конце 1943 г. коммунисты и другие оппозиционные клерофашистскому режиму партии заключили так называемый Рождественский договор о создании Словацкого национального совета - центра общенародной антифашистской борьбы. Объявив себя единственным представителем словацкого народа на его территории, Совет заявил и о своем намерении сотрудничать с лондонским правительством, "чтобы чехи и словаки как наиболее родственные между собой славянские народы связали свою дальнейшую судьбу с новой Чехословацкой республикой - общим государством чехов и словаков на основе полного равенства" [66].

В октябре 1944 г. президент Э.Бенеш признал Словацкий национальный совет в качестве выразителя воли самостоятельного словацкого народа временной законодательной и исполнительной властью на всей территории Словакии.

В апреле 1945 г. на освобожденной Советской армией территории восточной Словакии в г. Кошице обосновалось первое правительство народно-демократической Чехословакии.

Кошицкая правительственная программа была оглашена 5 апреля 1945 г. на торжественном заседании правительства и Словацкого национального совета. Чехословацкая республика объявлялась государством двух равноправных народов - чехов и словаков: "Положив конец старым спорам и исходя из признания словаков самобытным народом, правительство с первых своих шагов будет стремиться к тому, чтобы осуществлялся принцип "равного с равным" и было воплощено в жизнь действительное братство между двумя народами. "Были провозглашены все демократические свободы, избирательных прав были лишены только лица, сотруд-

ничавшие с фашистами, в их числе были и словацкие "людовцы". Словацкий национальный совет признавался представителем интересов словацкого народа, ему передавались законодательная и исполнительная власть в Словакии" [67].

Кошицкая программа представляла собой определенный компромисс, она не решала проблему внутреннего устройства государства и практического правового регулирования чешско-словацких отношений. Борьба за конкретные формы воплощения принципа равноправия чехов продолжалась и в последующие годы.

Э. Бенеш был убежденным сторонником общегражданских принципов государственного устройства, земской региональной децентрализации управления. Словацкие политики в своих требованиях отстаивали дуалистическую форму федерации.

В Чешских землях не сформировался аналогичный Словацкому национальному совету общечешский орган власти. Со времени переезда в Прагу в мае 1945 г. власть перешла в руки центрального чехословацкого правительства, в состав которого входили и словаки. Словакия практически была включена в состав новой Чехословацкой республики на правах автономии. Элементы федеративного устройства, намечавшиеся в Кошицкой программе, постепенно исчезали. Сформировалась так называемая асимметричная модель государственно-правового регулирования национальных отношений двух объявленных равноправными народами в рамках унитарного государства, которую нередко называли чехословацкой спецификой решения национального вопроса.

Конституция 9 мая 1948 г. была принята после так называемых февральских событий, приведших к власти коммунистов, провозгласивших курс на построение социализма. Конституция объявила Чехословакию народно-демократической республикой, единым государством равноправных славянских народов - чехов и словаков, составляющих единое и неделимое целое.

Узаконив существование словацких национальных органов - носителей и исполнителей государственной власти в Словакии, представляющих одновременно и национальные интересы словаков, Конституция резко ограничила их полномочия. Вся законодательная и исполнительная деятельность словацких национальных органов власти и управления была подчинена контролю центра. Министры центрального правительства получили право прямого вмешательства в управление на территории Словакии без посред-

ства словацких уполномоченных. Был предусмотрен роспуск Словацкого национального совета премьер-министром, а также назначение Коллегии уполномоченных Словакии центральным правительством [68]. Ограничение властных функций словацких национальных органов и сферы их деятельности было реакцией на результаты парламентских выборов 1946 г., когда 60% голосов избирателей в Словакии получила демократическая партия, принимавшая в союзе с коммунистами участие в деятельности Словацкого национального совета и Кошицкой программы правительства, а также активно выступавшая за федеративное устройство Чехословакии.

Всякие проявления словацкого сепаратизма расценивались как пережитки "людовской" идеологии, противоречившие интернациональным интересам рабочего класса. Во время правления К.Готвальда и В.Новотного в Чехословакии насаждалась советская модель социализма со всеми ее репрессивными формами. Многие известные словацкие коммунисты, участвовавшие в восстановлении Чехословацкого государства, оказались в числе осужденных за "буржуазно-националистические отклонения".

Согласно новой Конституции Чехословацкой Социалистической Республики (ЧССР), принятой в июле 1960 г., словацкие национальные органы власти перестали совсем выполнять функции национального представительства, Коллегия уполномоченных была ликвидирована, а Словацкий национальный совет сделался составной частью административно-территориальной системы управления унитарного государства [69].

Правительство коммунистов одной из главных задач переустройства страны считало преодоление отсталости Словакии и выравнивание уровней социально-экономического развития чешской и словацкой частей государства.

Считалось, что экономический подъем и индустриализация Словакии автоматически приведут к окончательному решению "словацкого вопроса". Действительно, за годы социально-экономических преобразований после II-й мировой войны Словакия преобразилась и превратилась из аграрного края в аграрно-индустриальный. Доля Словакии в объеме валовой промышленной продукции Чехословакии увеличивалась очень быстро: 13% в 1948 г., 18% в 1960 г., 20,7% в 1965 г., 27,6% в 1975 г. и 29,4% в 1980 г. За послевоенные годы было построено более 300 крупных и средних

промышленных предприятий - машиностроительных, металлургических, химических и др., сформировался отряд индустриальных рабочих высокообразовательного уровня. В северной Словакии была построена целая сеть оборонных заводов, производивших по советским лицензиям современное оружие для стран Варшавского договора и дружественных им режимов.

Процент крестьянского населения Словакии резко снизился (с 60% в 1948 г. до 10,6% в 1985 г.), а объем сельскохозяйственной продукции увеличился вдвое. Изменился социальный состав словацкой деревни: более 70% ее жителей ездило на работу в город. Это отразилось на образе жизни и быстром повышении культурного и материального уровня населения Словакии, исчезла былая изолированность села, была построена густая сеть коммуникаций, улучшилась социокультурная инфраструктура, полностью обновился жилой фонд деревни [70].

В 1986 г. на XVII съезде Компартии Чехословакии было торжественно объявлено, что социально-экономический уровень чешской и словацкой частей страны в принципе уравнился. В то же время различия в уровне жизни сказывались до последнего времени.

Значительно вырос образовательный уровень жителей Словакии. Правда, здесь сохраняется большая, чем в чешских землях, доля лиц, имеющих основное (8-летнее) образование (51,7% против 44,6%). Но процент населения с высшим образованием и полным средним образованием среди молодежи до 40 лет в 1980-е годы стал превосходить чешские земли. В Словакии в 1980-х гг. было уже 13 высших учебных заведений (в 1937 г. - один ВУЗ).

В 1953 г. была основана Словацкая Академия Наук. Численность национальной интеллигенции быстро увеличивалась. По данным социологических исследований к началу 1980 г. интеллигенция составляла в Словакии 23,2% экономически активного населения (в чешских землях 22,3%), главным источником ее пополнения были рабоче-крестьянские семьи. Доля интеллигенции и служащих, объединяемых в статистике Чехословакии, в чешских землях больше - 29% и 27,4% в Словакии (1980 г.). В конце 1980-х гг. в Словакии имелось свыше 20 профессиональных театров, 12 галерей, 66 музеев, 7 государственных научных библиотек, свыше 3600 народных библиотек.

В Словакии сформировалась национальная научная, научно-техническая интеллигенция, интеллигенция творческая и гуманитарная - главные выразители и активные защитники словацких национальных интересов. Подъем национального самосознания сопровождался повышенным интересом к своей истории, культурным традициям и памятникам, народному творчеству. Во всех областях культуры словаки вновь переживали период национального возрождения. Важнейшей составной частью словацкой профессиональной культуры стал фольклор как символ этнической самобытности.

Социально-статусные позиции словаков по отношению к чехам изменились, они больше не отставали в экономике, культурно-образовательном уровне от более развитого в прошлом чешского этноса, появились новые потребности, отвечающие ожиданиям равного партнерства. Однако, рост экономики и культуры в Словакии далеко не определял всего содержания "словацкого вопроса". Главным все-таки были взаимоотношения с доминирующим народом - чехами, получение равных политических прав и адекватной им роли в решении общегосударственных и собственных проблем на территории Словакии.

Асимметричная модель конституционно-правового устройства и ее конкретное воплощение в жизнь встречали в Словакии все большее недовольство. А.Новотный полностью игнорировал словацкие национальные органы власти, подчеркивая необходимость все более тесного единства двух родственных народов государства. Статистика 1960-х гг. перестала даже публиковать данные о национальном составе ЧССР.

"Словацкий вопрос" стал одним из ключевых при начавшейся демократизации общественно-политической жизни ЧССР в период "пражской весны". Уже в марте 1968 г. Словацкий национальный совет сделал первый шаг к изменению чешско-словацких государственно-правовых отношений, выдвинув требование создания федерации на принципах Кошицкой программы 1945 г. Г.Гусак в июне 1968 г. так охарактеризовал национальную политику президента А.Новотного: "...благородными лозунгами интернационального единства, экономической интеграции или демократического централизма ... год за годом чешским людям говорили, что все в порядке, мы решили национальный вопрос, что помогаем Словакии строить фабрики, обеспечивая ее развитие и индустри-

ализацию. С чешской стороны было скорее ощущение того, что она много отдает и, видимо, за счет чешских людей, но никто им не сказал, что об этом думает большинство словаков, нет ли у них ощущения неравноправности" [71].

Проект Конституционного закона о федерации был принят Национальным собранием Чехословакии накануне 50-й годовщины создания Чехословацкого государства 27 октября 1968 г. Целью образования Федерации было полное устранение следов фактического неравенства чехов и словаков в государственно-правовой сфере. Конституционный закон о федерации был назван рубежом в современной истории двух народов, завершившими поиск оптимального решения чешско-словацких отношений в общем государстве.

Конституционный Закон о Чехословацкой Федерации вступил в силу 1 января 1969 г. Чехословацкая Социалистическая республика объявлялась государством двух равноправных народов - чехов и словаков. Основа федерации - добровольный союз двух равноправных государств чешского и словацкого народов с правом каждого из них на самоопределение. Федерацию образуют суверенные Чешская Социалистическая республика и Словацкая Социалистическая республика, занимавшие в составе ЧССР равноправное положение.

Специальная глава закона была посвящена распределению компетенции между федерацией и республиками. Определены сферы исключительной компетенции федерации (внешняя политика, оборона, валюта, федеральное законодательство, ценообразование, печать, телевидение, транспорт и др.) и республик, а также сфера их совместной компетенции.

Верховным органом государственной власти и единым законодательным органом ЧССР было Федеральное собрание, состоящее из двух равноправных палат - Народной палаты и Палаты Наций. Обе палаты избирались на основе всеобщих и прямых выборов. Народная Палата представляла все население страны, а Палата Наций - обе республики на паритетных началах.

Президиум Федерального Собрания избирался из числа депутатов в равном количестве от каждой палаты Федерального Собрания, при этом члены Президиума от Палаты Наций на паритетных началах представляли обе республики. Глава государства -

Президент ЧССР избирался Федеральным Собранием и был ответственен перед ним.

Верховным исполнительным органом государственной власти являлось правительство ЧССР, которое утверждалось обеими палатами. Правительство ЧССР возглавляло всю систему государственного управления в стране. Особое внимание уделялось сотрудничеству с правительствами республик. Председатели правительств республик назначались заместителями председателя правительства ЧССР, входили в его состав и в состав Президиума Федерального собрания.

С принятием федеративной формы национально-государственного устройства ЧССР претерпел изменение и порядок регулирования вопросов гражданства. Каждый чехословацкий гражданин являлся одновременно гражданином той республики, где он родился, но гражданство одной из республик было можно при желании изменить на гражданство другой республики.

Чешский и словацкий языки употреблялись равноправно при опубликовании законодательных актов или правительственных предписаний. При рассмотрении дел государственными органами ЧССР в обеих республиках, в отношениях с гражданами равноправно могли употребляться оба языка [72].

Во время так называемой "нормализации", наступившей с начала 1970-х гг. после подавления движения "пражской весны" с помощью войск стран Варшавского договора, большинство принципиальных положений Закона о федерации осталось лишь декларированными, но нереализованными. Так, в Законе о федерации экономика определялась как интеграция двух национальных экономик, а в новой его редакции (по Конституционному закону 1970 г.) экономика ЧССР объявлялась единой и развивающейся на основе социалистической системы хозяйства. Постепенно восстанавливалось значение и полномочия федерального центра в Праге, урезались полномочия Словацкого национального совета и правительства Словацкой республики. Объявленная необходимость подготовки Конституции каждой из республик была забыта. В условиях укреплявшейся тоталитарной системы вновь начались преследования за "рецидивы" национализма и локального патриотизма, к которым относили любое проявление национальной самостоятельности.

Централизованной и единой оставалась руководящая сила социалистического государства - Компартия Чехословакии, где Компартия Словакии составляла лишь территориальную единицу и была подчинена Праге. В партийных и правительственных документах середины 1980-х гг. отмечалось, что при всем понимании национальной специфики народов ЧССР необходимо подчеркивать то общее, что их объединяет, используя преимущества для укрепления единства народов, сознания принадлежности к Чехословацкому государству. Целью национальной политики КПЧ должно было быть создание "чехословацкого народа" или "социалистического народа Чехословакии" в качестве новой интернациональной исторической общности. Со словацкой стороны перспектива формирования такого нового синтеза не встречала поддержки, так как напоминала о прежнем "чехословакизме", хотя он и имел в своей основе гражданский, а не этнический принцип[73].

Несмотря на централизаторскую политику Праги, проблемы адаптации в чешской среде и ее ценностям у словаков никогда не существовало. В Чехословакии не было этнической чересполосицы, чехи и словаки составляли абсолютное большинство жителей своих республик. В стране функционировало два равноправных языка, языкового барьера не существовало, так как чешский и словацкий - близкородственные языки, правда, принадлежащие к самостоятельным языковым системам. Чехи пользовались чешским языком, а словаки словацким, двуязычие встречается очень редко и только в районах со смешанным населением - чешском Пограничье и Силезии. Знание чешского языка в Словакии распространено шире, чем словацкого в Чешской республике. Вместе с тем, именно в Словакии (особенно в среде интеллигенции) всегда были сильны тенденции к языковому пуризму, нетерпимость к появлению чехизмов.

"Нежная революция" вызвала новые надежды на урегулирование национальных отношений словаков с чехами, на устранение правового и фактического неравенства словаков. Проблема чешско-словацких отношений - "застарелая, нелечившаяся болезнь", - по выражению А.Дубчека, - сделалась одной из главных в общественно-политической жизни Чехословакии.

Актуализация национального словацкого самосознания сказалась уже в конце апреля 1990 г. при обсуждении названия и госу-

дарственных символов страны. После непрерывных трехдневных споров было принято новое название государства, которое подчеркивало суверенитет Словакии - Чешская и Словацкая Федеративная республика. Изменился и герб страны: им стал геральдический щит, состоящий из четырех частей, на нем два чешских льва с короной и два словацких креста на вершине трех холмов. Социалистическая партия, верная традициям основателей государства Т.Г.Масарика и Э.Бенеша, горячо возражала против изменения названия государства, считая его шагом к разделению государства и уступкой сепаратистским настроениям словаков, затрагивающей лишь вершину айсберга чешско-словацких противоречий [74].

В эти дни за стенами парламента разворачивались политические дискуссии. 20 апреля в Братиславе состоялся митинг "Движения Национального Совета за освобождение Словакии", на котором присутствовало более 2 тысяч человек. Звучали требования "освобождения словацкого народа от чешского угнетения и образования самостоятельного словацкого государства". В митинге принимали участие представители словацкой диаспоры из Канады и США, гостем был и бывший личный секретарь президента Й.Тисо К.Мурин. Нужно сказать, что словаки, живущие в Америке и Европе (особенно Всемирный Конгресс словаков с центром в Канаде, Общество словацкой культуры Pro Patria в Швейцарии и др.), по традиции принимали живейшее участие в национальном движении словаков с тех пор, как получили возможность беспрепятственного посещения бывшей родины, и являлись решительными сторонниками идеи независимой Словакии.

В конце апреля 1990 г. главы правительств Чешской и Словацкой республик приняли решение до выборов в Федеральное собрание и парламент республик (назначенные на июль) выработать предложения о принципах реформирования государственно-правового устройства страны. Прежде всего решено было определить основные положения Конституций двух республик, которые по взаимной договоренности делегировали бы часть своих компетенций Федерации. Это означало другой подход по сравнению с 1963 г., когда Федерация возникла уникальным способом разделения унитарного государства, а потом по своему усмотрению Центр передал часть своих полномочий республикам [75].

1 мая словацкое движение "Общественность против насилия" выступило со своей предвыборной программой "Шанс для Слова-

кии": "Наше новое будущее - сильная и процветающая Словакия. Мы за полное самоопределение словацкого народа. Словацкую государственность мы понимаем как естественное и неотъемлемое право завершить осуществление суверенитета современной словацкой европейской нации. Его воплощение мы видим в единой демократической федерации с таким же суверенным чешским государственным образованием. Федерацию мы понимаем как взаимовыгодный союз сил, объединенных общими внутри- и внешнеполитическими, экономическими, культурными и др. интересами".

В середине августа три премьера Федерального, чешского и словацкого республиканского правительств - М.Чалфа, П.Питгарт и В.Мечъяр - встретились в г. Тренчанске Теплице для переговоров о разделении компетенции между федеральными и республиканскими органами власти. Трехсторонние встречи и телевизионные дебаты трех премьеров повторялись до конца года, за ними пристально следила вся страна, дискуссии продолжались в средствах массовой информации и на митингах постоянно, а переговорам сопутствовали взаимные обвинения в "сепаратизме", "унитаризме". Посягательства на ограничение суверенных прав Словацкой республики вызвали взрыв национальных чувств словацкого населения, что привело к резкому обострению межнациональных отношений чехов и словаков. На заборах Братиславы появились давно забытые лозунги: "Чехи, пешком в Прагу!", "Хватит нам Праги!", "Словак сам может управлять своей страной!" Вновь вспыхнули дискуссии о "чехословакизме" и проблеме самобытности словацкого народа.

В ноябре по телевидению выступил премьер М.Чалфа с разъяснением позиции Федерального правительства, поддержанной президентом В.Гавелом. Он сравнил государство с человеческим организмом, в котором существуют парные органы, способные функционировать независимо друг от друга, и органы непарные, центральные, которые невозможно разделить без того, чтобы не нанести непоправимого ущерба для всего организма, грозящего ему гибелью.

Точно также государство не может делегировать часть самых важных полномочий республикам Федерации, так как это грозит самому его существованию. Государство в форме Федерации, по мнению М.Чалфы, имеет шансы на выживание и признание в мире лишь в том случае, если сохранит все необходимые для этого атрибуты: центральную законодательную, исполнительную и судеб-

ную власть, полномочную и компетентную систему государственных органов, все другие необходимые для функционирования Федерации жизнеспособные артерии. "Наша родина, - подчеркивал Чалфа, - не только общий дом для чехов, словаков и других народностей, но прежде всего государство суверенных граждан, которые его создали для того, чтобы оно гарантировало им достойное существование в условиях демократии" [76].

Выступление Федерального премьера встретило негативную реакцию в Словакии и получило прозвище анатомического. Чалфе резко ответил министр иностранных дел Словацкой республики Милан Княжко. Он считал, что выступление федерального премьера могло иметь успех еще 5 лет назад, а теперь его представление о Федерации мертво. "Мы вовсе не один организм или один человек, одно сердце. Если придерживаться этой метафоры, то мы, простите, два организма, две головы, два сердца. Мы два человека, два друга, может быть родственника, у нас общий дом, сад, кусок леса и множество общего и различного в наших взглядах. У нас есть общий управляющий, он заботится о нашем доме, имуществе, общих интересах. Он выполняет то, о чем договариваются два друга, что будет полезно им обоим. Мы можем фамильярно назвать этого управляющего "федералом". Он управляет, но не делегирует полномочия владельцам общего дома. У двух друзей, главное, нельзя отнять их право решать собственные проблемы" [77].

Концепция М.Чалфы была отвергнута словаками как "теория чехословакизма в современном ее понимании". Раздавались голоса, что федеральное центральное правительство представляет лишь чешские интересы, М.Чалфа и А.Дубчик с тех пор носили прозвища "пражских словаков". Большинство населения Словакии поддержало точку зрения собственного премьера В.Мечьяра, полагавшего, что полномочия федеральным органам должны быть делегированы двумя республиками и объем их в будущем будет более ограниченным, чем в прежней федерации. Чехи и словаки, по его словам, должны иметь общими только валюту, торговлю и принципы внешней политики, тогда как все остальное следует отнести к компетенции республик. Наконец, в декабре 1990 г. трем правительствам страны удалось согласовать компромиссный вариант новеллы к "Закону о Чехословацкой Федерации", где все-таки по вопросам, отнесенным к компетенции центра, федеральное законодательство имело приоритет перед республиканскими. Новелла

была принята Федеральным собранием, правительственный кризис, казалось, был преодолен, но было ясно, что проблема не решена и до принятия Конституции возвращение к урегулированию "словацкого вопроса" будет неизбежным.

14 марта 1991 г. в Братиславе состоялся поразивший всю общественность страны многотысячный митинг в память 52-й годовщины образования самостоятельного Словацкого государства 1938 г. с лозунгами, восхвалявшими его президента Й.Тису. Во время митинга была попытка нападения агрессивной группы участников схода на президента В.Гавела, совершавшего поездку в Словакию. Был принят меморандум с требованием признания верховенства республиканских законов над федеральными и провозглашения самостоятельности Словакии [78]. Площадь Словацкого национального восстания предполагалось переименовать в честь Андрея Глинки.

12 марта в Братиславе состоялся другой митинг, отражавший настроения гораздо большей части словаков и привлекший десятки тысяч людей. Он был созван в поддержку проекта "Декларации о государственном суверенитете Словакии", предложенного группой депутатов для рассмотрения в Словацком национальном совете по примеру соседних Украины, Белоруссии и России. За суверенитет Словакии выступали все ее политические партии, но в составе обновленной Федерации с Чешской республикой. Исключение составляла лишь Словацкая национальная партия, которая требовала полного отделения, то есть сецессии Словакии.

Осенью 1991 г. в г. Кромержиже чешские и словацкие политики согласились, что основой создания новой Федерации должен стать договор между Чешской и Словацкой республиками. В основу государственного строительства Чешская республика предпочитала заложить принцип единого гражданства для всех народов Федерации, Словакия же была привержена национальной государственной идее.

Чешско-словацкие противоречия обострились на фоне радикальной экономической реформы, проводимой министром финансов Чешской республики В.Клаусом. Экономическая реформа гораздо болезненнее проходила в Словакии, где сокращение производства и конверсия оборонной промышленности привели к резкому росту безработицы, составившей к концу 1992 г. уже около 12% от трудоспособного населения (в Чехии 2,3%), уровень

зарплаты здесь был ниже, чем в ЧР. Независимое объединение экономистов Словакии потребовало выработки собственной программы экономической реформы, учитывающей специфические условия Словакии.

В Словакии накануне "нежной революции" не было такого острого, как в Чешских землях, ощущения бесперспективности экономического и культурного развития: за 40 послевоенных лет индустриализации здесь произошли огромные изменения в положительную сторону, поэтому понятно противодействие населения быстрому разрушению старой системы и форсированию экономической реформы [79].

До середины 1992 г. казалось, что раздела страны не произойдет. За единую Чехо-Словакию так или иначе высказывалось более 80% жителей Словакии. Правда, постепенно росло и число сторонников независимого Словацкого государства - с 5% в начале 1990 г. до 17% в мае 1992 г.

Президент В.Гавел - твердый сторонник единого Чехословацкого государства, высказывался за проведение референдума как общепризнанного во всем мире средства определения волеизъявления народа. При отрицательном ответе на референдуме это был бы путь законного демократического осуществления сепарации Словакии. Однако, попытка В.Гавела добиться расширения полномочий и проведения референдума потерпела неудачу в Федеральном собрании из-за позиции словацких депутатов, так как результаты референдума скорее всего склонялись бы в пользу единства государства.

Общественно-политическая ситуация перед выборами в парламенты в июне 1992 г. в Чехии и Словакии была различной. 42 партии выдвинули своих кандидатов в представительные органы Федерации и республик. Согласно прогнозам в Чешской республике большинство избирателей должны были отдать свои голоса правоконсервативной Гражданской демократической партии (ГДП) В. Клауса - бывшего председателя Гражданского Форума, распавшегося на ГДП и Гражданское Движение (ГД). В Словакии большинство населения было на стороне левых сил, то есть Движения за демократическую Словакию экс-премьера В.Мечьяра, с характерными для него национал-популистскими лозунгами: провозглашение суверенитета Словакии, принятие собственной кон-

ституции, введение поста словацкого президента, коррекция экономической реформы сообразно словацкой "специфике".

Результаты парламентских выборов подтвердили эти предположения. В Чешской республике победила Гражданская демократическая партия (ГД), набравшая более 30% голосов избирателей. На втором месте оказалась коалиция коммунистов с левыми демократами. В Словакии убедительную победу одержало Движение за демократическую Словакию, получившее более 50% мест в словацком парламенте, за ней следовала партия левых демократов, вышедшая из Компартии Словакии [80].

Судьба Чехо-Словакии оказалась в руках двух лидеров, победивших на последних выборах партий, то есть чешского премьера В.Клауса и главы словацкого правительства В.Мечьяра, взгляды которых на государственное устройство и реформирование экономики и общества (так называемую трансформацию) резко различались.

В.Клаус оказался гораздо менее покладистым, чем прежнее чешское руководство, и решительно отверг концепцию государственного переустройства ЧСФР, отстаиваемую словацким премьером, то есть конфедерацию (или унию) двух республик при полной независимости каждой из них (мини-маастрикт, по определению Р.Зеленая, нового председателя Палаты национальностей Федерального парламента).

Первый реальный шаг к разъединению страны был сделан словацкой стороной. 17 июля Словацкий национальный совет торжественно принял "Декларацию о суверенитете республики" открытым голосованием; каждый депутат, вставая, произносил что-то вроде клятвы в верности отечеству: "В этот исторический момент, которого мы ждали тысячу лет, - провозглашала Декларация, - Словацкий национальный совет объявляет суверенитет республики как основу суверенного государства словацкого народа"[81].

1 сентября Словацкий национальный совет принял Конституцию Словацкой республики. Существование собственных Конституций у каждой из республик было предусмотрено еще Законом о Чехословацкой Федерации 1968 г. Однако, словацкая Конституция 1992 г. была Конституцией независимого государства, признававшей верховенство своих законов, несмотря на то, что некоторые ее статьи должны были войти в силу после распада Федерации (изменение границ, объявление войны, передача функций главно-

командующего вооруженными силами президенту). Текст Конституции начинается словами: "Мы, народ словацкий..." Государственным объявлен словацкий язык. В преамбуле подчеркивается, что завершилась многовековая борьба словаков за свою государственную самостоятельность.

Главной задачей маловлиятельного (несмотря на добившиеся президентские полномочия) Федерального правительства Я.Страского стало обеспечение мирного, цивилизованного раздела Чехо-Словацкой Федерации путем Конституционного закона. Было подготовлено четыре варианта прекращения существования единого государства: путем принятия декларации Федерального собрания, договора двух республиканских Национальных советов, путем референдума, объявленного Федеральным собранием, или выходом из состава Федерации одной из республик по воле парламента.

25 ноября Федеральное собрание утвердило Конституционный закон о разделе ЧСФР. Решение это было принято не сразу, ему предшествовала продолжительная дискуссия. оппозиционные партии левой ориентации в сентябре добились отклонения законопроекта о разделе и принятия постановления о подготовке Конституционного закона о создании Чехо-Словацкой Унии с президентом, советом и парламентом. Однако, правящим партиям удалось собрать три пятых голосов, и закон о разделе ЧСФР был принят в обеих палатах. Была назначена и дата возникновения двух новых государств Чехии и Словакии - в ночь на 1 января 1993 г. [82].

С принятием этого закона практически перестали существовать все федеральные учреждения. Были отвергнуты все попытки сохранить остатки Федерации, в том числе и общие советы, консультативные группы и т.п. Появилось два отдельных государства, приступивших к налаживанию нормальных двусторонних отношений. У каждого из них свой герб, флаг, гимн. Раздел имущества решено было осуществить в соотношении 2:1 соответственно численности населения Чехии и Словакии.

Президентом Словацкой республики в феврале 1993 года был избран Михал Ковач - один из первых лиц в Движении за демократическую Словакию, последний председатель Федерального парламента ЧСФР.

* * *

1. См. подробнее: Грацианская Н.Н. Проблемы раннесредневековой этнической истории Словакии. В кн.: Романия и Барбария. М., 1990, с. 116-130.
2. Safarik P.J. Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach alten Mundarten. Budin, 1826, II oddil, s. 370-389.
3. Czambel S. Slovenska rec a jej miesto v rodine slovanskych jazykov. Turc. sv. Martin. 1906; Kniezsa J. Zur Geschichte der Jugoslawisme in Mittelslowakischen Sprache. In: Etudes slaves et Roumaines. I. 1948, s. 139-147; Matunak M. Povod slovenskeho naroda. Vrutky, 1928.
4. Niederle L. Slovanske starozitnosti. I. Pr. 1902-1904; idem. Rukovet slovanske archeologie. Pr. 1991; Нидерле Л. Обзорение современного славянства. Спб., 1909, с. 183, 70; idem. Slovanske starozitnosti. d. III, s. 184, 207.
5. Chaloupecky V. Stare Slovensko. Br. 1923, s. 312-315; idem. Valasi na Slovensku. Pr. 1947, s. 101; 103-104; Бромлей Ю.В., Грацианская Н.Н. Проблемы изучения культурной общности населения Карпат // Карпатский сборник. М., 1976, с. 7-15.
6. Karaszonyi J. Történelmi jogunk pázánk területi epsegehez. Bud., 1925; Kucera M. O etnogeneze slovakov // Nove slovo. C. 31, 1981, s. 24; Barta J. Slovensko v staršej a strednej dobe kamennej, Br. 1965; Kostrzewski J. Praslowianszczyzna. Zarys dziejow i kultury Praslowian. Poznan, 1946; Czekanowski J. Wstep do historii Slowian. Poznan, 1957.
7. Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979, с. 44-45.
8. Slovensko: I.Dejiny. Br. 1971, s. 80-112; Ibidem. S. 93.
9. Тацит Корнелий. Сочинения в двух томах. Т.I. Л., 1969, с. 372.
10. Chropovsky B. K etnogeneze Slovakov // Historicky casopis (далее HC). Br., 1982, с. 1, s. 20; Benadik B. Obraz doby latenskej na Slovensku // Slovenska archeologia (далее SA) XIX - 2. 1971. 1971. Br., s. 485-487.
11. Kucera M. Velka Morava a zaciatky nasich dejin // HC, 1985, с. 2, s. 167.
12. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1984, с. 214-284; его же. Исторические судьбы праславян. В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1978, с. 182-196.

13. Vana Z. Poznamky k etnogenezi a diferenciaci Slovanu s hlediska poznatku archeologie a jazykovedy // Památky archeologické (далее PA) roc. XXI, 1980, c.I, Pr. 1980, s. 227.
14. Borkovsky J. Nejstarsi slovanska keramika ve stredni Europe. Pr. 1940, s. 59-64; Poulik J. Staroslovanske mohylove pohrebiste v Pritulkach na Morave // Archeologické rozhledy (далее ARoz) III. Pr. 1951, c. 2-3, s. 97-99.
15. Zeman J. Beginn der slowanischen Besiedlung in Bohmen. In: Siedlung und Verfassung in der Fruhzeit. Wiesbaden, 1967, S.6.
16. Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979, с. 101-149; его же. Восточные славяне в VI-XIII вв. М., 1982, с. 10-19.
17. Budinsky-Kricka V. Staroslovenske osidlenie na vychodnom Slovensku. In: Studijne zvesti AV SAV Nitra 1961, s. 129-190; Chropovsky B. Ruttkaj A. Archeologicky vyskum a geneza slovenskeho etnika // H.C., 1989, s. 257-260.
18. Bialekova D. Nove vcasnoslovanske nalezky... S. 15.
19. Chropovsky B. Ruttkaj A. Archeologicky vyskum. S. 262-263.
20. Cilinska Z. Slawisch - awarisches Graberfeld in Nove Zamky. Br. 1966; Ratkos P. Predpoklady vzniku Velkej Moravy // Ceskoslovenske prednasky pre YVII mezinarodni zjazd slavistov. Warszawa, 1973, s. 359; Labuda G. Pierwsze panstwa slowianskie. Poznan. 1949; idem. Patrili slovane korutanski k risi Samove? // Cesky casopis historicky 1949. S. 1949, S. 1-13; Havlik L. Velka Morava a stredoeuropsti slovane. Pr. 1964, s. 178; Grafenauer B. Novejsa literatura o Samu a njeni problemy // Zgodovinski casopis 1950. 1950, ¹ 4.
21. Chropovsky B. K etnogeneze slovakov // HC, 1982, c. I, s. 21-22.
22. Boba J. Moravias History Reconsidered a Reinterpretation of Medieval sources. Cague, 1971.
23. Annales regni Francorum ad a 822 // Magna Moraviae Fontes Historici (далее MMFH) v. I. Annales et Chonicae, Prag - Brunne. 1966, s. 50.
24. MMFH, v. III, s. 310-312.
25. Poulik J. Stari moravane buduji svůj stat. Gottwaldov, 1960; Vavrinek V. Cirkevni misie v dejinach Velke Moravy. Praha, 1963, s. 20-22; Бернштейн С.Б. Константин-Филосов и Мефодий., М., 1984.
26. Pramene k dejinam Velkej Moravy (далее PDVM)/ Br. 1968, s. 445, 209.

27. Constantinus Porphyrogenitus. De administtrando imperio. §§ 13, 38, 40, 41; / Ed. by Moravcsik Bd. 1949; Русский перевод Г.Г.Литаврина в кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, с. 269-343.
28. MMFH, v. III, s. 28-34.
29. PDVM, s. 288, 292, 294-296.
30. MMFH, v.1, p. 90-129, 376, 392; ibid. v. II, p. 154.
31. Ibid. V. I, p. 124; ibid. V. I, p. 110-120, 251; Ibid, v. I, p. 136, 74; v. II, p. 138-139.
32. Havlik L. K otazce narodnosti na uzemi Velke Moravy // HC, 1957, s. 5; Моравская народность в эпоху раннего феодализма. В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976, с. 156.
33. Ratkos P. Kontinuita slovenskeho osidlenia v 9-11 storoci // Historicke studie XXVII / 2, 1984. Br. S. 19-20; Dekan I. Velka Morava. Doba a umenie. Br. 1979.
34. См.: Gyorffy Gy. Zur Frage der Herkunft der ungarischen Dienstleute // Studia Slavica. 1976, s. 39-83.
35. Ruttkay A. Najnovsie prispevky archeologickeho badania k poznaniu dejin uzemia Slovenska v 9-11 st. // Historicke studie, 1984, XXVII/2, s. 87-88.
36. Bokes Fr. Dejiny Slovenska a Slovakov. Br. 1946, s. 53.
37. Reiholcova M. Nove prinosy k poznaniu materialnej kultury v 10-11 st., na uzemi Slovenska // IV mezinarodni kongres slovanskej archeologie. Sofia. September, 1980. Nitra, 1980, s. 123-130; idem. K severnej hranici vyskytu belobrd. pohrebisk na Slovensku // SIA. 30. 1982.
38. Ratkos P. Otazky vyvoja slovenskej narodnosti do zaciatku 17 storoci // H.C. 1972, n.1, s. 114; Idem. Postavenie slovenskej narodnosti v stredovekom Uhorsku // Slovaci a ich narodni vyvin. Br. 1969; Horvath P. Slovenska narodnost' v 16 a 17 stoleti // H.C., 1980, c. 3, s. 364-380; Dorula J. O vyvine pomenovania slovakov // Uber die Entwicklung der Slowaken // Slovaci a narodne kulturne dedictvo. Br. 1984, s. 260-261; Stredoveke listy ze Slovenska. Sbirka listu a listin psanych jazykem narodnim. Vyd. V. Chaloupecky Br. 1937, s. 32; Varsik B. Slovaci na prazskej Univerzite do konca stredoveku // Sb. Filosofickej fakulty University Komenskeho. Br. 1976, s. 45; Kucera M. Zur Ethnogenese der Slowaken. Probleme und Ausgangspunkte // Ethnologia Slavica, XXII, 1991, Br.; Виноградова А.И., Меньшиков Г.П., Шушарин В.П. К

проблеме становления этнического самосознания словаков. В кн.: Развитие этнического самосознания..., с. 233-234.

39. Stredoveke listy ze Slovenska. Sbirka listu, psaných jazykem národním. Vydal V. Chaloupecký Br. 1937, s. 32; Chaloupecký V. Privilegium pro Slavis // Bratislava, 1936, ¹ 4/5, s. 354-355.

40. См. подробнее об этой проблеме: Ratkos P. Problematika kolonizácie na valasskom prave na území Slovenska // Historické studie, XXIV, Br. 1980, s. 184-186; Бромлей Ю.В., Грацианская Н.Н. Проблемы этнографического изучения культурной общности населения Карпат // Карпатский сборник. М., 1976, с. 7-21; она же. Этнографические группы Моравии. К истории этнического развития. М., 1975, с. 80-90.

41. Encyklopédia Slovenska, zv. V, s. 275.

42. Širacky I. a kol. Slováci vo svete. I. Martin, 1980.

43. Некоторые современные исследователи не без основания утверждают, что словацкое национальное возрождение наступило с опозданием; о нем с полным правом можно говорить лишь с 40-х гг. XIX в. См. Л.А.Обушенкова. Сопоставление процессов формирования польской, венгерской и словацкой нации. В кн.: Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981; Социально-экономические аспекты этого периода освещены в ст.: Исламов Т.М. Некоторые вопросы истории Венгрии конца XVII - первой половины XIX вв. В кн.: Центральная и Юго-восточная Европа в новое время. М., 1974, с. 27-31.

44. Фрейдзон В.И. К проблеме периодизации процесса формирования наций у югославянских народов Австрийской империи. В кн.: Доклады и сообщения советской делегации: III международный съезд по изучению стран юго-восточной Европы. Бухарест, 1974, с. 14-15.

45. История Венгрии. М., 1973, т. II, с. 99.

46. Slovensko. Dejiny. S. 429.

47. Смирнов Л.Н. Формирование словацкого литературного языка в эпоху национального возрождения (1780-1848). В кн.: Национальное возрождение и формирование словацких литературных языков. М., 1978, с. 86-89; его же: Вопрос о словацком литературном языке на разных этапах национального возрождения. В кн.: Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-восточной Европы. М., 1977; Кондрашов Н.А. О диалектной базе словацкого литературного языка // Ученые записки Московского областного пединститута им. Крупской. Т. 209. Русский язык. Вып.

14. M., 1967, s. 215-227; Kondrasov N. Vznik a zaciatky spisovnej slovinciny. Br. 1974; Butvin I. Problematika slovenskeho narodneho obrodenia. In: Slovaci a ich narodny vyvin. Br., 1969, s.114-129; idem. Slovenske narodnozdjednocovacie hnutie 1780-1848 (k otazke formovania novodobeho slovenskeho burzoazneho naroda. Br., 1968.
48. Kollar I. O literarnej vzajemnosti. Prelozil Rozenbaum K. Br., 1954, s. 147, 177-178. Pisne svetske lidu slovenskeho v Uhrich. Sebrane a vydane od P.I.Safarika, I.Blahoslava a ji. I, 1823.
49. Смирнов Л.Н. Отражение в литературно-языковой сфере борьбы за консолидацию словацкой нации (середина XIX в.) В кн.: Формирование наций в центральной и юго-восточной Европе. М., 1981, с. 197-210; Матула В. Представления о славянстве и славянской взаимности Я.Коллара и Л.Штура // Советское славяноведение. 1978, № 2, с. 58-71; его же. Людовит Штур и формирование словацкой национальной идеологии. В кн.: Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970, с. 96-106; его же. Характеристика процесса формирования наций у словаков. В кн.: Формирование наций... с. 85-89; его же. Людовит Штур (1805-1856). Br. 1956.
50. "Sokol", 1862, s. 40.
51. Haraksim L. Narodnostna otazka a slovenske narodne hnutie v revolucii 1848-1849. In: Slovaci a ich... s. 145-146.
52. Slovensko. Dejiny, s. 519-520; Mesáros I. Statopravne snahy Slovakov po burzoaznej revolucii. In: Slovaci a ich... s. 217-218.
53. Slovensko. Dejiny, s. 576, 589, 610.
54. Urban Z. Problemy slovenskeho narodniho hnuti na Konci 19 stoleti. Pr. 1972; idem. K nekterym otazkam geneze spolecneho statu Cechu a Slovaku // HC, 1988, c. 3.
55. Gosiorovsky M. Z historie ceskoslovenskych vztahov. Br. 1978; Hronsky M. Slovensko pri zrode Ceskoslovenska. Br. 1957.
56. Slovensko. Dejiny, s. 637-640.
57. Statisticky prehled Republiky Ceskoslovenske. Statni urad statisticky v Praze, 1990, s. 10.
58. Broucek S. Narodnostni otazka vcera a dnes. Pr., 1976, s. 5.
59. Slovensko. Dejiny, s. 709; Selucky R. Economicke vyrovnani Slovenska s ceskymi kraji. Pr., 1960, s. 15-36.
60. Klimes, Lesjuk, Mala, Precan. Cesta ke kvetnu, sv. 1, Pr., 1965, s. 53-54.
61. Uhlir I. O nove Ceskoslovensko. Londyn, 1943, s. 5.

62. Hronsky M. K slovenskej politike v období prvej svetovej vojny // HC, 1969, s. 473-514.
63. Bartlova A. Obsah a riesenie slovenskej otazky na Slovensku v medzivojnovom období. In: Stav a ukoly vyzkumu narodnostni otazky v CSSR. Opava, 1975, s. 55-69.
64. Slovensko. Dejiny, s. 716.
65. Klimes, Mala, Precan. Cesta ke kvetnu, sv. 1, Pr., 1965, s. 63.
66. Uhlir F. O nove Ceskoslovensko. Londyn. 1943, s. 5; Husak G. Svedetstvo o Slovenskom narodnom povstani. Dejinná krizovatka. s. 582; Slovensko. Dejiny. s. 789.
67. Program prvnj ceskoslovenske vldy Narodni fronty Cechu a Slovaku, prijaty dne 5. dubna 1945 v Konicich, Pr., 1945 // Nove slovo roc. II, c. 2.8. juna 1945 Br. f 13; Derer J. Kosicky prigramm a nova ustava. Pr. 1946.
68. Конституция и основные законодательные акты народно-демократической республики Чехословакии. ред. В. Коток М. 1950.
69. Narodnostni politika KSC a cesko-slovenske vzťahy. Br. 1979.
70. Encyklopedia Slovenska. zv, Y s, 408; Selucky R. Ekonomické vyrovnání Slovenska s českými kraji. Pr. 1960 s. 15-36; Ales M, Ctranc P. Pohyb obyvatelstva v CSSR v roce 1984 || Demografie 1985 c. 3; Sociologia 1983 c, 5 s.504-505; Charvat F. K aktualním problemům vyvoje socialne-tridni struktury nasi spolecnosti. || Sociologia 1982, c. 1; Kucera M., Ullman O. Uroven vzdelání obyvatelstva CSSR v datech scitání 1980 || Demografie 1983 c 3; Краткая история Чехословакии с древнейших времен до наших дней. М. 1988 с. 509.
71. Broucek S. Narodnostni otazka vcera a dnes., Pr. 1976 s. 21; Gosiorovsky M. Cesi a Slovaci. Historie vzajemnich vzťahů ve 20 st. Pr. 1979 s. 185. Конституция и основные законодательные акты Чехословацкой Социалистической республики. М. 1987.
72. Chovanec J. Ceskoslovenska socialistická federacia. Br. 1979; Plevza V. Narodnostni politika KSC a ceskoslovenske vzťahy Br., 1989.
73. Zvara J. Prispevok k prognoze vyvoja narodnostnich vzťahov v CSSR // Sociologia 1988, c.1, s. 8, 9, 11.
74. "Svobodne slovo" 21. dubna 1990, Pr.
75. "Praca" 22 marca 1991. c. 69. Br.; "Rude pravo" 24. Dubna 1990.
76. TACC, 1 мая 1991.
77. "Lidove noviny" 13 list. 1990, Pr.; 15 list. 1990.
78. "Московские новости". 14.IV 1991, TACC 13-15 марта 1991, "Известия" 18. VII 1991.

79. "Известия" 11.IV 1992, 8.V 1992, 21.VII 1992, "Независимая газета" 21.VII 1992.

80. "Lidove noviny" 3.zari 1992; 8 zari 1992; "Lidova demokracie" 3 zari 1992.

81. "Mlada fronta dnes" 4. zari 1992.

82. "Известия" 29.XII 1992.

ГЛАВА II

ТРАДИЦИОННО-БЫТОВАЯ КУЛЬТУРА СЛОВАКОВ В КОНЦЕ XIX - СЕРЕДИНЕ XX ВВ.

В процессе формирования и консолидации словацкой этнической общности огромную роль сыграла традиционная народная культура. Уже с начала XIX в. деятели словацкого возрождения в стремлении доказать самобытность словаков в качестве самостоятельного народа обращались к народной культуре. Они считали ее, наряду с языком, выразителем этнической специфики словаков, отличающей их от других народов, действенным средством спасения словаков от ассимиляции. Народная традиционная культура, носителем которого было крестьянство, была признана единственным источником для будущей общенациональной культуры.

Интерес к этнокультурным традициям способствовал росту этнического самосознания словаков, привлечению широких масс народа к политической активности в борьбе за свои национальные права. Отдельные элементы крестьянской традиционной культуры (одежда, обычаи, предметы прикладного искусства) становились знаками словацкой этнической идентичности и использовались во время массовых политических акций, на собраниях патриотических обществ, танцевальных вечерах с национальной окраской. Началось планомерное собирание и издание фольклорных материалов, организация выставок. Большое участие в культивировании ценностей народной культуры и воспитании этнического самосознания словаков принимала Матица Словацкая, ставшая символом словацкой национальной жизни на протяжении целого столетия. Фольклоризм как известное социокультурное явление, отличительной чертой которого было использование фольклора (в широком его понимании) в нетрадиционной среде и функции, был характерен для возрожденческих движений словацкой этнополитической истории на протяжении XIX и XX веков, преследуя политические цели.

Одной из важнейших задач изучения этнокультурных процессов у словаков является историко-культурное районирование

территории их расселения, то есть выявление областных комплексов словацкой народной культуры. К сожалению, ограниченный объем данной работы не позволяет рассмотреть все сферы народной культуры, отражающие особенности социального и бытового уклада словаков начала XIX - середины XX вв. Представляется наиболее целесообразным сосредоточить основное внимание на анализе таких сторон культуры словаков, как жилище, одежда, семья и семейная обрядность. Обращается внимание и на современные изменения в народной культуре. Рассматривается в основном традиционная культура сельского населения указанного периода, составлявшего подавляющую часть словацкого народа. Это позволит попытаться решить проблему общих и локальных черт в народной культуре и даст возможность познакомиться с этнографией словаков в целом. Главное внимание уделяется периоду конца XIX - начала XX вв., сведения о котором можно собрать по литературным и полевым источникам.

* * *

По сравнению с австрийской частью Габсбургской монархии Венгрия в рассматриваемый нами период отличалась отсталостью своей экономики. Со времени Марии Терезии (конец XVIII в.) прямо или косвенно через таможенную политику венское правительство тормозило развитие промышленного производства в Венгрии. Одной из важных причин экономического отставания и слабости внутреннего рынка было долгое стремление венгерского дворянства сохранять свои сословные привилегии, средневековую систему таможенных сборов на границах комитатов, пеструю систему мер и весов, редкой была и сеть коммуникаций.

Словакия в рамках Венгрии представляла собой наиболее передовую в промышленном отношении область. В 16 комитатах со словацким компактным населением в 1910 г. производилось 70% железной руды, 3,7% бумаги, 33,7% текстиля, 27,4% кожи, 17,7% химической продукции, но только 4,1% продукции машиностроительной всей Венгрии. Самыми развитыми в экономическом отношении были юго-западные районы Словакии, где преобладали легкая и пищевая промышленность, и средняя Словакия (Гемер, Зволен), где имело старую традицию горнорудное производство.

Природные ресурсы и избыток дешевой рабочей силы привлекали в Словакию венгерский и австрийский капитал, путь которому был открыт после уничтожения таможенных барьеров с образованием Австро-Венгрии в 1867 г., Словацкая национальная буржуазия была за небольшим исключением связана с мелким предпринимательством.

Согласно переписи 1884 г. в Словакии 106 тыс. человек было занято в домашних ремеслах*. Они были развиты в областях, где не было благоприятных условий для земледелия. Отдельные области (или деревни) имели особую ремесленную специализацию: в Оравском комитате работали ткачи, в Спишском - сукноделы; кружева, вышивки, ковры изготавливались в Зволене, в Новоградском и Гемерском комитатах - возы и колеса, в Липтове и Зволене, Ораве делалась дрань для покрытия крыши и деревянная посуда и т.д.

В то же время хозяйство словацких комитатов носило ярко выраженный аграрный характер. В 1869 г. 80,9% населения было занято здесь в земледелии, в 1900 г. - 68,9%. В 1910 г. - 70,4%. Положение мало изменилось и после I-ой мировой войны [1].

Развитие земледелия здесь также шло замедленными темпами, по так называемому прусскому пути. Отмена крепостного права (в Словакии согласно патенту 1853 г.) означала половинчатое решение крестьянского вопроса. В собственности крупных землевладельцев (в основном венгерских) оставались огромные поместья, предусматривался большой выкуп за отмену крепостных повинностей. Безземельные крестьяне, составлявшие почти половину населения словацкой деревни, не получили никакого надела. Значительная часть лесных угодий, лугов и пастбищ отошла во владение помещикам.

В конце XIX - начале XX вв. подавляющее число словацкого крестьянства было мелкими землевладельцами. В 1896 г. 53,6% земельного фонда словацких комитатов принадлежало 2% хо-

* Статистические данные об экономическом развитии Словакии не совсем точны и различаются в разных источниках: большая часть из них опирается на статистику 15-ти (исключая Ужский комитат) или 16-ти северных комитатов Венгрии, лишь приблизительно охватывающих современную территорию Словакии.

зяйств, размеры которых превышали 100 ютров (ютро, хольд = 0,57 га). В 1910г. на них приходилось уже 56,4% земельного фонда, а 39,8% крестьянских хозяйств имели менее 5 ютров земли, 30,1% - от 6 до 10 ютров, 21,1% - 11-20 ютров[2]. Все это свидетельствует о том, что большую часть словацкого крестьянства составляли мелкие собственники, которые могли прокормить свою семью только тогда, когда кто-либо из ее членов прирабатывал наемным трудом или отходничеством. Классовое расслоение внутри словацкой деревни вплоть до I-ой мировой войны не было столь заметным, как например в чешских землях, что сказалось на однородности материальной культуры словацкого крестьянства и эгалитарных нормах его социальной жизни.

Словацкая деревня во второй половине XIX века была сильно перенаселена. Словацкие малоземельные и безземельные крестьяне были постоянно мигрирующей рабочей силой, занятой на сезонных работах в помещичьих хозяйствах целой Венгрии. Отлив в города и на промышленные предприятия был незначителен, он усилился только на рубеже XX века. Специфической особенностью Словакии, отмечавшейся еще Чапловичем в XVIII веке, были бродячие торговцы, путешествовавшие со своим товаром далеко за границы Словакии и известные от России до Кубы. Это были так называемые шафранники из комитатов Нитра и Туриец, разносившие лечебные травы, пряности и всевозможные мелкие скобяные товары. Бродячие торговцы из Зволненского комитата продавали кружево, тесьму, мелкие изделия из железа - ножи, замки, гребни. Существовали торговцы кожами, воском, текстильной набойкой. Товар они скупали непосредственно у крестьян, а перепродавая, получали довольно хорошие доходы, широко был распространен также извоз. Одним из результатов перенаселения словацкой деревни была эмиграция, которая в отдельных областях приняла массовые размеры. Процесс этот продолжался более 250 лет (с начала XVIII до середины XX века). Поток эмигрантов вначале направлялся в Венгрию, а с середины XIX века - в Австрию и Америку. Самой многочисленной была эмиграция из Спиша, Шариша, Земплина, Гемера, Оравы, Турца. За одно десятилетие 1891-1900 из словацких комитатов выехало около 130 тысяч человек [3].

1. Обзор источников и литературы.

Первые, хотя и отрывочные описания быта и культуры словаков в Венгрии появляются в конце XVIII века. Это было время, когда в Австрийской империи Иосифа II проводилась последовательная политика централизации. Политика эта, связанная с экономическими преобразованиями капиталистического типа, требовала самого тщательного изучения специфики хозяйства отдельных областей империи, их ресурсов, а также населения и его обычаев.

Новое требование познания быта народа, выдвинутое в правительственных кругах, вызвало появление целой серии работ, в которых был и большой этнографический материал. В 1970-80-х гг. важнейшие из этих материалов были изучены словацкими этнографами, переведены с латинского, немецкого и венгерского языков на словацкий и опубликованы Верой Урбанцовой в качестве приложения к книгам "Начало словацкой этнографии" и "Словацкая этнография в XIX веке" [4].

Первая попытка организовать сбор материала о народном быте словаков была сделана Юраем Рибам. Предлагая основать "Чехославянское общество венгерских словаков" в 1793 г., он выдвинул в качестве его главной задачи изучить "сам славянский народ, населяющий Венгрию". Он разработал проект этого общества, где перечислил главные проблемы будущих исследований: происхождение словаков, их расселение и судьбы, национальная борьба в Венгрии, численность словаков в разных комитатах, топография городов, деревень и комитатов. Он предложил изучать славянские древности, но кроме того и "характер народа, различные его нравы, обычаи, обряды, поверья и пережитки, в особенности при рождении, смерти, похоронах; затем архитектуру, одежду, земледелие, увеселения, народные песни, танцы, игры, названия инструментов"[5].

Вторая попытка составления такой программы содержалась в статуте Статистического ученого общества в г. Баньска Бистрица в 1809 г., в нем перечислялись: "описания различных областей словацких комитатов, городов венгерской земли и их населения, обычаи, нравы и т.п. Старые памятники, рукописи, песни национальные. Новые изобретения, направленные на улучшения в хозяйстве. Анекдоты, шутки, юмористические рассказы, особенно происходящие от словаков или словаков касающиеся..." Обе эти

программы так и остались, повидимому, неосуществленными, до сих пор не удалось обнаружить никаких материалов, собранных по этим пунктам. По характеру своему эти проекты уже приближались к романтическим воззрениям периода словацкого национального возрождения.

Занятиями населения стали интересоваться в конце XVIII в. и географы. Появляется множество журналов и других периодических изданий - Archiv fur Geschichte, Hesperus, Zeitschrift von und fur Ungarn, Ungarisches Magazin, Vaterlandische Blatter, Topographisches Taschenbucher и др., последний стал одним из главных организаторов народоведческой деятельности в Словакии. Географические работы, как и статистические в этот период, содержат не только обобщенные описания по всей стране в целом. Для нас более всего интересны работы типа словарей, очень широко распространенные. До сих пор не потерял своего значения известный "Producten Lexicon", который составил Матей Корабинский родом из Прешова в Восточной Словакии (издан в Братиславе в 1786 г.) [6]. Корабинский дает название населенного пункта, его местоположение, имя собственника, основные исторические сведения, занятия населения (земледелие, скотоводство, ремесло), особенно интересные постройки и т.п. Характер такого словаря носят и описания отдельных словацких комитатов - Турца, Липтова, Гонта, Спиша, которые были опубликованы в журнале "Neues ungarische Magazin" в 1791 г., 1792 г., где содержатся подробнейшие данные о хозяйстве.

В начале XIX в. внимание народоведов было направлено на описания отдельных областей или деревень. С точки зрения этнографии самыми интересными из них были три монографии: А.Ширмайя о комитате Земплин, А.Бартоломеидеса о комитате Гемер и Ю.Дюриковича об Ораве [7].

Перечисленные работы, хотя и носят народоведческий характер, содержат довольно много этнографических данных, которые можно использовать при ретроспективном анализе поздних материалов о народной культуре словаков.

В начале XIX в. важнейшей фигурой в народоведческих исследованиях был Ян Чаплович, известный адвокат и публицист, в 1818 г. в журнале "Гесперус" (1818, 1820) он опубликовал большую работу "Словаки в Венгрии", первое обобщающее исследование по этнографии словаков. Он назвал Венгрию "малой Европой", где

живут крупные и малые народы, и считал, что "все народы, живущие в большом европейском доме, имеют свои особые заслуги"[8].

В своем сочинении о словаках Чаплович пользовался не только собственными наблюдениями в центральной Словакии (Гонт, Новоград, Зволень), но и материалами, присланными ему после того, как он обратился ко всем любителям народной культуры с предложением посылать ему информацию о городах, деревнях для подготовки работы, где будут описаны нравы всех народов, живущих на их общей родине, их обычаи и обряды.

Работа "Словаки в Венгрии" состояла из 13 глав. Особое внимание уделялось занятиям словаков в разных областях Словакии, в горных и равнинных ее зонах: земледелию, скотоводству, ремеслах. Автор подчеркивал неблагоприятные природные условия жизни словаков и считал, что их трудолюбие и предприимчивость воспитаны именно этими условиями. Чаплович писал и о словацкой народной пище, в том числе городского населения. Материал об обычаях и поверьях, общественном быте представлен в отличие от предыдущих авторов как единое целое. Чаплович собрал в своей работе и все данные о культуре словаков, опубликованные в разных местах его предшественниками.

В 1829 г. Я. Чаплович издал свою книгу "Картинки о Венгрии", где дается описание всех народов Венгрии. Она считается первой этнографической работой о Венгрии. В "Картинках о Венгрии" Чаплович обобщил весь имевшийся в то время в его распоряжении материал, отобрав самые важные данные. Так, для раздела о занятиях и общественном быте он использовал свою книгу "Словаки в Венгрии", а также статьи, опубликованные в "Топографическо-статистическом архиве". Но и опубликованный материал он включил далеко не механически, а подал его в сравнении с разными областями в пределах расселения одного народа и с другими народами. Книга состоит из следующих глав: 1. Венгрия - Европа в малом; 2. Разделение, жупы, районы...; 3. Население; 4. Религия; 5. Литература, наука, образование, искусство; 6. Промышленность; 7. Венгрия как государство; 8. Народные обычаи. Праздники. Способ жизни. Три последних главы составляют II-й том труда Чапловича. В качестве приложения дается и карта отдельных народов.

Книга Чапловича как по своему построению, так и в методическом отношении послужила примером для многих будущих народоведческих сочинений.

В 1880 г. было опубликовано сочинение Павла Добшинского "Простонародные обычаи, поверья и игры словацкие" [9]. Это была вторая после Яна Чапловского попытка дать обобщенную этнографическую характеристику словацкого народа. Работа содержит очень большой конкретный материал о различных сторонах быта словацкого крестьянства из Гемера, Гонта, Нитры, Липтова, Зволена.

Под обычаями П.Добшинский понимал весь комплекс народного быта: хозяйство, ремесла, жилище, обширный круг проблем, связанных с семьей: ее структура, семейные обычаи и праздники. Материал был собран в разных областях Венгрии, благодаря опубликованному П.Добшинским еще в рамках деятельности Матицы Словацкой в 1863 г. руководству по сбору этнографического материала. После запрещения Матицы Словацкой католическим ксендзом Андреем Кметом было создано "Музейное словацкое общество" - новый словацкий культурно-просветительский центр, задачей которого было, в первую очередь, воспитание национального самосознания широких масс народа. Изучению народной культуры отводилась роль защиты словаков от ассимиляции, усилившейся с ростом индустриализации. Крестьянская культура признавалась основой культуры национальной, интерес к ней политических деятелей все более усиливался. Достаточно сказать, что требование обратить особое внимание на народovedческие исследования стало одним из пунктов программы Словацкой народной партии в 90-х гг. XIX в.

В журнале и сборниках "Музейного словацкого общества", а также в других изданиях периодической печати - *Sbornik Muzealnej slovenskej spolocnosti*, *Narodni noviny*, *Slovenske pohľady* - конца XIX - начала XX вв. Опубликовались многочисленные статьи П.Соханя, Ф.Сасинка, М.Голуби, А.Кметя[10]. Значительная их часть была посвящена народному костюму, который широко использовали в качестве символического знака принадлежности к словацкому этносу и доказательства самобытности словацкого народа.

Во второй половине XIX в. региональными исследованиями в Словакии занимались преимущественно энтузиасты-любители. Это была сельская интеллигенция (священники, учителя), долгое время проживавшая в каком-либо одном районе или поселке. некоторые оставили серьезные описания разных сторон быта их жителей. К сожалению, бывает трудно определить, характерно ли описываемое

ими явление лишь для данной местности или более широкой области. Первую группу этих сочинений составляют монографии отдельного поселка или городка: К.Медвецки "Детва", И.Боднар "Мийява", А.Вацлавик "Придунайская деревня", Б.Крпелец "Бардейов", Я.Йешко "Этнографический очерк Верешвар над Вагом" [11] и др.

Вторую группу составляют публикации о целой области или группе поселений. Наиболее известна работа И.Л.Голуби "Исследования о Бошацкой долине", а также монография о комитате Спиш Я.Греба [12].

Чешские ученые и деятели культуры уделяли много внимания изучению народной культуры словаков, считая их близкородственным этносом. Это была прежде всего Божена Немцова, описавшая свои впечатления о поездке по Словакии, П.Й.Шафарик (словак по происхождению), Л.Нидерле, Ч.Зибрт и другие, печатавшие свои статьи в журнале "Чешский лид", "Злата Прага", "Рух", "Светозор". Традицию эту продолжало и следующее поколение этнографов и фольклористов Чехии - Й.Горак, Д.Странска, В.Пражак [13].

Только после II-й мировой войны с развитием собственно словацкой школы этнографической науки началось планомерное и систематическое изучение народной культуры, ее традиций и современного состояния во всех регионах Словакии. Были разработаны программы исследований, возглавляемых научными центрами этнологии Словацкой Академии наук, Братиславского Университета им. Амоса Коменского, Матицы Словацкой и Словацким народным музеем в г. Мартине.

Важной ступенью к изучению общих закономерностей развития словацкой народной культуры в целом стала подготовка региональных коллективных монографий о жителях отдельных регионов Словакии, где различные стороны материальной и духовной культуры рассматривались в комплексе и взаимосвязи. Это были прежде всего деревни и регионы северной горной Словакии: в 1956 г. вышла в свет монография "Горняцкая деревня Жакаровце" (ред. Я.Мяртан), "Горегронье. Культура и быт народа" т. I, II (ред. Я.Мяртан, 1974); "Замагурье" (ред. Я.Подлак, 1972 г.); "Из жизни и борьбы жителей Угровской долины. Этнографические очерки" (ред. В.Урбанцова, 1977 г.); "Народ Горнадской долины" (на территории Попрадского района)", Я.Михалек и кол. 1989 г.; "Липтовска

Тепличка" (Я.Михалек и кол. 1973 г.). Сюда же нужно отнести и индивидуальную монографию Я.Олейника "Народ под Татрами" 1978 г. [14]. В 1970-х гг. была начата исследовательская работа в равнинных областях южной Словакии; вышли в свет две монографии о комитате Гонт - "Способ жизни кооперативной деревни Себехлебы" 1986 г. (ред. А.Пранда) и "Гонт. Традиции народной культуры" (сост. Я.Ботик) 1988 г. В 1978 г. под редакцией Я.Подолака была опубликована коллективная монография о жителях предместья Братиславы виноградарском поселке "Вайноры". Она была написана по специальному заказу национального комитета Вайнор. При поддержке местных органов управления словацкими этнографами был подготовлен еще целый ряд историко-этнографических работ, посвященных отдельным населенным пунктам [15]. Интерес к истории и культурным традициям родного края стала одним из характерных проявлений областного и этнического самосознания.

Во время подготовки этих крупных работ печатались статьи по отдельным темам в основном в журналах "Slovensky narodopis", "Vlastivedny casopis", "Nove obzory", "Cesky lid", "Narodopisne aktuality". В них можно найти материал о региональной специфике словацких народных традиций, их современном состоянии.

Самым большим достижением словацкой этнографической науки стал "Этнографический атлас Словакии" (ЭАС), опубликованный в 1990г. Комментарии были изданы годом позже, в 1991г. [16]. ЭАС уникален по своему содержанию: он охватывает все стороны материальной и духовной культуры населения Словакии в динамике за последние сто лет - то есть с конца XIXв. до 1970 гг. (хозяйство, поселения и жилище, пища, одежда, общественная жизнь, семья и семейные обычаи и обряды, календарные праздники, словесный и музыкальный фольклор, танцы, музыкальные инструменты, изобразительное искусство).

Сбор полевого материала был реализован в 1970-1975 гг. коллективом квалифицированных специалистов под руководством С.Ковачевичовой по единой программе в 250 локальностях Словакии. Атлас делится на 20 глав (6 тематических блоков) и содержит 535 карт (масштаб 1 : 2 000 000). В Институте этнологии Словацкой АН хранится и огромный архив данных, созданный во время выполнения работ по ЭАС. Осмыслением и обобщением материала

лов Этнографического Атласа предстоит заниматься не одному поколению ученых разных дисциплин.

При написании данной книги автор использовал и собственные полевые материалы, собранные в 1950-80-х гг., в особенности во время работы в штате Института Этнологии Словацкой АН в Братиславе в 1978-79 гг. В разделе о материальной культуре использованы иллюстрации Й.Лангера к кн.: I.Langer, I.Vareka. "Nase lidove stavby". Praha 1983 и рисунки к "Этнографическому атласу Словакии".

2. Поселения и жилище

Пробуждение интереса к изучению словацкой народной архитектуры относится к концу XIX века, в особенности ко времени подготовки Чехославянской этнографической выставки 1895г. Среди экспонатов этой выставки были словацкие крестьянские дома из Тренчанского и Оравского комитатов. В публикации материалов выставки помещена статья Д.Юрковича и И.Валка, содержащая подробные описания крестьянской усадьбы из области Оравы и поселка Чичманы в западной Словакии и не утратившая до сих пор своей ценности [17].

Особое внимание словацкому жилищу уделял Л.Нидерле при попытке реконструкции жилища древних славян. Он по существу признавал так называемую этническую теорию, связывавшую отдельные типы жилища с определенными этническими общностями. Согласно этой теории, разработанной главным образом немецкими учеными, жилище западных славян развилось под влиянием так называемого франконского (верхненемецкого) дома, основным признаком которого являлись теплые сени с открытым очагом. Двухраздельный план своих жилых построек, согласно этой теории, славяне получили путем заимствования германского жилого помещения "Stube" и присоединения к нему однокамерной постройки с очагом, то есть сеней [18]. Само происхождение термина "изба" связывалось со словом "Stube". Прообразом древнего славянского дома Л.Нидерле считал словацкие однокамерные жилища - землянки и полуземлянки, встречавшиеся в начале XX века в горах северной Оравы, Турца, Гонта, Спиша [19]. Это были временные примитивные постройки, отличавшиеся в то время ярко выраженной социальной, а не этнической спецификой, так как аналогичные

сооружения можно было встретить в отсталых горных районах у любого народа Европы.

На рубеже XIX - XX вв. традиционная словацкая архитектура становится одной из постоянных тем народоведческого интереса: появляются многочисленные статьи в специальных журналах, самостоятельные разделы в локальных региональных монографиях и т.п.

Начало серьезного этнографического изучения словацкого народного жилища связано с именем чешского ученого Карела Хотека, подготовившего целую плеяду учеников в 1930-х гг. В своей монографии "Церово" он посвятил целые разделы усадьбе и крестьянскому дому, большое место было отведено этой теме и в первом принадлежащем К.Хотеку обобщающем очерке народной культуры Чехословакии [20].

Его ученицей была Драгомира Странска, изучавшая славянскую народную архитектуру в Спише и Липтове и начавшая подготовительную работу для картографирования традиционного жилища в Чехословакии. Рудольф Беднарик, автор первого обобщения в области словацкой народной культуры, особое внимание обращал на разнообразие форм крестьянского дома, обусловленное различиями в климате и занятиях населения отдельных районов Словакии.

Вилем Пражак изучение словацкого народного жилища начал в 1937 г. с путешествия по горным областям (Орава, Горегронье, Липтов, Чичманы). Он впервые обратил внимание на взаимосвязь структуры словацкой крестьянской семьи и развития традиционного жилища, в частности его специфических особенностей в поселке Чичманы. Самым серьезным исследованием В.Пражака является обширная статья об основных типах планировки крестьянского жилища в Чехословакии. Здесь он выступает как сторонник "этнической теории", хотя в отличие от ее классического понимания признает влияние на формирование жилища не только этнических, но и факторов социально-экономического характера. Выделенные им типы планировки жилища связаны, по его мнению, с тремя колонизационными волнами, проходившими на территории Чехословакии: расселением древних славян, немецкой колонизацией и колонизацией на валашском праве. Каждому из этносов, как считал В.Пражак, был присущ особый тип жилища, сформировавшийся в вышеупомянутые три периода расселения.

Результаты сравнительно-типологических исследований ученых разных стран в последние десятилетия особенно убедительно доказали несостоятельность "этнической теории" при изучении планировки крестьянского дома. Этнические особенности сказываются в художественно-архитектурном оформлении жилища, его внутреннем убранстве. Однако, работа В.Пражака по систематизации материала о жилище, используемые им принципы классификации с учетом отопительной системы и расположения очага остается заметным вкладом в изучение народной архитектуры чехов и словаков.

Одним из последних учеников К.Хотека является словацкий этнограф Ян Мяртан. Главной темой своих исследований он избрал жилище южных районов Словакии в его развитии. Я.Мяртан одним из первых теоретически обосновал существование двух культурных областей словацкого народного жилища - область Карпат и Придунавья.

Особое место среди ученых - специалистов по народной архитектуре занимал Вацлав Менцл. В 1980 г. (посмертно) вышла его фундаментальная монография - результат многолетних исследований "Народная архитектура в ЧССР". Анализируя разные аспекты жилища как искусствовед, он пришел к выводу, что территория Чехословакии с точки зрения народной архитектуры составляла не замкнутое целое, а контактную зону нескольких распространенных в Европе культурных ареалов. Эта идея поддерживается сейчас большинством ученых, ее подтверждают и данные Словацкого этнографического атласа [21].

Планомерное изучение народного традиционного жилища широко развернули представители молодого поколения словацких этнографов после второй мировой войны. Большим стимулом для региональных исследований стала широкая программа организации музеев на открытом воздухе, поддержанная государством. Особое внимание было обращено на малоизученные с точки зрения народных построек области Словакии: Штефан Мрушкович, Андрей Полонец, Вера Валентова подготовили ряд статей о западной Словакии, Йозеф Кома, Катерина Апатиова-Руснякова о восточной Словакии и т.д. [22].

Особо нужно отметить работы Сони Швецово́й и Яна Ботика, продолжавших начатое Вилемом Пражаком изучение традиционного жилища с точки зрения его бытового использования и в связи с проблемами проживания в одном доме разных поколений сложной семьи [23]. Теоретические и методологические вопросы

классификации жилища были разработаны в ряде статей Соней Ковачевичовой и Вацлавом Фролцом [24]. Одна из первых попыток типологизации словацкого жилища в контексте жилища общеславянского была сделана автором данной книги [25].

Огромный материал, касающийся разных аспектов народного жилища периода конца XIX - начала XX вв. содержит Словацкий Этнографический Атлас в разделе о поселениях и жилище. Обработкой этих данных будет заниматься не одно поколение этнографов [26].

* * *

Появление городских поселений на словацкой территории относится к временам средневековья. Начиная с XIII века, с развитием ремесла, торговли и горного дела они становились торговыми центрами на торговых путях или на горнорудных разработках. В отличие от сельских поселений, здесь была цеховая организация производства и торговля; от внешнего мира они были ограждены городской стеной. В конце средневековья словацкие города вследствие изменения торговых путей и упадка рудных шахт потеряли многие свое значение. Это коснулось в первую очередь торговых центров в восточной Словакии (Левоча, Кежмарок, Бардейов), а также шахтерских городских центров в средней Словакии (Баньска Штявница). В то же время многие старые городские центры, расположенные в удобных районах, с ростом коммуникаций расширяли и укрепляли свое значение (Братислава, Нитра, Трнава). С развитием капитализма большую роль стали играть промышленные и административные центры. Некоторые города возникли из прежних сельских поселений (Рожнява, Нове Место над Вагом, Любовня, Римавска Собица и др.).

Современные города Словакии как правило сохраняют свое средневековое внутреннее ядро. Центром его была площадь - центр общественной жизни, где стоял костел, здание городского совета - ратуши и жилые дома наиболее богатых и влиятельных граждан. На окраинах городов выросли новые промышленные районы и жилые кварталы. В старом центре городов обычно расположены торговые и административные здания. Доля городского населения Словакии в

настоящее время не превышает 50% (1991 г.) [27]. Большинство городского населения проживает в малых городах. В Словакии только два города с населением более 100 тыс. человек (Братислава и Кошице).

В конце XIX века 90% словацкого населения проживало в сельской местности. Особенности планировки словацких деревень зависели от географических условий и типа хозяйства в разных регионах. Различаются рядовые правильной планировки деревни и кучевые поселения. Самые старые деревни на территории Словакии располагались в южной и юго-западной ее части, на Восточнословацкой низменности и в долинах крупнейших рек. Речные долины вверх по течению заселялись постепенно, самого же позднего происхождения были горные поселения "на валашском праве", связанные с пастушеской колонизацией. Самые ранние поселения были вероятнее всего гнездовой планировки, размещавшиеся свободно на некотором расстоянии друг от друга. Укрепление поселений и их более компактная застройка была вызвана естественным приростом населения, отсутствием новых возможностей освоения земель и регулирующей ролью государства и всей системы феодального землевладения.

Еще реформа 1767 года, так называемый Терезианский урбарий, упорядочив перечень крестьянских повинностей (урбарий) в Австрийской империи, определила точный размер "интравила" - площади, предназначенной для дома, хозяйственной постройки и сада каждой усадьбы крепостного и всего поселения в целом. "Экстравила", то есть земельные участки, занятые под пашню, использовать для застройки было запрещено. В идеале размер усадьбы каждого крепостного должен был равняться целой "сессии", то есть сумме участков, обеспечивавших прожиточный минимум крестьянской семьи. Это был "интравила" размером в 1 ютро (или хольд) и "экстравила" площадью от 6 до 22 ютров[28].

Точное определение государством размера приусадебных участков оказалось большим препятствием для роста словацких деревень. Помещик-землевладелец был заинтересован в выделении минимальной площади земли под застройку, конкретные размеры которой позднее было разрешено назначать по его усмотрению. Крестьянское население росло, а размеры "интравила" не менялись. Этим объясняется своеобразный рост словацких сел в равнинной Словакии, сопровождавшийся изменением их структуры.

Характерно, что и после отмены крепостного права по старой традиции, ставшей нормой обычного права, застройка занятой под пашню земли не практиковалась.

Поселения рядовой планировки постепенно росли за счет застройки промежутков между отдельными усадьбами, затем последовало деление первоначальных "сессий". Таким образом возникла планировка более компактная, образующая правильный ряд или два ряда домов, то есть уличное поселение. Продольное разделение усадьбы имело свои пределы, началось поперечное деление дворов. В результате после повторяющихся разделов появился ряд домов во дворе - "улочке", используемом всеми его жителями сообща. Процесс этот был ускорен частыми делениями сложных семей во второй половине XIX в. Жители таких дворов - улочек со временем менялись и далеко не обязательно оставались родственниками.

В горных районах Словакии также преобладают села рядовой планировки. Рядовые деревни, построенные вдоль рек, имеют широкую улицу с двумя проезжими дорогами по сторонам. К рядовому плану относят и цепеобразные деревни предгорий и горных долин. Их осью является дорога, идущая вдоль долины. Дома тянутся в два ряда и объединяются в небольшие группы, образующие как-бы звенья цепи, лежащей вдоль дороги и тянущейся на несколько километров. Деревни цепеобразной планировки наиболее характерны для Спиша, Оравы, реки Кисуцы, они создавались во время расцвета пастушеской колонизации XVI-XVIII вв. Большинство цепеобразных поселений теперь уже превратилось в уличные, потому что свободные пространства между группами домов, где ранее были сады, луга или лес, занимались новыми усадьбами. В таких растянутых селениях все же есть свой центр, где размещены магазины, школа, костел.

Среди поселений с площадью различают села веретенообразной планировки. Села с площадью имеют в центре четырехугольную площадь, они развивались из уличных поселений или же путем деградации средневековых городов. Веретенообразные села состоят из улицы, расширяющейся в центре в форме линзы или треугольника.

Кучевые села отличаются сложным планом. Они образовались в результате разрастания рядовых поселений путем появления новых улиц, располагающихся под разным углом.

В нескольких горных районах встречаются разбросанные поселения, где отдельные крестьянские усадьбы или группы усадеб расположены особняком в произвольном порядке. Это прежде всего район г.Мийявы на моравско-словацкой границе, север Тренчанского и Жилинского районов в западной Словакии, район Жиара над Гроном на севере Словакии, район гг. Левице, Зволена, Кртиша в средней части Словакии. Некоторые из этих поселений приобрели уже форму цепеобразных сел. Небольшие разбросанные поселения имеют разные названия: лазы (lazy), копанице (kopanice), дворы (dvory), бачовы (bacovy), стодолы (stodoly), рале (rale), штале (stale). Одни из этих терминов свидетельствуют о происхождении, другие о назначении поселений (бача - пастух, штале - хлев, стодола - амбар, копанице - обработанное вручную поле)[29].

Планировка крестьянской усадьбы и способы застройки двора зависят от формы поселений. Для рядовых поселений, составляющих в Словакии большинство, характерна правильная планировка усадьбы: спереди фронтоном к улице располагается жилая постройка, за ней хлев для скота, в глубине двора стодола, объединенная с амбаром. Преобладала блоковая форма однорядной связи дома и хозяйственных построек, к жилищу с задней его стороны под одной крышей пристраивается хлев для скота, а в усадьбах зажиточных крестьян еще и конюшня, свинарник и т.п. Часто под углом к хлеву под той же крышей ставилась стодола. Эта глаголеобразная форма связи шире всего была распространена в селах средней Словакии. В плодородных районах южной и западной Словакии крестьянские стодолы были очень крупных размеров и нередко выносились по противопожарным соображениям на самый край села. В горных районах с малоплодородной землей во многих крестьянских хозяйствах вовсе не было стодолы, зерно хранилось на чердаке хлева, а молотили на открытом гумне во дворе.

В западной Словакии дома ставились часто боковой стороной к улице. Здесь встречаются закрытые дворы, где вход образуют большие ворота, подведенные под крышу дома. Это своего рода навес, открытый со стороны двора. Здесь хранили телеги, сельскохозяйственные орудия и т.п. Границей усадьбы служит глухая стена строений соседа.

В разбросанных поселениях горных районов хозяйственные постройки располагались беспорядочно вблизи жилого дома. В горных районах с сильными ветрами и снежными зимами встречались застроенные со всех сторон четырехугольные усадьбы.

Точные границы распространения разных типов застройки крестьянских усадеб трудно провести, так как в одной и той же деревне до сих пор можно встретить разную планировку, так как размеры усадьбы и количество хозяйственных построек прямо зависели от имущественного положения хозяина.

По строительному материалу и технике крестьянские жилища Словакии делились на горные и равнинные. Самым распространенным материалом в середине XIX в. было дерево. Традиционные деревянные постройки, поставленные во второй половине XIX века, можно было наблюдать повсюду в северных горных районах в 1950-х - 1960-х гг.

Деревянные постройки в горной Словакии делались срубными: отдельные бревна соединялись в горизонтальные венцы, из которых возводился сруб. О старой технике постройки крестьянского дома в Словакии сохранялись лишь воспоминания. Она различалась в мелочах, но в основе своей была одинаковой для всех областей северной и средней Словакии. Строительного леса здесь было много, им можно было пользоваться бесплатно. Обычно для постройки дома осенью прямо в лесу выбирались деревья, на которых делались насечки. Для крестьянского дома средней величины нужно было приблизительно 40 стволов деревьев, чаще всего это были пихта или ель, а иногда и дуб. Срубали деревья всегда зимой, в декабре, и тогда же их свозили на место постройки дома. Весной привезенные стволы очищали от коры и оставляли сохнуть на целый год. Дома строили только из хорошо высушенного дерева.

Техника постройки дома была довольно примитивной. Еще в первой половине XIX века крестьянские дома в горной Словакии не имели фундамента в полном смысле слова. Часто прямо на выровненный участок земли, предназначенной для постройки дома, клался первый венец сруба, под каждый из углов которого подкладывалось четыре камня. Образовавшееся пространство между первым венцом и грунтом заполняли мелким камнем смешанным с глиной. Фундаментом в таком случае служил сам первый венец, сделанный из бревен значительно большего сечения, чем остальные венцы сруба. Правда, в первой половине XIX века в ряде словацких жилых построек появилось какое-то подобие фундамента, еще не углубленного в землю. Он состоял из камня, скрепленного

глиной, смешанной с мякиной и возвышался над землей приблизительно на 50-60 см.

Со второй половины XIX века появились срубные дома на каменных фундаментах, углубленных в землю на 1/2-1 м. Но в это время они встречались только в домах, принадлежащих наиболее зажиточному слою крестьянства. Характерно, что в таких углубленных в землю фундаментах часто делался в Словакии погреб (pivnica), войти в погреб можно было лишь с улицы, но не со двора, так как дверь погреба помещалась всегда со стороны фасадной стены под окнами.

Укладка первого венца сруба в Словакии была связана с рядом обычаев, часто магического характера, сохранившихся еще от дохристианского времени: под передний угол избы клали монеты, всякого рода ладанки "на счастье", кусок хлеба и горсть пшеницы, Все это делалось для того, чтобы хозяин дома имел всегда много денег и хороший урожай.

Постройку дома начинали рано утром в любой день, кроме воскресенья и пятницы. До закладки первого венца строителям не позволялось ничего есть, дом должен был быть заложен "с чистым разумом". Только после этого можно было прервать работу и продолжить ее в любое время. На первый венец укладывали следующие. Щели между отдельными бревнами оставляли открытыми и конопатили после окончания постройки всего дома изнутри. Строили редко из неотесанных кругляков, чаще всего бревна обтесывали с внутренней и внешней стороны, а иногда и с четырех сторон.

Способы скрепления углов сруба были самыми разнообразными от простых до довольно сложных. Прежде всего это был способ скрепления "v uhel" (в угол) с выпуском концов бревен наружу. Словаки применяли несколько вариантов подобного способа соединения углов "с остатком": способ "na zamek" ("в замок"), "na hniedzdo", "do seru" и т.д.

Наряду с этим в XIX веке в постройках словацких крестьян получил распространение способ соединения бревен "без остатка". Верхнее бревно в таких случаях несколько выступало над нижним. Рубка "без остатка" имела преимущества: величина срубного жилища зависела от длины бревен, и рубка "без остатка" давала возможность получить более просторное помещение.

В стенах делались небольшие отверстия для окон. Их не прорубали в уже готовом срубе, а применяли здесь один из вариантов закладной техники. На расстоянии равном ширине окна ставились стойки, в них вырезались пазы, куда вкладывались заостренные концы бревен. Точно таким же способом делались проемы для дверей. У словаков даже на юге и в XIX веке не встречалось жилищ, построенных столбовой техникой. Но она постоянно и до сих пор применяется при сооружении хозяйственных помещений на всей территории. Возможно, что столбовая техника в Словакии предшествовала технике срубной.

Окна были невелики: размер их не превышал 50см х 40см. Рамы были наглухо прикреплены к стенам и не открывались совсем, но вынимались целиком летом. Два окна (или одно в домах деревенской бедноты) были расположены в узкой, передней стене дома, выходящей на улицу, и одно окно в длинной стороне дома, выходящей во двор.

Двери в словацком доме XIX в. помещались в длинной стороне дома со стороны двора. Их делали из очень толстых и широких досок, плотно пригнанных и скрепленных с внутренней стороны одной или двумя поперечными досками. Величина их была около 170 см в высоту и 80 см в ширину. В сохранившихся еще в XIX в. в ряде районов курных избах двери делались из 2-х половин - верхней и нижней [30].

Обычно из самых толстых бревен ставился не только первый, но и последний венец сруба. В верхний венец сруба врубалась толстая и крепкая продольная балка - "геренда" (gerenda). Одним концом она опиралась на узкую переднюю стену сруба, другим на внутреннюю поперечную стену, отделяющую сени от избы.

"Геренда" в избе старательно украшалась резьбой или росписью, на ней вырезалась дата постройки дома и имя застройщика. Сверху на "геренду" укладывались поперечные балки "hřady" (грады), обычно их было три или четыре.

Конструкция крыши в словацкой деревне XIX века была стропильной с преобладанием двускатной ее формы. Стропильная конструкция крыши встречалась у словаков в нескольких вариантах. Стропила, называвшиеся здесь "krokvy" (кроквы) в это время уже редко врубались прямо в верхний венец сруба. Гораздо чаще они опирались на поперечные балки "грады".

Нередко крыша делалась с навесом (оддашие, одкван: "odkvar", "oddasie"), предохраняющим стены дома от дождя. Применялась и еще более сложная конструкция: поверх поперечных балок укладывались еще две продольные балки, а на них - на уровне передней и задней стены дополнительные поперечные балки - "vypustky" - ("выпуски"), выступающие за пределы боковых стен. На "выпуски" в этом случае и опирался продольный брус, образующий навес крыши и поддерживающий стропила.

"Выпусками" назывались, кроме того, в Словакии верхние бревна сруба, выступающие наружу одно за другим в виде кронштейна и поддерживающие навес крыши; иногда они украшаются подобно восточнославянским коникам.

Стропила скреплялись продольными слегами, называвшимися "laty" (латы), положенными с промежутками приблизительно в 70 см. Лишь на эту обрешетку укладывался кровельный материал. В северной и средней Словакии, богатой лесом, крыша покрывалась с давних пор чаще всего дранью ("sindel"), то есть узкими дощечками 12-16 см в ширину и до 1 м. в длину. Дрань умели готовить сами крестьяне. Щепы же и солома для покрытия крыш здесь употреблялись крайне редко.

В горных областях средней Словакии был широко распространен навес над фронтоной стеной в нижней части щита. В северной части словацких Карпат он прикрепляется и к боковым скатам крыши, образуя своеобразную форму крыши чаще всего встречающуюся во всех Карпатах.

Широко распространены в Словакии полувальмовые крыши, то есть с треугольным срезом в верхней части щита дома (ломенице - lomenice).

В словацкой деревне всячески украшался фронтон дома, обращенный к улице - символ социального статуса хозяина. Фронтон обивали досками в самом различном порядке. Здесь же вырезались всякого рода фигурные отверстия в форме креста, сердца, звезды и т.д. Эти отверстия служили и для выхода дыма в домах, не имевших дымоходов. Сюда вешали даже скульптурные изображения святых и всякого рода картинки [31].

После того, как была закончена крыша, приступали к внутреннему устройству дома. На поперечные балки, лежавшие на "геренде", сверху укладывали потолочины так, чтобы одна доска закрывала две соседние. В таком случае не оставалось щелей в

потолке, и в избу не попадала насыпанная на потолочину сверху для тепла глина, смешанная с землей. Балки же, держащие потолок и крышу, оставались внутри избы под потолком. Хорошо была видна и "геренда".

Пол во всех домах словацкого крестьянства XIX века делался из плотно утрамбованной глины, смешанной с мякиной для того, чтобы не было трещин. Деревянные полы в словацком доме в XIX веке были редким исключением, даже зажиточные крестьяне имели в своих домах глинобитные полы.

Стены в щелях между бревнами затыкались чаще всего изнутри узкими клиновидными дощечками и мхом. Обычно это делали уже после того, как постройка жилища была закончена, и хозяева въезжали в дом. В некоторых районах северной и средней Словакии стены в избе изнутри обмазывались глиной и белились известью. Глину зажиточные крестьяне смешивали с мылом для того, чтобы стены были ровнее.

Внешние стены сруба оставляли в естественном виде или промазывали глиной и натирали известью промежутки между отдельными бревнами. При этом часто белили углы дома, т.е. концы бревна сруба снаружи. В таком случае бревна с внешней стороны оставались хорошо видны, а сруб казался полосатым. Подобное промазывание глиной промежутков между отдельными бревнами сруба свойственно не только словацкому жилищу: обычай этот был вызван неровностью строительного леса.

В равнинных районах словацкой территории строительным материалом в середине XIX века и до 1950-х гг. были глина и камень. Глины здесь было так много, что она служила предметом экспорта[32].

Глинобитные постройки возводили двумя способами. Глину смешивали с мякиной и соломой, а стены наращивали слоями, укладывая первый пласт иногда прямо на землю. Более сложным способом было набивание глины в досчатый каркас, который удалялся после высыхания стены. В середине XIX века получили преобладание саманные постройки, а со второй половины века появился и обожженный кирпич.

Сырцовые кирпичи словацкие крестьяне готовили сами. Уже в начале XIX века в каждой деревне равнинной Словакии умели готовить кирпич, но делали его лишь для собственной надобности. Глина ногами размешивалась с водой, для прочности в нее

прибавляли мелко нарубленную солому и мякину. Затем этой смесью набивали, уравнивая доской, деревянные продолговатые формы размером приблизительно 35 x 20 x 10 см. Полученные кирпичи сушили на солнце одну-две недели. Приготовленные таким образом сырцовые кирпичи были довольно неправильной формы, поэтому и стены домов выходили неровными, не говоря уже об окнах и дверях, у которых одна сторона часто была выше другой. Щели между отдельными кирпичами заливали жидкой глиной. В такого рода домах и в XIX в. непременно делался фундамент, углубленный в землю приблизительно на 50-100 см². Его строили из неотесанного мелкого камня, а затем заливали смесью извести, глины и песка. Иногда не только фундамент, но и углы дома делались для прочности из камня. Высота стен жилища доходила до 4-х метров.

Сверху на стены укладывали деревянные балки, держащие крышу. Устройство крыши было таким же, как и у срубных построек горных районов Словакии. Здесь обязательно была геренда, поперечные балки и продольные брусья, держащие навес крыши. Навес всегда был особенно большим, так как глиняные стены нужно было охранять от дождя. В юго-западной Словакии навес дома (oddasie) со стороны двора подпирался несколькими столбами, образующими галерею. Пол под этим навесом нередко был вымощен кирпичом. Галерея в летнее время служила дополнительным жилым помещением, здесь выполнялись и многие домашние работы.

Крыша жилища равнинной Словакии делалась внизу, на земле, а потом уже "собиралась" наверху из подогнанных друг к другу балок. Была она здесь не только двухскатной, но часто и четырехскатной. По-видимому, это было связано с кровельным материалом, так как соломенные крыши, шире всего распространенные здесь, были чаще всего четырехскатными.

Встречались и двухскатные соломенные крыши, причем щит у таких крыш украшался деревянной резьбой, редко применяемой в других местах при кирпичных постройках. Возможно, что подобная деревянная резьба явилась в равнинной Словакии результатом старой традиции, восходящей к деревянным постройкам, преобладавшим в прошлом.

Гребень крыши часто покрывался очесами льна и прикреплялся бревном, остальная же поверхность - снопами соломы. По берегам рек в южной Словакии обычным кровельным материалом был

тростник. Стены жилищ из сырцового кирпича белили по несколько раз в год и с внешней, и с внутренней стороны. В западных областях равнинной Словакии еще в XX веке можно было увидеть особо устроенное крыльцо - "zudr" (жудр). Жудр встречался в Словакии лишь у кирпичных домов, он состоял из двух каменных столбов, выступающих у входа и соединенных сверху аркой.

Основным типом планировки традиционного дома в Словакии была двухраздельная и трехраздельная симметричная жилая связь, состоящая из избы, сеней, расположенных посередине, и коморы. Материалы Этнографического атласа Словакии показали, что во второй половине XIX века оба эти типа планировки были распространены на всей территории. Двухраздельное жилище представляло собой социальное явление, характерное для беднейших слоев крестьянства, или было вызвано недостатком площади для постройки трехраздельного дома [33].

Для обозначения дома как суммы жилых помещений в западной и средней Словакии употреблялся термин дом (dom), в восточной и части южной Словакии дом и главная его часть изба имели одно название - хижа (chyza). Такой архаизм повидимому объясняется тем, что жилой дом когда-то состоял из одного единственного помещения. Для обозначения сеней в западной и части северной Словакии используется термин питвор (pitvor) и сень (sien), в восточной Словакии приклет (priklet), а также варианты наименования сень. Термин комора (komora) для подсобного помещения распространен на всей территории Словакии.

В некоторых районах сложились своеобразные типы жилища, отличающиеся планировкой от жилища основной территории Словакии. Жилище здесь, как и на основной территории Словакии, трехраздельное, но расположение его составных частей другое.

Один из самых распространенных здесь типов жилища можно рассмотреть на примере старого дома в с. Вышне Лапше у Спишской Магуры, построенного в XIX в. Выход из жилища проходил через сени, которые здесь назывались не питвор, как обычно в Словакии, а "sen".

В более старых крестьянских жилищах этой местности сени еще не использовались в качестве кухни, а в XIX веке сени чаще всего делились перегородкой на "priedsin" и кухню "kuchyna".

Одна дверь направо или налево от сеней вела в комору, которая была здесь местом хранения всевозможных запасов, но никогда не была спальней. Вторая дверь в глубине сеней и на той же ее

стороне вела в жилое помещение - избу (jizba). При разделенных сенях дверь в избу находилась на кухне, куда выходило и устье печи, расположенной в избе. Внутреннее убранство такого вида жилища не отличалось от убранства других, типичных для Словакии жилищ.

Подобная планировка дома встречалась в целом ряде районов северной Словакии, особенно же это относилось к области Магуры. Жилище такого типа было наиболее характерно и для территории польских Карпат, на что в свое время указывал Любор Нидерле[34].

В районе той же Магуры, как и на Ораве, был довольно широко распространен еще один вариант трехраздельного плана жилища: сени здесь были расположены в конце дома со стороны избы. Вход из сеней вел лишь в избу; в комнату же можно было попасть только из избы. Это значило, что в середине дома располагались не сени, а изба, но войти в нее со двора можно было только через сени.

Бытовое использование отдельных помещений в традиционном словацком доме было строго определено. основным жилым помещением являлась хижа, в ней располагалась и хлебная печь. Устье печи, обращенное к передней стене, и очаг перед ней находились в хижке. Над ними располагался дымоотвод - комин. Он чаще всего имел форму усеченной пирамиды, прикрепленной узким концом к отверстию в потолке, выходящему на чердак. В некоторых деревнях Словакии вплоть до XX в. сохранялись и старые курные избы, не имевшие дымоотвода. Сени в доме первоначально были холодными и служили вспомогательным помещением. Комора использовалась как кладовая.

Меблировка хижи в старых жилищах была очень простой. В переднем углу по диагонали от печи стоял стол. Место у стола считалось самым почетным: здесь сидел хозяин дома, сюда же приглашали наиболее уважаемых гостей. Передний угол и стена старательно украшались, здесь стояла скульптура Девы Марии (у католиков) или лежала Библия (у протестантов), развешивались картинки из религиозной жизни, особенно популярны были картинки на стекле. Вдоль стен тянулись лавки из толстых досок, у глухой стены рядом с печью ставили постель. Предметы этой обстановки умел изготовить каждый крестьянин одновременно с постройкой дома.

С начала XX в. однородность словацких крестьянских жилищ постепенно исчезала. Традиционные жилища к этому времени претерпели значительные изменения. Прежде всего, изменилось

бытовое использование сеней: они стали теплым помещением, используемым в качестве кухни. Печь при этом оставалась еще в избе, но устье ее переносилось вместе с очагом в сени. Время появления в словацкой деревне жилого дома, где сени превратились в кухню, не совсем ясно. В северной части Словакии этот процесс, повидимому, относится к второй половине XIX века, в средней и западной к гораздо более раннему периоду [35].

Путь проникновения в словацкую деревню жилищ с теплыми сенями остается неясным. Вероятно, усиление экономических связей с городом помогало проникновению в словацкую деревню городской культуры и вызывало у более состоятельных крестьян стремление избавиться от неудобств, связанных с наличием устья печи и очага в жилом помещении. В более передовой и теснее связанной с городом южной и западной Словакии теплые сени появились по этой причине значительно раньше, а в горной процесс этот завершился лишь в 50-х гг. XX в.

Устройство печи оставалось прежним. Дым от очага и печи в сенях собирался в комин и отводился под крышу. В южных областях Словакии до сих пор существуют старые дома с огромными открытыми коминами, которыми кончался сводчатый потолок внутренней части сеней. Но в Словакии они не были глухо отделены от передней части сеней, как это было в Чехии, и чаще всего разделялись лишь аркой. В условиях более сурового климата в северной Словакии открытые коминь не распространились. Да и в южной Словакии в XX веке уже редко готовили в сенях с таким комином: с появлением плиты с закрытым огнем пищу снова стали готовить в избе, сени же с открытым комином утратили функцию кухни.

Менялось и бытовое использование коморы: во второй половине XIX-XX вв. комору стали утеплять, тем самым она превратилась во вторую хижу. Сюда переносили чаще всего печь, устье которой оставалось в сенях. В передней хижке ставили в этом случае печь типа голландки или плиту. В южной и западной Словакии передние жилые избы обычно вовсе не отапливались. Они служили парадным помещением, где принимали гостей, собственно жилой становилась задняя хижка. Парадная комната тщательно украшалась вышивками, настенной росписью, пестрыми тарелками и кувшинами, развешенными рядами на передней стене. Особое внимание уделялось убранству постели: гора перин и подушек доходила до

потолка, покрывало украшали вышивкой и кружевом. До сих пор на юге Словакии можно увидеть такие необыкновенно красочные парадные помещения.

Жилища с двумя избами были распространены у словацкого крестьянства шире, чем у других народов. По всей вероятности, это было связано с быстрым распадом семей, передняя хижина часто становилась жилищем для выделившейся малой семьи, в задней же оставались старики. В таком случае топились две печи, на разных очагах готовили несколько хозяек. При дальнейших разделах сыновья пристраивали свое жилище (двух или трех комнатное) и хозяйственные помещения к отцовскому жилищу вглубь двора.

Недостатком земли, видимо, можно объяснить и появление так называемых двойных домов, часто встречающихся в Словакии. Это дома больших размеров, состоящие из поставленных рядом двух хижин в передней части дома, двух сеней, часто и двух комнат. Это по существу два трехкомнатных или двухкомнатных жилища, разделенные продольной стеной и подведенные под одну крышу. Такой дом было легче и дешевле построить, чем два самостоятельных строения. В семьях зажиточных крестьян при разделах сыновей строилось новое жилище на новом участке земли. Они имели мало общего с традиционным крестьянским домом, были как правило, многокомнатными, иногда и двухэтажными, и приближались к городскому типу домов - коттеджей. Строительным материалом для таких жилищ и на севере Словакии служил обожженный кирпич, крышу покрывали этернитом или черепицей. Железо как кровельный материал в словацкой деревне почти не употреблялось.

Меблировка, как и внутренняя планировка дома зажиточных крестьян конца XIX - начала XX вв., также напоминала городские жилища того же периода. Традиционная, имевшая строго определенные места обстановка исчезла. Появилась городская, фабричного производства мебель: диваны, зеркала, шифоньеры и т.п.

Традиционные жилища в словацкой деревне почти совершенно исчезли. После второй мировой войны здесь развернулось огромное жилищное строительство. В каждом поселке, в каждой деревне строились десятки новых домов, вырастали новые улицы и кварталы.

Новые сельские дома Словакии не уступают городским по своей комфортабельности: повсюду электрическое освещение, во-

допровод (центральный или из местной водонапорной башни), канализация, центральное отопление. Результатом массового строительства стало стирание прежних региональных особенностей сельских построек. Произошла унификация строительных материалов и техники, планировка домов подчиняется разработанному профессиональному стандарту общегосударственного проектирования. В 1960-х гг. это были одноэтажные коттеджи квадратного плана, напоминавшие дома городских предместий 1930-х гг. В 1970-х гг. для индивидуального строительства предлагались двухэтажные постройки со спальнями наверху. В последние годы архитекторы Словакии призывают использовать старые местные традиции народного строительства. Становится заметной тенденция к появлению новых региональных различий в сельских жилых домах, проявляющаяся главным образом во внешнем их оформлении. Так, например, в восточной Словакии для отделки применяются зеркала, вмазанные в штукатурку, в западной Словакии - простая белая штукатурка, в северной - комбинации с деревом и т.п. [35].

3. Народная одежда

Старая этнографическая литература не располагала достаточным материалом для определения типов и комплексов традиционного народного костюма и их пространственном распространении. Описания народной одежды второй половины XIX - начала XX вв., которые часто встречаются в многочисленных журналах того времени с народоведческой тематикой, принадлежали чаще всего любителям, обращавшим главное внимание на внешнюю декоративную сторону народных костюмов, их украшения и расцветку.

Только после второй мировой войны в 50-е гг. словацкие этнографы приступили к систематическому изучению народной одежды, было написано несколько больших монографий, посвященных отдельным регионам [36]. Особенно интенсивные работы были развернуты во время подготовки Этнографического Атласа Словакии в 1970-х гг. В архиве Этнографического Института и Словацкого Этнографического общества хранится богатейший полевой материал, собранный по единой программе на всей территории Словацкой республики. Частично эти данные были опубликованы в журнале "Словенски народопис" (Slovensky narodopis).

Работа по сбору материала была начата еще в тот период, когда были живы традиции народной культуры во многих областях Словакии. До сих пор в некоторых из них народная одежда (женская) продолжает находиться в живом бытовании и развитии, нередко параллельно с одеждой городского типа. Можно наблюдать стадию перехода от традиционного костюма к городскому и процесс контаминации (полутрадиционные формы - *polokroj*). В то же время народный костюм совершенно исчез в некоторых областях западной Словакии (напр., Туриец), о нем не помнит и старое поколение.

История развития словацкой народной одежды еще недостаточно изучена. Известно, что в феодальный период она была гораздо менее дифференцирована и красочна. Большое значение имели запреты властей отдельных комитатов строго и подробно регламентировавшие одежду разных категорий подданных крестьян и горожан. Известно, например, постановление Турчанской жупы от 1757 г. о том, что позволено носить "простому народу": ремесленникам, мещанам, крестьянам и их женам ограничивалось пользование дорогими материями, превышающими указанную цену, а также дорогим мехом для шубы и безрукавок, дорогой кожей для сапог и украшениями определенного вида. За нарушение постановления нужно было платить штраф (2 золотых) [37].

После отмены крепостной зависимости исчезли прежние препятствия и запреты, а с развитием капиталистического рынка появились новые ткани и, следовательно, возможности для большего разнообразия крестьянской традиционной одежды. Считалось, что границы разных ее типов соответствовали административному делению территории на комитаты. Такой классификации придерживается и большой знаток народного костюма словацкий этнограф Вера Носальова, что нашло отражение в ее обобщающей работе "Словацкая народная одежда" (1982).

Материалы Этнографического атласа Словакии показали, что по покрою и способам ношения нательной одежды, сохраняющей, как правило, наиболее архаичные черты, в XIX - начале XX вв. можно было выделить только два основных типа как в женском, так и в мужском традиционных народных костюмах, распространенных на территории Словакии. Мужская одежда делится на горный и равнинный комплексы.

Первый комплекс состоит из узких, прилегающих к телу суконных штанов - ноговиц (*nohavice*) белого натурального цвета (в

средней и восточной Словакии) или синего и черного цвета в западной Словакии. Ранний тип ноговиц делался с одним распорком спереди, более поздний - с двумя распорками по бокам. Вокруг этих распорок располагали густую вышивку шнуром контрастного цвета. В крое и украшении ноговиц явно сказывалось влияние военной униформы.

Плечевой одеждой была рубаха - кошеля (kosel'a) туникообразного покроя с прямыми пришитыми по утку широкими рукавами и разрезом спереди, завязывавшимся на тесемки. Длина рубахи в отдельных районах различалась: она могла быть ниже пояса, до пояса (Средняя Словакия) или еще короче. В районе Детвы (Средняя Словакия) рубаха закрывала только верхнюю половину груди, она кроилась из одного куска полотна, сложенного по основе, а длина рубахи в таком случае равнялась ширине рукава, то есть половине полотнища.

Ноговицы стягивались кожаным ремнем, обвитым в несколько рядов вокруг талии, а в горных районах носили очень широкий кожаный пояс, украшенный латунными пряжками и бляхами, специфический в каждой области.

Второй комплекс мужской одежды был распространен в южных равнинных областях. Для него были характерны широкие штаны - гате (gate). Они шились из 1-2 полотнищ домотканины (льняной или конопляной), между штанинами вшивался квадратный клин, в поясе штаны стягивались шнуром. Длина штанов была различной, внизу они отделялись бахромой или ажурной вышивкой.

Рубаха была того же прямого покроя, только шилась из более тонкого, чем на севере, материала. С конца XIX в. стали употреблять более тонкую материю фабричного производства. В западных и юго-западных областях Словакии мужчины стали носить в это время рубашки городского типа. С широкими полотняными штанами носили фартук, чаще всего синего цвета. Он был обычно узким, но иногда и широким.

Женская традиционная одежда словаков также может быть разделена на 2 комплекса.

Главной составной частью первого из них, характерного для средней горной Словакии, была длинная рубаха с рукавами - кошеля (kosela). Она имела две формы. В первой из них широкий рукав пришивался к полотнищу переда вдоль основы, а верхняя его часть вместе с передним и задним полотнищем рубахи собиралась

вокруг шеи, образуя ворот. Вторая форма рубахи отличалась тем, что рукава пришивались по утку и не имели сборок. Сверху надевалась юбка или фартук.

Второй комплекс, распространенный на большей части территории, состоял из двухчастной нательной одежды: рубаша (rubas) и сорочки (orlesko, rukavce). Рубаш без рукавов иногда делался из двух частей: верхней прилегающей на двух или одной лямке через плечо и пришитой к нему широкой нижней юбки, сшитой из ровных наборенных полотен. Встречался и рубаш одночастный, прямой или с клиньями внизу и лямкой через плечо.

На рубаш надевалась сорочка (rukavce, orlesko). Она обычно закрывала только плечи, главное же внимание уделялось рукавам. Покрой ее был тем же, что и у длинной рубахи. Но встречался и тип с поликами, при котором широкие сборчатые рукава начинались ниже плеча.

Сверху носили юбку и фартук. Архаичной формой являлась распашная одежда из двух широких фартуков, которая сохранилась только в области пос. Чичманы, а ранее распространена была гораздо шире.

В XIX в. дифференциация традиционного народного костюма стала чрезвычайно дробной: на рубеже XX в. существовало до 60-ти вариантов и подвариантов, которые перекрыли основные его типы. Границы распространения главных комплексов одежды сделались смазанными, появились полосы переходных смешанных форм, сочетавших составные части разных комплексов (рукавце и кошелю, штаны разных типов и др.) [38].

Специфика вариантов одежды конца XIX века заключалась в многообразии декоративных элементов: расцветке тканей, вышивке, кружевах, орнаменте. Границы отдельных вариантов далеко не обязательно соответствовали разделению на комитаты, они были чаще всего более дробными или же выходили за пределы территориально-административных единиц.

Остановимся на конкретном описании традиционной народной одежды некоторых областей Словакии в рассматриваемый нами период.

В северном Липтове, типичной овцеводческой области горной Словакии, женский народный костюм широко бытовал и продолжал развиваться до последнего времени. За последние сто лет здесь сформировалась целая шкала одежды, предназначенная для

разных случаев жизни, где домотканые материалы сочетались с самыми новыми фабричными, а традиционные формы и старинный крой с инновациями. пришедшими из города.

Особенно характерен для северного Липтова женский костюм в поселке Важец. В качестве нательной одежды здесь сохраняется до сих пор длинная рубаха - кошлица (koselica). Передняя часть и спина рубахи (stan) раньше шились из более тонкого домотканого полотна, чем нижняя ее часть (spodnik), рукава же из покупного тонкого шифона или батиста. Стан и рукава стягивались у горла узким (в 1 см) воротником. Сборки укреплялись вышивкой красной нитью. Этот тип нательной одежды у словаков когда-то был распространен шире, сейчас же его следы можно найти во всем Липтове, на Горегронье, в Гемере [39].

В поселке Важец кошлица шьется с очень широкими рукавами, с ластовицей, манжетами. Главное украшение кошлицы было сосредоточено на широких манжетах (5-6 см). Манжеты (obalky) вышивали на отдельном куске материи, а потом пришивали к нижней части рукава, собранного в густую сборку. Еще в середине XIX в. это была плотная вышивка крестом в красном цвете, и если в других деревнях Липтова она стала многоцветной, то в Важце сохранялась красной, одноцветной еще в 30-х гг. нашего века. Орнамент раньше был геометрическим, а в XX в. уже растительным. Теперь и в Важце молодые девушки вышивают свои рубахи пестрым орнаментом. Внизу манжеты обвязывают крючком красным кружевом, а молодые женщины - пестрым.

Еще в начале XX в. кошлицы в Липтове были единственной нательной одеждой, длина их была ниже колен, нижних юбок раньше не носили. Рукава кошлицы на праздничном костюме в Важце необыкновенно широкие, их носят накрахмаленными, расправленными пузырями. В будни носят кошлицы с более узкими рукавами, их заправляют за жилет так, что висят большие крылья. После второй мировой войны девушки, работающие за пределами деревни, стали носить рубахи с узкими рукавами, которые употребляются в качестве нижнего белья. На рубаху они надевают кофту-"визитку". Это нового типа кошлица шьется из домотканого полотна, рукава у нее короткие, до локтя, с ластовицей (вставкой под мышками), разрез застегивается на пуговицы, как у мужской рубахи. Нижняя часть кошлицы еще шьется из грубого полотна.

Юбки в северном Липтове носят двух типов: в будни и в воскресенье из льняного или хлопчатобумажного полотна, а в большие праздники из сукна или шерстяных материй. Полотняные юбки шьются из набойки или ситца с крупным узором (Важец), а в соседних деревнях Штырбе и Шуняве - с мелким узором более темных расцветок. У пояса они закладываются в мелкие складки. Суконные юбки, по воспоминаниям старых женщин, были зелеными. Объяснялось это тем, что в Словакии в Пештянах была суконная фабрика, где изготовлялось зеленое сукно. В конце XIX в. вместо сукна на юбки стали употреблять кашемировые ткани. В последнее время в большие праздники носят юбку из искусственного шелка или атласной материи. Старинные юбки были длинными, старые женщины носят их сейчас длиной до лодыжек, молодые - немного ниже колен. Юбки шьют женщины сами, сами их раньше и плиссировали, зашивая мокрую ткань нитками в складки. Теперь плиссировка делается машинным способом.

На кошелицу сверху надевался жилет - кабатик (kabatik) подшитый сукном, к нему пришивалась юбка. Жилеты делаются с большим вырезом спереди и сзади, спереди они застегиваются на пуговицы. В соседних деревнях верхнего Липтова жилеты не соединены с юбкой, шьются с клиньями сзади, образующими фалды. Материалом служит набойка и цветное сукно.

Поверх юбки повязывают передник, который может быть широким в два полотнища - sata (шата) и узким - surp (шурп). Широкие передники в Важце сохранились только в праздничной одежде, они плиссированы, как и юбки, и шьются из набойки или кашемира. Внизу такие фартуки обшивают покупным кружевом. Передник-шурц был частью будничной одежды, старинные узкие шурцы шили из тканого полотна, сначала белого, позднее окрашенного в темный цвет. Подол такого фартука кончался бахромой. Шурц был украшен пестрой вышивкой крупным крестом геометрического орнамента. Молодые женщины для работы надевают передники из ситца (fertusek - фертушек), закрывающие и грудь. Талию женщины в Важце опоясывают длинным матерчатым поясом в 3-4 ряда.

В верхней одежде северного Липтова также сохранились архаические куски ткани - обрусы: длинные полотна, в которые закутывают невест, а также квадратные из двух полотнищ материи. Обрусы еще недавно носили в дождливую погоду, теперь они служат в основном для переноса тяжестей на спине.

Суконную одежду прямого покроя - *siha* (чуга) сохранили женщины только в дер. Липтовска Тепличка. В других местах уже в XIX в. верхняя одежда была более сложного покроя - *mentieku*, *spensery* (ментеки, шпенсеры). В конце XIX в. носили прилегающую к фигуре *кацабайку* (*касабайка*) с фалдами сзади. Ее шили из кашемира, саржи, ситца, но чаще всего из набойки и украшали цветным шнуром. В Важце *кацабайки* в длину не доходили до талии, их носили еще в конце 40-х гг. XX в. старые женщины в праздничные дни.

Теперь *касабайки* повсюду вытеснили *визитки* (*vizitky*). Они появились в 20-х гг. нашего века. Материалом для визиток может быть зимой шерсть, летом ситец и искусственный шелк. Праздничные визитки шьют из дорогого шелка. Они прямого покроя, длиной до талии, сзади они делаются немного длиннее. В отдельных деревнях визитки отличаются в основном украшениями. В Важце их шьют пестрыми с аппликациями и разными нашивками, в Тепличке, Выходной, Штрбе - из темных материалов. Правда, пожилые женщины и в Важце носят темные визитки. Визитки в Липтове сейчас распространены столь же широко, как блузы в других областях Словакии. В будничные дни обычный костюм здешних женщин - визитка и легкая широкая юбка. В качестве верхней одежды женщины в последнее время повсюду носят вязанные кофты из овечьей шерсти собственного изготовления.

Зимой женщины раньше носили белые короткие шубы - *кожухи* из овчины, украшенные яркой вышивкой и аппликацией, теперь носят повсюду коричневые *кожухи* приталенного фасона из овчины. Именно эти *кожухи* стали образцом для современных "словацких *кожухов*", которые пользуются большой популярностью и у городских женщин. Центр их изготовления - кожевенный завод в г. Микулаше в Липтове.

Наиболее распространенной обувью у женщин были и остаются сшитые из грубого домотканного сукна *капце* (*карсе*), их носили в Липтове круглый год в качестве будничной и праздничной обуви. Как правило, праздничные *капце* были черного цвета, а будничные - белого. В черных *капцах* в Важце невеста венчалась, а если было мокро, то всю дорогу до костела она шла в сапогах, но на пороге переобувалась в *капце*.

Очень популярны были женские сапоги. Их носили только с традиционным костюмом. Сейчас в будни носят преимущественно

резиновые сапоги, а в праздники с традиционным костюмом обычные туфли.

Кроме капцев и сапог женщины летом носили до конца XIX в. кожаные крпце, сейчас их считают мужской обувью. С крпцами женщины носили папуче (парисе) - вязанные из грубой овечьей шерсти чулки до колен, они бывали одноцветными или с черно-белыми полосками, а иногда их подшивали сукном и носили вместо капцев. Капце, сапоги, крпце надевали обязательно на онуце из белого домашнего полотна. Теперь их заменили вязанные носки ручной работы из овечьей шерсти. Молодые девушки и женщины надевают теперь фабричную обувь в будни и к праздничному костюму.

Очень большое внимание в прошлом обращалось на прическу и головной убор женщин и девушек. Девушки теперь, как и замужние женщины, носят на голове платки. Раньше девушки в отличие от замужних женщин обязательно ходили с непокрытой головой. Волосы девушки зачесывали гладко назад и заплетали на затылке в косу, закрепляя вплетенной веревочкой. В праздник в косу вплетали длинную ленту, завязанную бантом. В последнее время в Вагце младшее поколение девочек стало заплетать волосы в две косы. Волосы должны были лежать гладко, поэтому девушки с вьющимися волосами всячески их распрямляли (мазали сахаром, водой, растительным маслом и т.п.).

Женщины свои волосы закручивали в узел. Волосы спереди разделяли на прямой пробор, зачесывали их назад и разделяли на две пряди, которые туго скручивали и обматывали шнурками. Наименование прически было общим - choml (хомл), более новое ее название - kont (конт). В разных деревнях Липтова разница в прическе была в том, каким образом прикреплялись две скрученные пряди волос. В дер. Кокаве и Выходне, например, две пряди туго закрученных волос обматывали кругом, а концы закрепляли в виде двух рожек. Эту прическу здесь называли "хомла" (chomla). В Вагце женщины волосы на затылке не заматывали в круг, а ставили скрученные пряди над теменем в два высоких рога. Это была очень сложная прическа, поэтому женщины причесывались не чаще одного раза в неделю. Если волос было мало, к ним добавляли конопляную кудель.

В начале XX в. волосы женщины стали заплетать в две косы, а потом укладывать их в круглый узел на затылке - "конт". Хомлу

делали только в воскресенье или в большие праздники: для этого в узел - конт втыкали высокий гребень. Еще в начале XX в. на хомлу надевали чепец и в будни и в праздники. Крой чепца во всех деревнях Липтова был в принципе одинаковым: передняя часть - *selenka* из прямой полосы материи и сборчатая квадратная маковка - *dienko*, величина которой зависела от величины хомлы. В Липтовской Тепличке, например, начелье делается из плетеного кружева шириной около 8 см, а дно шьется из разного материала (полотна, ситца, в праздники из кашемира, атласа, гипюра). На затылке чепец стягивается шнуром. Такие чепцы женщины носят в Тепличке и сейчас.

В поселке Выходна и Кокава полотняные чепцы в начале XX в. сменились более сложными вязанными, составленными из мелких розеток. Дно у них делают не квадратным, а круглым, вокруг него пришивается широкое начелье, завязывают чепец под подбородком. В поселке Штрба и Шунява сейчас шьют чепцы из тюля. Полотняные чепцы носили и в будничные дни, а шелковые со сложными украшениями - в праздничные. Каждая женщина и сейчас еще имеет не один, а несколько чепцов в своем сундуке, предназначенных для разных случаев. В Важце и Штрбе белые, черные, зеленые и синие чепцы носили в траурные дни, красные, розовые и в цветах - в праздники. Чепцы умели шить далеко не все женщины, их заказывали специалисткам. Чепцы в будни в верхнем Липтове перестали носить после первой мировой войны. Они сохранились только в самой парадной и обрядовой одежде в качестве символа замужней женщины.

Сейчас в северном Липтове женщины носят в будни повсеместно на голове только палатки. Но и они имеют точно регламентированную функцию. В праздники носят платки из дорогих тканей: шерстяные, шелковые, бархатные, атласные. В будни надевают ситцевые или батистовые платки. Самый нарядный платок у молодых девушек и женщин красного цвета. Женщины разного возраста повязывают голову платком по-своему. Старшие надевают его низко над лбом, молодежь оставляет волосы над лбом открытыми. Платок старшие женщины завязывают узлом под подбородком, молодые - узлом на затылке.

Особый головной убор сохраняется до сих пор у невесты во время свадьбы. Это венец (*parta* - парта), основой которого была

повязка и зеленые ветки, а сзади до подола свисало множество лент. Такие простейшие венцы были характерны для деревни Кокавы еще в конце XIX в. В остальных поселках Липтова парты были сложнее, украшались множеством искусственных цветов, позументами, мишурой. С течением времени и они не оставались неизменными. В Важце, например, еще в начале XX в. парты были низкими, как и сейчас в Липтовской Тепличке, и делались из одного ряда искусственных цветов и веток с листьями. Современные же парты веерообразной округлой формы, высотой до 20-30 см. Их украшают не только цветами, но и стеклянными украшениями для новогодней елки. Собственную парту и раньше имела далеко не каждая невеста, их брали взаймы у своих подруг, как и ленты к ним. Сейчас девушка во время свадьбы надевает белую фату, но вместе с ней сохраняется и традиционный венец.

Обязательной принадлежностью современного женского костюма стали связанные из шерсти манжеты - запястки (*zapiastki*), которые появились только в начале XX в. Для Важца характерны очень пестрые запястки. С зелеными, синими, желтыми, фиолетовыми и белыми полосками их надевают в траур, с красным и розовым орнаментом - в праздники. Запястки вяжут на 5 спицах и надевают только по торжественным случаям.

Все женщины в Липтове обязательно носят несколько ниток стеклянных бус тесно у горла (в 4-5 рядов).

Мужской традиционный костюм в верхнем Липтове также сохранился до настоящего времени, правда, он бытует не так широко, как женский, и в нем появилось много новых составных частей (за последние 50 лет), пришедших с городской модой.

У старшего поколения еще сохранились старого покроя рубахи (*kosele*, кошеле) из домотканого полотна (льняного, конопляного или смешанного). Перед и спина шьются из одного полотнища без швов на плечах, отверстие для головы стянуто низким стоячим воротничком, в центре спереди разрез, который завязывается на шнурки. Рукава широкие, кроются из одного полотнища, ровно по утку пришиваются к плечам, под пазухой вставляется клин.

Молодежь еще в конце 40-х гг. XX в. по воскресеньям носила рубахи такого архаичного покроя. Сейчас, когда большая часть молодежи работает в промышленности или учится в специальных учебных заведениях вдали от родных мест, традиционная одежда сменилась городской. Однако в праздники, приезжая домой, юноши

надевают традиционный костюм, не говоря уж об участниках художественной самодеятельности.

Украшению мужских рубаш уделялось не меньшее внимание, чем женским. Особенно красочной вышивкой отличались рубахи, которые невесты готовили в подарок своим будущим мужьям к свадьбе.

Каждая деревня в Липтове отличалась особой вышивкой мужских рубашек. В Важце это был красный тканый орнамент, в Штрбе мережка и шитье белого цвета, которую теперь заменили кружевными прошивками. Особо выделяются до сих пор мужские рубахи из Липтовской Теплички, они вышиты красной бумажной нитью крестом или гладью в сочетании с мережкой. Теперь преобладают растительный и зооморфный орнаменты.

Крой белых суконных штанов, составной части одежды мужчин, был одинаков во всех горных районах Словакии с небольшими вариантами (cholosne, sukeniaki). Они делались с двумя боковыми швами.

Штаны такого типа во второй половине XIX в. носили не только сельские жители, но и горожане-ремесленники, но из покупного материала, преимущественно из тонкого сукна. Деревенские жители предпочитали сами себе шить штаны из войлочного белого сукна собственного изготовления, которое было теплее, прочнее и дешевле покупного. В швы и разрезы спереди нашивали разноцветные шерстяные шнуры (haraski), в разных деревнях они были другого цвета: черными, красными, а в Важце - зелеными и синими.

Жители одной деревни также носили разные штаны, соответствующие их возрасту. Старшие мужчины украшали их черным шнуром, молодые - красным, синим, зеленым. Крестьяне-земледельцы отличались от пастухов-валахов. Пастухи значительно больше расшивали свои штаны шнуром и застегивали разрезы внизу штанин на латунные пряжки.

Штаны на талии укрепляли ремнем (remen), ширина и длина которого менялась. В прошлом веке носили ремни в 3 м длиной, один конец их спускали в карман штанов, в другом опоясывались много раз, при этом сзади он висел гораздо ниже талии, и на него можно было сесть. Очень модны были литые латунные пряжки, которые изготавливали в Чехии или же в городке Спишска Собота и продавали на ярмарках.

Обязательной составной частью мужского костюма липтовского горца был широченный кожаный пояс - oрасnik (опашник), опасок (orasok). В конце XIX - начале XX вв., т.е. в период, о котором мы имеем более всего достоверных сведений, эти пояса были шириной 20-30 см, делались из кожи, сложенной в 3 ряда, застегивались на 3-4 пряжки и весили не менее 3-4 кг. Готовые опаски продавались на ярмарках, их изготавливали ремесленники в г. Липтовски Микулаш и Гиби. Кожа на опасках тщательно украшалась орнаментом, латунными бляхами и цепочками. Это умел делать каждый юноша. Опасок носили не только богатые крестьяне, но и дровосеки, и пастухи, несмотря на то, что он стоил очень дорого. Опасок был символом мужской силы и красоты. Теперь опаски совершенно исчезли. Их надевают лишь члены кружков художественной самодеятельности со старым традиционным костюмом.

Сверху на рубаху мужчины надевали короткую меховую белую безрукавку - кожушок, который называют в Важце brusliak (брусляк), в Выходной и Шумае kamizol (камизол). Она была прямого покроя, немного ниже пояса, спереди застегивалась на три пуговицы. В отдельных деревнях верхнего Липтова кожушки отличались цветом и украшениями: в Штрбе были вышиты мелким пестрым рисунком и белой кожаной аппликацией. В остальных деревнях они были длиннее, украшались красной аппликацией в виде волнообразного или спирального орнамента. Сейчас кожушки-безрукавки часто носят и те мужчины, которые перешли на городской костюм.

Верхней мужской одеждой в северном Липтове были сукницы (suknica), ментеки (mentiek), доломаны (doloman), куртки и кожухи. Сейчас все эти виды традиционной верхней одежды совершенно исчезли, и о некоторых из них мы знаем только по иконографическим и архивным материалам.

Сукница, известная по рисунку известного чешского художника Й.Манеса середины XIX в., была длиной до колен и сшита из белого домотканного сукна. В городке Гибы ремесленники носили черные сукницы из тонкого сукна. Их шили городские портные. Покрой был совершенно прямой, застежка на тесемках и цепочку у горла. Сукницы еще в 40-х гг. носили мужчины старшего поколения.

Черные короткие пальто jankle, kasabajki (янке, кацабайки), которые пришли на смену сукницам, шили из шерстяной покупной материи. Молодежь теперь носит пальто городского покроя. Доломаны, янке и куртки имели лишь наиболее зажиточные

крестьяне, ремесленники и мелкопоместные дворяне. Бедные слои ремесленников и крестьян шили себе сукницы.

Широко были распространены короткие кожаные сапожки из овчины белого цвета, которые украшались вышивкой и аппликацией. Но стоили они дорого, их могли себе позволить носить только богатые крестьяне и горожане. Шили такие сапожки в деревне Выходна, старые мастера работают до сих пор.

Самой распространенной обувью у мужчин, как и у женщин, были кожаные сапожки. В период I-ой Чехословацкой республики повсюду носили *bagance* (баганче) из грубой кожи, стянутые ремнем. Они появились в Австро-Венгрии еще в XVIII в. в качестве солдатской обуви, были дешевле сапог и прочнее сапожков, поэтому в конце XIX - начале XX в. их стали покупать крестьяне. Во всех деревнях верхнего Липтова зимой носят сапожки, напоминающие русские валенки, часто подшитые кожей.

Главным убором зимой служит высокая округлая шапка из черной овчины; теперь часто из искусственного меха. Летом носят шляпы, которые не отличаются от городских, преимущественно коричневые и зеленые. Еще в XIX - начале XX вв. "липтяков" можно было узнать по характерным шляпам с очень широкими полями, которые носили главным образом валахи - пастухи. Такие шляпы хорошо защищали от дождя, кроме того их смазывали яйцами и жиром, чтобы они не промокали.

Большие и маленькие шляпы украшали шнурами. В Важце это был яркокрасный шерстяной шнур. Пастухи носили на своих широких шляпах пояски из сукна и ремешки с металлическими бляшками и ряд белых ракушек, которые привозили из Польши и продавали на ярмарках. Самым большим украшением было перо на шляпе (*pieko*), которое отличало юношей от женатых мужчин. Юноши надевали его в 15-16 лет и снимали после свадьбы. Их носили в праздничные или обрядовые дни. Даже в соседних деревнях они были разными: в Важце и Штрбе зеленые. Кроме того делали перья из искусственных цветов, веточек деревьев, блесток, пестрой шерсти. Их дарили девушки своим избранникам. Особенно большое перо надевал жених во время свадьбы, его отличала и зеленая лента. Сейчас юноши уже не носят перья, как и старинные шляпы. Но жених и дружка на свадьбе надевают "перо" на шапку или же прикрепляют его к обшлаго пиджака.

Обязательным дополнением к мужскому костюму были латунные или серебряные пряжки или застёжки. Их изготавливали местные пастухи, украшая замысловатым резным узором. Особенно много пряжек носили сами валахи, традиция их изготовления сохраняется и сейчас.

Каждый мужчина-горец еще в XIX в. носил с собой маленький топор - валашку (valaska, sekerka), она была на длинной палке, на нее опирались при ходьбе в горах, а также употребляли как оружие. Известно, что по закону, принятому еще в начале XVI в. венгерским сословным сеймом, крестьянам было запрещено носить при себе оружие. Этим и объясняется, повидимому, такое широкое распространение топориков у горцев, заменявших им другое оружие. До сих пор валашка остается символом мужества и отваги и воспевается во многих фольклорных произведениях горной Словакии.

Мужской традиционный костюм в северном Липтове - характерный образец народной одежды жителя горных районов Словакии, еще в начале XX в. его носили повсюду. Сейчас в Липтове сохраняется в самом живом бытовании женский народный костюм. Его жизнеспособность проявляется и в большой дифференцированности: к каждому случаю, к каждому определенному празднику надевается одежда особой расцветки, характерным способом носятся отдельные ее составные части. Различается и одежда у женщин разного возраста.

Еще в конце XIX в. будничные и праздничные костюмы отличались только степенью изношенности: в будни донашивали праздничную одежду. С появлением новых фабричных материалов праздничная одежда стала все более отличаться от повседневной, более старательно украшаться. Однако с быстрым повышением материального уровня жизни населения этого края в последние десятилетия произошла та дифференциация одежды, какую мы наблюдаем в настоящее время. Даже при поездках в отдаленные города жительницы Липтова надевают свой традиционный костюм как знак региональной принадлежности.

Среди горных областей северной Словакии наиболее интересна народная одежда так называемого чичманского типа, бытующая в ряде деревень в окрестностях г. Жилины (поселки Чичманы, Злиехов, Фачков, Чавой, Валашка Бела). Мужская одежда здесь

мало отличается от одежды других горных районов. Женский же комплекс народного костюма очень своеобразен, и его архаичность давно привлекала внимание исследователей, которые искали в нем прототип древней словацкой или даже общеславянской одежды. Он состоит из короткого рубаша с верхней прилегающей частью и плиссированной нижней (gubas), очень короткой сорочки (rukavce), также плиссированной и стянутой вместе с рукавами у горла, красного шерстяного пояса, обвивающего талию в несколько рядов (без лифа) и двух передников (спереди и сзади), оставшихся от распашной одежды, исчезнувшей давно на всей территории Словакии [41].

Уже в середине XIX в. известный чешский художник Йозеф Манес написал акварельный портрет жительницы Чичман женщины в парадном костюме - Марины Куринцевой. При сравнении этого рисунка Манеса с чичманским костюмом начала XX в. бросается в глаза увеличение вышивки, когда-то весьма скромной. Чичманская вышивка (так называемая жилинская работа) выделяется по расцветке, орнаменту и технике выполнения среди других словацких вышивок. На белой сети мережки оставлен геометрический стилизованный орнамент (тюльпаны, звезды, яблоки, петухи, павлины), контуры которого вышиты гладью шелком с подложенной нитью. На старых вышивках расцветка очень проста: шелк натурального кремового цвета на белом льняном полотне. На более поздних вышивках появились более яркие цвета: все оттенки желтого, от слоновой кости до апельсинового. Женские чепцы двурогие надеваются на особую с твердой основой прическу (grgula) и в каждой деревне имеют особую форму. Народная одежда в Чичманах, особенно женская, сохраняется до сих пор. Это вызвано в значительной мере тем, что Чичманы, благодаря необычайной красочности своих народных костюмов и крестьянских построек, уже с начала XX в. привлекают множество туристов и превратились в настоящий этнографический музей на открытом воздухе.

Народная одежда западной Словакии, в отличие от Словакии средней очень однородна. Для равнинной юго-западной Словакии характерен так называемый трнавский костюм, распространенный в области гг. Трnavы, Братиславы, Пиештян, Глоговца. Это была область с высоким уровнем экономического развития, с большим числом промышленных предприятий, где очень тесной была связь деревни с городом. Но, несмотря на это, еще в начале XIX в. на-

родная одежда, как и в других областях Словакии, шилась здесь из домотканых материалов, меха и кожи, правда, изготавливалась она чаще всего ремесленниками [42].

Основными составными частями мужской одежды была рубаша (kosele) и штаны (gase). Полотняные гаце шили из двух прямых штанин и клина между ними. На поясе они стягивались тканым на стане шнуром. Гаце были длинными, внизу украшены вышивкой - мережкой белого или красного цвета. такие штаны носили мужчины всех возрастов летом и зимой, в будни и в праздники. Зимой надевали для тепла по 2-3 гаце. Рубаша была также из конопляного полотна, туникообразного покроя, длиной ниже талии с прямыми широкими рукавами, с маленьким стоячим воротничком (obojek - обоек). Разрез рубахи был сделан так, что одна сторона была шире другой и покрывала ее, когда завязывали тесемки, расположенные немного сбоку. Старые рубахи украшались очень скромно: вышивка на широких концах рукавов была такой же, как и на штанах. Однако, уже в первой половине XIX в. мужские рубахи стали украшать вышивкой на воротнике, на груди, на всей площади рукава, внизу рукава подшивали цветными плетеными кружевами. Эти рукава продавались отдельно ремесленниками на ярмарках, потом их пришивали к рубахам. Они были чаще всего из конопляного или льняного (позднее хлопчатобумажного) полотна, вытканые полосками красной бумажной нитью, иногда с желтой и белой нитью. Между полосками располагалась вышивка главным образом в красном цвете, часто комбинированная с белым. Более поздние рубахи вышиты растительным орнаментом. В любом случае вышивка чередовалась с полосами дырчатой мекрежи.

Мужчины носили передник - предпасувачку (predpasuvacka). Его делали из одного конопляного полотнища, внизу оставляли бахрому. Старики до сих пор помнят, что передники с красной или пестрой вышивкой надевали и в праздники.

На рубахе носили жилет - пручлек (pruclek) длиной ниже талии. Его украшали два ряда пуговиц, но застежка была только у горла, спереди же спускали бант из лент от воротника рубахи. Жилет шили из сравнительно тонкого сукна, он считался праздничной частью одежды.

На голове носили высокую черную суконную шляпу с маленькими загнутыми вверх полями - sirak. Обувью же служили туфли без

задника (pantofle - пантофле), зимой носили сапоги из черной кожи (богатые крестьяне и горожане круглый год).

Верхней зимней одеждой были широкие длинные пальто-галены (halený) из грубого белого сукна, а также кожухи из овчины.

Такой комплекс одежды мужчины в юго-западной Словакии носили вплоть до первой мировой войны. В качестве праздничной одежды появились к тому времени и суконные узкие штаны - ноговицы - черного цвета, расшитые по бокам светлоголубым шнуром. Их подшивали другой материей белого цвета и носили лишь с сапогами.

Основной частью женского костюма был здесь первоначально рубач (rubac). Его шили из конопляного полотна из 2-х частей. Верхняя часть - оплеcko (oplecko, stanek - оплеcko, станек), то есть гладкая, прилегающая полоска материи, к которой пришивалась юбка - собственно рубач. Сзади рубач был набран у пояса в мелкие сборки, укрепляющиеся белой вышивкой. Сверху на плечах пришивалась одна или две бретели. Такой рубач еще продолжают носить некоторые деревенские старухи. Они помнят, что раньше его надевали все местные женщины как в будни, так и в праздники. Зимой надевали их по несколько штук один на другой.

Сорочку - рукавце (rukavce) кроили из двух частей: верхний край переднего и заднего полотнищ вместе с верхней частью рукавов набирали в сборку у обшивки горловины, над локтем рукава стягивали ленточкой, а под воротник пришивали прямую оборчатую полосу - krezel (крезел). Женская сорочка украшалась так же, как и мужская рубаха.

Передники женщины шили из покупного материала, большей частью полотняной набойки.

Женские безрукавки - лайблики (lajbliky) делали также из фабричных материалов, но подшивали конопляным полотном. Старые женщины помнят еще белые безрукавки из домотканого полотна с ручной вышивкой.

Девушки не носили головных уборов, а замужние женщины носили чепцы и прическу с твердой основой: деревянной или проволочной округлой формы, обмотанной куделью и полотном - grgulu (грзулу). Сверху надевался платок.

Обязательной частью обрядовой одежды невесты, а также праздничной женской одежды была полка (polka) - длинная полоса с вышитыми краями, которую носили на голове, закручивая разными

способами. Зимой женщины, как и мужчины, носили белые овчинные кожухи с цветной аппликацией и вышивкой. Обувь не отличалась от мужской.

Юбки из сукна появились вначале в праздничном костюме. Они были черного, зеленого, синего, фиолетового цвета. Сзади они были сборчатыми, спереди гладкими, а так как перед был закрыт передником, сюда вшивали полосу из дешевой материи. Подол юбки подшивался красным сукном, а над этой оторочкой нашивалась лента (на зеленую или черную юбки - синяя, на синюю - зеленая). Суконные части костюма имели далеко не все женщины, часто их для определенных случаев брали взаймы у зажиточных соседок.

Таким образом, народная одежда, как мужская, так и женская, была очень простой, состояла всего из нескольких частей, шили ее и ткали материал для ее изготовления не только крестьяне, но уже в значительной мере ремесленники в деревнях, а также городские ремесленники в гг. Модре, Пезинке, Трнаве, объединенные в цехи уже с XVII-XVIII вв.: сапожники, портные, суконники, шляпники, красильщики и др.

Середина XIX в. была периодом широкого проникновения различных новых фабричных материй в деревню, они стали использоваться для изготовления народной одежды. Тонкие фабричные ткани были гораздо легче в обработке. И если одежда из домотканины или изготовленного ремесленниками полотна была простого покроя и украшения на ней располагались в основном на швах, то теперь весь силуэт одежды изменился - она стала больше прилегать к фигуре. Появление фабричной пряжи новых расцветок сказалось и на вышивке, которая становилась все более обильной и технически совершенной. Другой стала и расцветка украшений одежды: комбинация желтого или оранжевого цвета с черным в вышивке женских и мужских сорочек, в плетеных кружевах.

В конце XIX - начале XX вв. и мужская и женская одежда сильно изменились. Из новых материалов стали шить прежде всего праздничную одежду. Широкое распространение получили узкие штаны-ногавицы, украшенные шнуром. Их шили уже не только из сукна, но и из других фабричных материалов. Из того же материала изготавливали новую часть верхней одежды - кацабайю (kacabajá). Кацабайю тоже расшивали шнуром. Праздничные рубахи делали из тонких материй и вышивали желтой, оранжевой шерстью. Но самыми нарядными считались рубахи с мережкой и вышивкой

шелком. Меняются и пружлики - жилеты, молодые мужчины носят их в ярких расцветках, у горла прикрепляют большой бант из пестрых лент.

В женском костюме еще сохраняется конопляный рубач, но меняются другие части одежды. Из покупных материалов шьют рукавце, жилеты и передники. Рукавце с красной вышивкой или ткаными полосами на рукавах стали носить лишь в будни. В большие праздники надевали рукавце с необычайно тонкой белой ажурной вышивкой, напоминающей шитое кружево. Именно на них сосредоточивалась самая искусная вышивка. Тяжелая юбка из сукна сохраняется в обрядовой одежде, в других же случаях ее заменяет юбка из легкой материи как темных, так и пестрых расцветок. Передники становятся более широкими, сборчатыми, их шьют из черного или темного крашеного полотна, внизу украшают широкой полосой вышивки. Жилет - лайбих шьется из дешевой цветной парчи, атласа, шелка и украшается металлическими пуговицами и стеклянными бусинами.

Старую прическу гргулу с твердой основой носят только старухи. Женщины закручивают косы вокруг головы, а сверху носят чепец с оборкой, состоящий из складчатых накрахмаленных кружев. Сверху чепца надевают платок с бахромой, в праздники - белый батистовый или шифоновый с вышивкой белого цвета.

Нужно сказать, что комплекс женской одежды конца XIX - начала XX вв. составлял гармоничное целое, неписанные коллективные нормы указывали, какую часть одежды и с вышивкой определенного цвета можно носить с другой ее частью и т.д. Отдельные костюмы этого периода, хранящиеся в музеях, представляют собой настоящее произведение искусства.

Народная одежда в конце XIX - начале XX вв. в соседних областях западной Словакии - Мийаве, с одной стороны, и Нитранской жупе с другой, представляла собой лишь варианты описанного костюма и отличалась в основном украшениями и расцветкой.

Народный костюм продолжал сохраняться в юго-западной Словакии вплоть до конца второй мировой войны. В будничном костюме под влиянием города появились кофты - так называемые *jurku* (юпки), а затем и блузы из дешевого ситца. Сохранились головные уборы, широкая сборчатая юбка, широкие передники. Пожилые женщины их носят до сих пор. Праздничный костюм женщин выполнял лишь репрезентативную функцию.

Сейчас у жителей больших городов западной Словакии, в том числе и в Братиславе, очень популярны изделия местных деревенских рукодельниц, особенно вышитые сорочки, салфетки, скатерти, выполненные ажурной техникой в желто-оранжевом с белым цветах. Их применяют и при изготовлении женской одежды, сшитой по городской моде.

В конце XIX - начале XX вв. в восточной Словакии комплекс женской одежды старого типа (так называемая *hasačka*) сохранялся только в отдельных деревнях, не имевших тесной связи с городом. Ранее эта одежда была распространена гораздо шире, но постепенно была вытеснена более новой формой (так называемой *мадьяркой*), состоящей из блузы и юбки, перенятой из южных областей восточной Словакии [43].

Развитие старого комплекса одежды можно легко проследить в селе Вышни Клатор, где она широко бытовала вплоть до 30-х гг. XX в. Это село долго оставалось изолированным от городского влияния, население его было занято в земледелии и овцеводстве, а летом на лесоразработках.

Самой старой составной частью женской одежды была здесь нижняя нательная рубаша (*podolok*), которая шилась из белого льняного или конопляного холста домашнего производства. Между передним и задним полотнищами в боковых швах вшивались боковые клинья, сверху прикреплялись ляжки через плечо. Молодые женщины уже в начале этого столетия стали носить рубахи, закрывающие плечи, с коротким рукавом и квадратным клином под мышками (*kosul'a*). В такой рубахе они могли выполнять домашнюю работу возле дома.

Следующей частью одежды была верхняя сорочка - *орлеско*. Переднее и заднее полотнища ее и верхняя часть цельного рукава по утку сорочки собирались в мелкую сборку вокруг шеи и нашивались на воротнике. Впереди делали разрез, завязывавшийся шнурами. Под рукавом вшивался клин, внизу он стягивался обшлагом. Длина сорочки доходила до пояса. В конце XIX в. сорочки шили уже не из домотканины, а из тонкой фабричной хлопчатобумажной материи. Постепенно они все более и более украшались, тщательно вышивалась обшивка рукава, вышивка красно-черным крестом сменялась пестрой гладью, геометрический орнамент - растительным.

В начале XX в. молодые женщины стали носить нижние юбки, иногда по 3-4 сразу. Их шили из ситца или белой ткани (от 4-х до 6 м), у пояса собирали в сборку. Сверху надевали юбку с лифом, соединенные между собой широким (до 20 см) поясом. Юбки шили из хлопчатобумажной белой ткани, из белого сукна или синей набойки. Они были гофрированы, стянуты с изнанки тонким поясом. По подолу их украшали богатой вышивкой. Тщательно украшался и пояс, к которому была пришита юбка: на нем мог быть как тканый узор, так и вышивка. К поясу пришивался лиф (vist) из одноцветного бархата зеленого или красного цвета прямого покроя. Его украшали шелковыми лентами, обшивали сукном.

Сверху юбки носили фартук. Самым старым его типом был узкий фартук, тканый из белой овечьей шерсти, который носили на юбке из набойки. После 1-й мировой войны появились фартуки из хлопчатобумажной материи (surc) с широкими красными ткаными полосами материи внизу. В 30-х гг. распространились узкие вышитые фартуки из черного сатина с пестрой машинной вышивкой. Носили (с суконной юбкой) и широкие белые фартуки, украшенные кружевами.

Зимой во время больших праздников (а в прошлом и на свадьбу) женщины носили кожухи из белой овчины, по краям обшитые овчиной черного цвета. Изготавливали их специалисты-скорняки. В более теплое время года носили меховые прямого покроя безрукавки, обшитые овчиной белого, а потом и коричневого цвета (bruc'l'ak).

Зимой в качестве верхней одежды также служили белые суконные шубки с длинными вшивными рукавами длиной немного ниже талии с вышивкой цветной шерстью, металлическими пуговицами по краям рукавов, спереди и сзади на талии.

Более новой частью верхней одежды были ситцевые, бархатные и парчевые кофты - jurku. Они появились в 30-х гг. XX в. Кофты были скроены прямыми, доходили до пояса, с длинными вшитыми рукавами. Спереди они застегивались на пуговицы или кнопки, обшивались кругом бельевой декоративной тесьмой.

Особое внимание женщины обращали на головные уборы и прическу. Девушки ходили с непокрытой головой, волосы заплетали в одну косу, а потом и в две косы. Замужние женщины носили на голове чепец (серес), а сверху платок (hustka). Волосы сзади делили на две пряди и закручивали в узел на затылке. На лоб повязывали

черную бархотку (uzda). В 1910-20 гг. стали носить проволочные основы, прикрепляемые к волосам (rohi), чтобы придать форму чепцам. Передняя часть на старых известных нам чепцах и часть заднего донника были вышиты стебельчатым швом. Вышивка эта была почти сплошной, только белые промежутки составляли мелкий геометрический орнамент. Остальная часть чепца сзади была вышита крестом или гладью темносиним или красным орнаментом, главным образом растительным (тюльпаны, розы и др.). В чепцах женщины могли ходить только дома или вблизи него. В остальных случаях они наматывали сверху длинные прямоугольные полотенца. Длинной они были в 150-200 см., вышивка располагалась по краям в ширину 20 см. Позднее вместо них носили хусту меньших размеров, ее завязывали узлом на затылке. Она служила и обрядовым головным убором: ее надевали невесте на голову после свадьбы.

Обувью и у женщин в XIX в. были черные сапоги на небольшом каблучке с мягким голенищем, имевшим два шва по бокам. В сапоги надевали онучи из полос полотна. В 30-е гг. молодежь стала носить туфли фабричного производства и чулки (в праздники преимущественно белые).

В 30-х гг. XX века в Вышнем Клатове распространился комплекс одежды, которая в отличие от традиционной называлась "мадьярка". Характерной ее особенностью являлась широкая юбка, блузка, фартук и особый головной убор. Этот тип одежды появился еще раньше в венгерских равнинных областях Восточной Словакии.

Первые костюмы этого типа в Вышнем Клатове появились еще в конце XIX в., но это были единичные случаи, о которых помнят до сих пор. В 1900-1930 гг. в селе было уже 9-10 "мадьярок", но их носили женщины, служившие в Кошицах или переселившиеся из южных областей комитатов Шариша или Земплина. Интересно, что эти жившие довольно продолжительное время в городе женщины не перешли к городской одежде, а переняли более близкий им комплекс костюма. В 30-х гг. XX в. произошел сдвиг в развитии старой формы традиционной одежды. Новый комплекс одежды стали носить почти все женщины, кроме пожилых. Послевоенное поколение молодых женщин уже носит одежду городского типа. Однако, одежда "мадьярка" еще надевается в праздники даже детьми школьного возраста.

Все составные части комплекса одежды "мадьярка", типичной для Восточной Словакии контаминации традиционной одежды и

городской (так называемой полутрадиционной одежды), не оставались неизменными с начала своего появления. Вначале были модны блузки прямого покроя с длинными (или короткими) узкими рукавами, стянутыми у запястья широким манжетом. Спереди они застегивались на пуговицы и заправлялись в юбку. После второй мировой войны распространились широкие на кокетке короткие блузы, стянутые в талии резинкой или шнурком, с широкими, со сборками на плечах рукавами. Блузы украшали тесьмой, кружевными прошивками, обшивали кружевом воротник и разрез впереди.

Составной частью одежды "мадьярка" были юбки (верхняя и нижняя). Они также на подоле украшались лентами или кружевными прошивками, украшения эти постепенно увеличивались, а теперь они занимают всю нижнюю половину юбки, а выше нашивается широкая кружевная белая или кремового цвета прошивка. Нижние юбки не шили специально: старые верхние юбки со временем стали носить в качестве нижней под новой юбкой.

Блузы, как и юбки, шили из фабричных материалов: ситца, фланели, сатина, бархата и синтетического шелка. Для летних блузок в 1960-е гг. стали использовать и прозрачный силон. На юбку надевали фартуки из одноцветных материалов, их украшали широкой полосой растительного орнамента машинной вышивки разноцветной нитью. Юбки и блузы старались шить из одного материала.

Большое внимание уделяли прическе и головному убору. Дома или во время работы замужние женщины носили чепец. Вне дома и в праздники на чепец надевали небольшие цветные платки. До последнего времени волосы сзади закрепляли большим металлическим гребнем, который придавал форму чепцу, над лбом волосы приподнимали и закрепляли на темени пряжкой. Разделенные на две пряди волосы закручивали сзади на основу - небольшой бумажный треугольник. Чепец, по сравнению с прошлым, стали делать гораздо меньшего размера. Праздничные чепцы шьют из розового сатина с кружевными прошивками, будничные - из пестрого ситца и украшают тесьмой. Обувь и белье носят, как и в городе, фабричного производства.

Мужчины стали переходить к одежде городского типа после первой мировой войны. Натальной частью одежды была рубаша из домашнего полотна. Старинные рубашки по воспоминанию стариков

делались с длинными рукавами без ластовиц. Спереди они имели разрез и завязывались двумя белыми тесемками. В конце XIX в. воротники стали вышивать крестом или тамбуровой техникой нитью темнокрасного цвета, появились манжеты на рукавах.

Младшим типом мужской рубахи, сохранившейся до конца второй мировой войны, стала рубаха с большим высоким воротником, похожим на городские рубашки, с застежкой на стеклянные пуговицы спереди. Рукава имели манжеты, у запястья и на плечах были собраны в сборки. Украшения были похожи на украшение женских рубах, это касалось не только цвета и техники вышивки, но и тесьмы, кружевных прошивок и т.д.

Штаны (gase) носили белые, полотняные. Каждая штанина шилась из одной полосы полотна, внизу кончалась бахромой. В теплое время гаче служили верхней одеждой, зимой на них надевали штаны из белого домотканого сукна (cholosni), которые украшались узкими красными и зелеными полосками сукна. Новым типом были широкие (в две ширины полотна) короткие (немного выше колена) штаны из полотна, которые носили по праздникам. К ним надевали узкие фартуки из черного сатина. Позднее эти фартуки стали украшаться пестрой машинной вышивкой, как и женские фартуки.

Частью праздничной одежды был короткий жилет без рукавов из черного тонкого сукна, отделанный красным сукном. Жилет расшивался гладью растительным орнаментом.

В холодное время в качестве будничной одежды носили белые кожухи (bruslak). Кроме того, зимой носили белые куртки (hupa) из домашнего сукна, их шили местные портные. Новые гуни были праздничной одеждой, в будничные дни надевали старые. До первой мировой войны гуни обязательно носили как свадебную одежду.

Самым старым видом мужской обуви были кожаные крпце с длинными ремешками, которые закручивали сверху штанов. Позднее их сменили черные сапоги с твердым голенищем.

Головным убором мужчин были шляпы с круглой тульей и загнутыми полями из черного сукна или шапки из синего сукна, обшитые черной овчиной. С суконными штанами носили широкие кожаные пояса с металлическими пряжками.

После первой мировой войны мужчины стали носить городской костюм. Это был короткий пиджак городского фасона, галифе, сапоги, жилет и шляпа. Охотно носили только вышитую рубаху

прежнего покроя, надевали ее чаще всего в праздничные дни. В настоящее время мужчины ходят только в городской одежде. Традиционную одежду можно увидеть на стариках, которые донашивают ее во время домашних работ.

В настоящее время словацкая народная одежда в основном сохраняется в праздничном варианте, за ней все больше закрепляется одна сигнификативная функция - "знак" принадлежности к определенной региональной или локальной общности. Чаще всего словацкий народный костюм можно увидеть во время фольклорных праздников и театральных представлений.

4. Семья и общественный быт

В конце XIX-начале XX вв. у словаков существовали два типа семьи: простая (малая, нуклеарная), состоящая из одной супружеской пары и неженатых (незамужних) детей, и сложная (расширенная, большая), в которую входило несколько супружеских пар и их потомство. Терминология обозначения этих двух типов семей в разных областях Словакии была различной. Для простой семьи обычно употреблялся термин родина (rodina), а для сложной - челядь (cel'ad'), недельна родина (nedelna' rodina), фамилия (familia). Сложная семья в Словакии была широко распространена вплоть до середины XX в. (то есть до коллективизации сельского хозяйства) в нескольких вариантах. Однолинейными были семьи с прямым родством брачных пар разных поколений (чаще всего трех), многолинейными - состоящие из нескольких брачных пар с боковым родством одного или нескольких поколений [44].

Своеобразные формы сложной словацкой семьи давно привлекали внимание крупнейших ученых-славистов, главным образом чешских. Еще в конце XIX в. Карел Кадлец, занимавшийся проблемами обычного права европейских народов, ввел термин "семейная неделимость" (rodinny' nedil), подчеркивавший коллективный характер собственности в большой семье, которую он считал вариантом южнославянской задруги. Теодор Сатурник - соавтор Любора Нидерле при написании известного труда "Славянские древности" выделял "простую" и "сложную" формы словацкой семьи и рассматривал их как две фазы развития семьи, тесно связанные друг с другом [45]. Многие ученые рассматривали простую семью как позднюю форму, которой предшествовала ранняя форма - сложная

семья. Патриархальная большая семья -vel'korodina (по терминологии, употребляемой в литературе) считалась пережитком древних родовых связей.

Однако археологические материалы последних десятилетий убедительно доказали, что в раннее средневековье славянские народы территории современной Словакии обитали в небольших земледельческого характера поселениях, в однокамерных жилищах, площадь которых не превышала 16-20 кв.м. Сложные формы семьи почти не упоминаются в источниках до XIV в., а с XVI в. встречаются часто, но наряду с простыми ее типами и не на всей территории современной Словакии. Широкое распространение сложных семей многолинейного типа в словацкой крестьянской среде наблюдалось в XVIII-XIX вв. [46]. В некоторых областях расширенные семьи сохранялись вплоть до 30-50-х гг. XX века, особенно в северных горных долинах со слабо развитой промышленностью и полунатуральным хозяйством, требовавшим большого числа рабочих рук и кооперации труда.

Словацкие этнографы серьезно занимались изучением сложных крестьянских семей и традиционными родственными связями в словацкой деревне, на эту тему был опубликован ряд статей в современных ведущих этнографических журналах "Словацкая этнография" (Братислава) и "Чешский лид" (Прага). Фактический материал о словацкой семье содержится во многих опубликованных в последние десятилетия монографиях, посвященных описанию быта и культуры отдельных сел или областей Словакии.

Долгое бытование сложных семей в Словакии объяснялось специфическими условиями социально-экономического развития, правилами землепользования и наследования земли, в течение веков остававшейся единственным средством существования крестьянина.

Согласно обычному и кодифицированному праву (начиная с венгерского Трипартитума Иштвана Вербеци 1514 г., который большинство исследователей считают записью обычного права), все члены крестьянской семьи мужского пола являлись коллективными собственниками земельного надела. Даже глава семьи (отец, старший брат) не мог единолично распоряжаться общим имуществом. Лишь при разделах, осуществлявшихся, как правило, в каждом поколении после смерти отца, хозяйство (отцовизна - otcovizna, дедовизна - dedovizna) делилось на реальные, то есть

представлявшие собой равные доли по числу сыновей (братьев) [47].

В австрийской части Габсбургской империи существовало единонаследие, разделы крестьянских хозяйств были запрещены. Патентом Иосифа II и в Венгрии в конце XVIII в. было установлено право старшего сына на наследование отцовского имущества (майорат). Но это постановление так и не привилось. Венгерские ученые подчеркивали, что в Венгрии никогда не было закона о единонаследии крестьянского имущества. Правда, закон 1836 г. ограничивал разделы участков менее определенного размера, уточнение же этого размера становилось компетенцией помещика. Закон этот, однако, не соблюдался: первое время разделы производились тайно, а после отмены крепостного права закон был совершенно забыт. О повсеместном распространении реальных разделов крестьянских хозяйств на рубеже нашего века во всей Венгрии свидетельствуют данные анкетного обследования, проведенного венгерским историком права Миклошом Маттиашовским [48]. Запрет дробления крестьянской земли был осуществлен только в Чехословакии в 1950-е годы: по закону 1947 г. было разрешено делить участки на доли, размером не менее 8 га в зерноводческих, 10 га в картофелеводческих и 15 га в скотоводческих областях. В условиях Словакии, где преобладало малоземельное крестьянство, а участки земли и до раздела не достигали указанного в законе минимума, это означало единонаследование и конец семейных разделов. Правда, период действия этого закона для большинства крестьянского населения был кратковременным, в Чехословакии началась массовая коллективизация крестьянских хозяйств. Он сохраняет свою силу для крестьян-единоличников, незначительный процент которых сохранялся в основном в горных районах Северной и Центральной Словакии.

Дочери в крестьянских семьях долгое время не имели права на равную с братьями долю имущества. Они могли рассчитывать только на приданое. При господствующем принципе вирилокальности брака женщина после замужества принадлежала к семье мужа. В случае смерти невестки и при отсутствии детей ее родные братья отбирали все, что она принесла в дом мужа в виде приданого (иногда в виде исключения вдовцу оставляли во временное пользование до его новой женитьбы перину из приданого покойной жены). При отсутствии сыновей право наследования признавалось и

за дочерью: она оставалась в семье отца вместе со своим мужем, который становился также членом сложной семьи (pristas - пристах, pristupnik - приступник, pristavok - приставок). Только после рождения потомства укреплялась связь невестки (или зятя) с семьей, в которую она вошла после заключения брака. Бездетная невестка - вдова, хотя и имела так называемое "вдовское право" оставаться в семье родителей мужа пожизненно, как правило, возвращалась назад к своим родственникам, забрав свое приданое. В той же ситуации оказывался бездетный вдовец-пристах.

В Венгрии был принят закон (1840 г.), уравнивавший права дочерей и сыновей на наследование имущества. Несмотря на это, в большинстве областей Словакии разделы крестьянских хозяйств продолжали совершаться согласно обычному праву: девушки по традиции отказывались от наследства в пользу своих братьев. Об этом говорят многочисленные данные упомянутого нами анкетного обследования М.Маттиашовского 1900-х гг. Материалы полевых исследований современных словацких этнографов свидетельствуют об игнорировании наследственных прав дочерей нормами обычного права вплоть до 40-х гг. XX века: женщины старшего возраста во многих деревнях горной Словакии до сих пор помнят о том, что их матери не получили своей доли отцовского имущества [49].

В ряде районов Словакии (преимущественно западных) во второй половине XIX-нач.XX в. закон о равном праве наследования дочерей и сыновей обрел свою силу. Чешский ученый Й.Пич в 70-х гг. XIX в. писал о внутрисемейных конфликтах словацких крестьян, связанных с противоречием этого закона установившимся нормам обычного права. В зажиточных семьях дочь в качестве составной части приданого (vepo - вено) или при разделе родительского имущества получала свою долю земли или денежную компенсацию за ее аренду, если оставляла участок в пользовании братьев. Этот земельный надел невестки оставался в личной собственности молодой супружеской пары и не объединялся ни в коем случае с коллективной собственностью сложной семьи родственников мужа. Право наследования этой "материнской" частью имущества передавалось по женской линии. С этого времени в юридических документах появляются термины "материнская" и "отцовская" части имущества как составляющие наследственной доли имущества семьи. Кроме этой наследственной доли могла быть и нажитая часть, которая продолжала делиться только между сыновьями [50].

Наследственно-правовые нормы, господствующие в словацкой деревне, приводили к тому, что сыновья и после свадьбы оставались жить в доме родителей и вели с ними общее хозяйство. Численный состав такой сложной семьи зависел от числа сыновей и детей в их семьях. В среднем в конце XIX в. каждая супружеская пара в словацкой деревне имела по 4-5 детей, но нередко были семьи с 10 и 12 детьми. Максимальное число членов сложных семей в Словакии не превышало 20 или 30 человек. В семье жили старики-родители, их сыновья (братья) с женами и детьми (внуками стариков-родителей). Характерно, что в поколении дедов, как правило, жила лишь одна супружеская пара, что с каждой новой генерацией подрастающих сыновей семья не разрасталась до бесконечности, а делилась таким образом, что в поколении дедов в ней не было братьев. Именно такой состав сложных семей в Словакии был наиболее широко распространен во второй половине XIX века, то есть трехпоколенный ее тип, братские семьи были в ее составе в поколении отцов.

После смерти стариков-родителей сыновья разделялись далеко не всегда, они могли продолжать вести коллективное хозяйство. в этом случае сложная семья меняла свой состав: в ней не было стариков-родителей, а оставались братья в поколении отцов, их жены и дети. Такие братские семьи, как правило, делились после того, как женились их сыновья, образовывались новые сложные семьи, состоящие из трех поколений, но с одной супружеской парой стариков-родителей.

Большинство исследователей конца XIX в. описывали в различных областях Словакии "патриархальную большую семью" - такого состава. Однако в некоторых отдельных случаях принцип регулирования деления в каждом поколении нарушался, и состав семьи становился сложнее: в ней были супружеские пары двоюродных братьев, а в младшем поколении - троюродные сестры и братья.

Соотношение простых и сложных семей все время менялось: в одном селе или области не могли существовать только простые или только сложные семьи. Шел непрерывный процесс разрастания простых семей и превращения их в сложные и разделение сложных семей на простые. Семьи малоземельных крестьян, как правило, были простыми, так как отсутствовала экономическая основа, которая бы привязывала сыновей к родительскому хозяйству.

Статистика 1900 г. в тех областях, где были засвидетельствованы и описаны сложные семьи, приводит следующие данные о средней численности домохозяйств: Детва (центральная Словакия) - 8,57 членов, Крупинская возвышенность (Гонт) - 6-8 членов, Чабрадски Врбовец (восточная Словакия) - 6,65 членов. Эти цифры - свидетельство тому, что большинство семей в этих районах на рубеже века были простыми. Однако, в некоторых горных районах Словакии вплоть до конца 40-х гг. XX. в. преобладали многопоколенные сложные семьи, численностью в 30-20 человек. Так, в с.Грушов (центральная Словакия, Гонт) в начале XX века домохозяйство Матушовцов насчитывало 16 человек, Михаликовцев - 19, Стаховцев - 19, Гойшовцев - Пиечовцев - 19, Комасовцев - Гусаковцев - 20, Каштиельевцев - 26 [51].

Стремлением ограничить дробление крестьянских наделов объясняется распространение с начала XIX века так называемой однодетной системы в рамках обычного права. Эта система, связанная с регулированием деторождения, появилась первоначально в протестантских семьях пограничной с венгерским компактным этносом полосы южной Словакии, а позднее получила преобладание не только у протестантов, но и у католического словацкого населения комитатов Гонт, Новоград, Гемер. Второй ребенок, как правило, появлялся здесь только в случае смерти первого. Однодетная система в семье способствовала появлению целого ряда специфических черт в социальной сфере жизни: здесь был типичен уксорилокальный брак и институт зятьев-примаков, широко практиковались ранние браки, скорее, чем в других областях вошло в обычай равноправие дочерей при наследовании имуществом; в обрядовой культуре практиковались магические действия, направленные на ограничение деторождения; известны были многие приемы контрацепции и т.д. [52].

Эта длившаяся более столетия традиция, отрицательно отразилась на демографической ситуации. Нарушение естественного процесса воспроизводства населения и сосредоточение крупных участков земли в руках нескольких немногочисленных семей в результате брачных сделок привело к острому дефициту рабочих рук: отдаленные от центра села плодородные земли оставались необработанными и заброшенными. На рубеже нашего века шло массовое переселение на здешние хутора жителей горных районов

средней Словакии (из комитата Зволена района Детвы), покупавших пустовавшие земли.

Для сложной семьи был специфичен коллективный характер собственности, производства и потребления, основные экономические функции реализовывались всеми ее членами как единым целым. Отдельные супружеские пары в ее составе были только частью широкого семейного коллектива и выполняли лишь некоторые внеэкономические функции (репродуктивную, сексуальную, эмоциональную). Функция социализации детей принадлежала целому коллективу. Внутрисемейные отношения отличались авторитарно-патриархальным стилем. В организации хозяйства, домашнем быту, обрядовом поведении соблюдалась строгая иерархия. Она проявлялась в главенстве мужа перед женой, в подчинении младших старшим. Принцип старшинства учитывался и во взаимоотношениях одного поколения. Коллективное владение хозяйством означало и определенные обязанности всех членов сложной семьи. Они подчинялись общему распорядку жизни в семье. Все ее члены должны были работать в хозяйстве или отдавать свой побочный заработок в общую кассу. Между экономическим положением и местом в семейной иерархии существовала функциональная связь.

Главенствующее положение занимал газда - хозяин (tatik, otcik, gazda) - номинальный владелец всего имущества, представлявший семью перед обществом и администрацией и защищавший ее интересы. Главной обязанностью газды было обеспечение средств существования для всей семьи, сохранение и приумножение имущества для будущих поколений. Пост главы семьи занимал старший из мужчин - отец взрослых сыновей, дед. После его смерти главой семьи, как правило, становился старший из потомков. До отношения к общему имуществу газда не был единовластным, он считался первым среди равных, однако авторитет его был велик, все члены семьи подчинялись ему беспрекословно. Отец мог лишиться наследственной доли (или приданого) любого из своих детей, если тот нарушал нормы внутрисемейной жизни и не повиновался воле родителя. В ведении газды была организация всех сельскохозяйственных работ: он распределял обязанности всех мужчин в поле, по уходу за скотом и т.д. Сам газда выполнял самые важные и почетные работы, от которых зависел будущий урожай: пахал землю, сеял. Он распоряжался и всем бюджетом семьи, без

его ведома не могли производиться ни какие-либо покупки, ни продажа производимых в хозяйстве продуктов. За столом газда занимал почетное место. В том случае, если семья ела из одной миски, он начинал первым и брал лучшие куски пищи, в некоторых областях ему принадлежало право делить хлеб и мясо между членами семьи. За столом сидели только мужчины, а женщины ели, стоя на спинами своих мужей, дети, получив свою долю пищи, могли есть где-либо на лавке в углу у печки.

Важное место в семейной иерархии принадлежало газдине - хозяйке (gazdina). Обычно ею была жена газды. Правда, в том случае, если газда был вдовцом, газдиней могла стать невестка - жена старшего сына. В братских семьях практиковался так называемый skriz - перекрест: газдой мог быть старший брат, а газдиней - жена младшего брата или наоборот. В случае смерти газды его жена - газдиня нередко занимала его место и управляла всем хозяйством со своим старшим сыном.

Газдиня распоряжалась домашними работами и распределяла их между женщинами семьи. Она пекла хлеб, заготавливала впрок продукты, стряпала для всей семьи с помощью старшей невестки. Газдиня ведала ткацкими работами, раздавала пряжу (шерсть, лен, коноплю), делила домотканое полотно между невестками. На ее попечении часто оставались и дети, если невестки работали в поле. В ряде областей в руках газдини находилась семейная касса, она же делила хлеб, мясо за столом. Газда, как правило, считался с ее мнением при решении самых важных для семьи вопросов, в том числе и при выборе брачного партнера для детей [53].

На самой низкой ступени семейной иерархии была пришедшая в семью мужа невестка (nevesta). Ее статус зависел и от относительного возраста ее мужа, поэтому самым тяжелым было положение жены младшего сына. Подчиняясь распоряжениям свекрови, она выполняла самую тяжелую домашнюю работу: убирала избу, стирала, носила воду и сено для скота, дрова, обед работавшим в поле мужчинам, доила коров, помогала при полевых работах и т.п. Невестка не имела права распоряжаться свободным временем, не могла пойти в гости без разрешения свекрови. Заработанные на стороне деньги она, как и ее муж, отдавала в общую семейную кассу. Только мелочь от продажи, например, собранных в лесу ягод или яиц от своих (полученных в приданое) кур она имела право истратить по своему усмотрению.

Невестка питалась только тем, что ей давала газдиня. Нередко в течение многих лет она не имела доступа к продовольственным припасам и не могла дать лишний кусок собственному маленькому ребенку. Например, в местечке Стара Тура (западная Словакия) было принято проверять честность невестки тем, что свекровь оставляла открытой комору с припасами или деньги на видном месте и следила, не возьмет ли их невестка. В конфликтной ситуации не только муж, но и другие члены семьи (газдиня, сестры и братья мужа) могли избить невестку. От нее требовалось полное послушание и повиновение всем взрослым членам большой семьи, находившимся на более высокой ступени семейной иерархии. Конфликтные внутрисемейные ситуации решались без постороннего вмешательства и не кончались распадом супружеских пар. Невестка не могла вернуться к своим родителям после семейной ссоры, так как уход из семьи и в таком случае не считался оправданным по нормам, принятым локальной общностью, разводы осуждались. Лишь бездетная вдова возвращалась в семью своих родственников и снова выходила замуж. С большой семьей невестку объединяли муж и дети: их связывало кровное родство и право на наследственный надел. В том случае, если женщина (в том числе и бездетная) овдовела после семейного раздела, то положение было иным: она могла оставаться хозяйкой в своем доме и привести нового мужа-примака.

Овдовевшая невестка, имевшая детей, должна была решать и их судьбу. Вдова с детьми имела право оставаться в семье родителей мужа, но статус ее становился еще более низким, она постоянно подвергалась нападкам и унижениям. Поэтому молодые вдовы с маленькими детьми чаще всего предпочитали новое замужество. Однако, вдовьи дети от первого брака в семье отчима не получали никаких наследственных прав. В то же время после ухода из семьи отца они лишались права на его наследственный земельный надел, так как не вкладывали свой труд в общее хозяйство, как все другие члены сложной семьи. Мать-вдова должна была сделать выбор: оставить детей у родных покойного мужа и тем самым обеспечить им средства на жизнь или же взять их в новую семью и, следовательно, лишить отцовского наследства. На практике одинаково часто встречались оба решения. Все зависело от возраста детей и вдовы: маленьких детей мать брала с собой, старших оставляла в семье деда и бабки. Многие вдовы, не нахо-

дившие подходящего брачного партнера, оставались в большой семье ради детей.

Положение зятя-примака также в большинстве случаев не было завидным. Правда, в свадебном договоре он принимался родителями жены, "как собственный сын", а в случае смерти жены судьба примака была аналогична участи невестки. Чаще всего в примачи шли малоземельные крестьяне или батраки в надежде сделаться газдой после смерти тестя или обеспечить более сносные условия жизни своим будущим детям.

Дети с самого раннего возраста приучались к труду. Уже с 4-5 лет они пасли гусей, поили и кормили домашнюю птицу, а немного позднее пасли коз, овец и коров. Мальчики с 12 лет работали в поле и в лесу, учились косить, рубить и пилить лес, собирали валки за жницами, окучивали свеклу. В горных районах мужчины брали мальчиков для ухода за овцами на весь летний сезон на высокогорные пастбища - полонины, а иногда и на сезонные сельскохозяйственные работы в южные комитаты страны. Девочек женщины учили работать в домашнем хозяйстве, они присматривали за младшими детьми, пряли, ткали, вышивали, помогали готовить пищу, печь хлеб, участвовали в полевых работах. Обучение детей трудовым навыкам и использование детского труда в крестьянских семьях считалось более важным, чем школьное образование, которое во второй половине XIX в. (с 1868 г.) было в Венгрии всеобщим и обязательным. Детская грамотность не получала и то время немедленного практического применения в крестьянском хозяйстве, поэтому взрослые члены семьи готовы были скорее заплатить штраф за пропущенные детьми уроки. В страду летних полевых работ, как правило, в школах появлялись только отдельные ученики.[54]

Дети воспитывались в беспрекословном послушании и уважении к старшим. Взаимное обращение на "ты" и "вы" было строго регламентировано: старших (в том числе и до недавнего времени родителей) даже среднее поколение называло на "вы". Считалось, что преимущество в положении старшего перед младшим не только в большем опыте хозяйствования и знаниях, но и в том, что он дольше трудился в коллективном хозяйстве семьи. Во внутрисемейной иерархии позиция взрослых мужчин зависела от их возраста, таким же образом строились отношения внутри женской половины семьи: младшие братья старшим братьям, младшие не-

вестки старшим невесткам "выкали". В южной Словакии (Гемер, Гонт, Новоград) такая традиционная иерархия в обращении сохраняется на селе до сих пор.

Разделение крестьянских работ в сложной семье на "мужские" и "женские" часто нарушалось и имело локальные варианты. В горных северных районах с неплодородной землей, где было сильно развито отгонное овцеводство и отходничество, все полевые работы и уход за скотом ложились на женщин. Важная роль женщин в выполнении производственной функции сложной семьи к концу XIX в. стала сказываться на внутрисемейных отношениях в повседневном быту. При решении главных вопросов жизнедеятельности семьи мнение женской ее половины (особенно газдини) не могло не учитываться. О повышении статуса женщин в иерархии семьи свидетельствовало и то, что они получили свое место за обеденным столом наравне с мужчинами, да и на улице стали ходить рядом с мужем, а не отступая на несколько шагов, как прежде.

Случалось, что при недостатке рабочих рук (болезнь газды, вдовство газдини, несовершеннолетие сыновей) в семью приглашали на роль газды какого-нибудь дальнего родственника - "спольника" (spolník - пайщик). Это мог быть уже выделившийся семейный брат или замужняя дочь с семьей. Спольник пользовался всеми правами члена семьи, в том числе и правом на наследственный надел, которое обычно закреплялось договором. Спольниками могли стать и отъединившиеся семьи дальних родственников. Тогда по взаимному соглашению один из них становился главой большой семьи - газдой. Такая форма коллективного ведения хозяйства лишний раз подтверждает приоритет экономических факторов при объяснении причин долгого бытования сложных многолинейных семей в Словакии.

Взрослые женатые сыновья до преклонного возраста оставались в подчиненном положении в хозяйстве отца. Главной тому причиной было право газды распоряжаться семейным имуществом пожизненно. В составе сложных семей интересы отдельных семей отодвигались на задний план перед общесемейной солидарностью под авторитарной властью отца.

В конце XIX-начале XX вв. с развитием товарно-денежных отношений, сети коммуникаций появилась возможность заработка вне сферы сельского хозяйства, стала быстро возрастать тенденция

молодых семей к независимости и выделу из большой семьи. Определенную роль здесь сыграло и желание женщин стать хозяйками в своем доме, которое не исчезало даже при добрых отношениях со свекровью.

Распад сложных семей в Словакии не был единовременным актом. Это был длительный процесс, конкретные формы которого имели много локальных вариантов в зависимости от местных условий. В начальный период были часты случаи, когда глава семьи в стремлении задержать ее раздел карал выделившихся против его воли сыновей лишением наследственного надела. Постепенно с развитием отходничества укоренился обычай, сохранявший право наследства за выделившимися сыновьями, регулярно отдававшими свой заработок или часть его в общую кассу семьи (даже в том случае, если у сыновей были собственные семьи), или же помогавшими при сельскохозяйственных работах.

В конце XIX-начале XX вв. в общем доме при жизни родителей оставались далеко не все сыновья. Прожив какое-то время после женитьбы одним хозяйством с родителями, сыновья могли отделиться и вести собственное хозяйство, не вступая с ними в конфликт. Отец выделял сыну во временное пользование участок земли, а иногда и отдельное жилое помещение. Этот участок оставался наследственным и при общем разделе имущества (и семьи) учитывался вместе со всем другим наследством. Если женатый сын, ушедший на заработки, регулярно посылал в сложную семью деньги, то отец мог вернуть их сыну через какое-то время для постройки собственного дома или покупки куска земли, который становился личной собственностью молодой семьи. [55]

Время и способы раздела сложных семей и имущества различались в отдельных районах Словакии и зависели от местных условий. Старшее поколение всеми силами стремилось отложить окончательный раздел имущества до самой смерти, так как это давало им гарантию безбедного существования в старости под заботливым присмотром своих детей. Сыновья после смерти газды разделяли недвижимость сообща: землю по числу наследников делили таким образом, чтобы объединить лучшие и худшие ее участки. Отдельные конкретные наделы делили путем жеребьевки. В некоторых областях имущество делили старший брат и мать-газдиня. В конфликтных ситуациях приглашался староста села. В начале XX в. получили распространение письменные завещания

(testament - тестамент), в котором отец нередко оставлял большой надел или дом одному из сыновей. Обычно предпочтение отдавалось самому младшему, который оставался в доме отца и ухаживал за ним до конца жизни и его хоронил. Часто сын, оставшийся хозяином в доме отца, выплачивал денежную сумму остальным наследникам, отказавшимся от своей доли земли. Во время разделов сложных семей при жизни стариков-родителей регулировался их будущий статус. Практиковалось несколько вариантов решения. Повсеместно распространенным был раздел всего имущества между наследниками без остатка, а старики-родители оставались жить с одним из сыновей "на одном хлебе" общим хозяйством. Главенство в такой сложной трехколенной семье переходило к сыну и невестке, а старшая супружеская пара помогала растить и воспитывать внуков и по хозяйству.

Зажиточные крестьяне иногда производили раздел более сложным способом: наследственная часть делилась целиком (отцовская доставалась сыновьям, а материнская - дочерям), а нажитая оставалась родителям или же делилась поровну между сыновьями плюс одна доля родительская. В таком случае старики, проживая в одном доме с одним из сыновей, могли вести собственное хозяйство с его помощью, а после смерти родителей сын получал и их долю.

В наиболее передовых в экономическом отношении юго-западных районах Словакии и мелких городках родители на рубеже XX в. делили свое имущество после женитьбы последнего из детей, а сами переходили жить в отдельное жилое помещение. При этом точно и подробно оговаривались (в письменном договоре) равные для всех обязанности по отношению к старикам (vimepek, užitek, dohoda, deputat и др.): натуральная часть продуктов урожая, деньги, ремонт жилища, стирка, уборка. Правда, в отличие от Чехии в условиях словацкой деревни такая форма обеспечения старости кончалась тем, что родители (или один из них) жили и кормились поочередно в семьях своих детей по одному году, месяцу, неделе или переселялись каждый день.

В горных районах с малоплодородной землей 2-3 брата с семьями (малоземельные крестьяне и середняки) и после формального раздела сложных семей и имущества продолжали или снова начинали жить общим хозяйством. Они жили под одной крышей, питались за общим столом. Коллективная собственность в таких

братских семьях сочеталась с личной: землю обрабатывали сообща и общими орудиями, но каждый из братьев получал урожай (или его часть) с собственного участка, побочный же заработок оставлял себе. На хуторах Центральной Словакии еще в 50-х гг. нашего века можно было встретить такие семьи. Окончательный распад сложных многолинейных семей в северной Словакии наступил лишь в период широкой индустриализации и коллективизации 1950-х гг.

К изучению современных типов семьи в последнее десятилетие приступили словацкие этнографы. Итоги этой работы, основанной на полевых наблюдениях и анкетных выборочных обследованиях целого коллектива сотрудников Этнографического института Словацкой АН, нашли свое выражение в публикациях Петра Сальнера. [56]

Работа проводилась в Братиславе и ряде сельских районов Словакии. Выводы, сделанные в результате этих выборочных исследований, можно считать действительными для всей территории Словакии с некоторыми отклонениями в городской и сельской среде. Различаются простая (индивидуальная) семья и сложная (расширенная) семья, состоящая из нескольких простых семей с общим бытом и потреблением. В настоящее время на структуру сложной семьи оказывают большое влияние факторы, связанные с экономической самостоятельностью младшего поколения. Поэтому сложной семьей словацкие этнографы считают и семьи, состоящие из родителей и взрослых экономически самостоятельных, но неженатых (незамужних) детей. Этот принцип сильно увеличивает долю сложных семей как в городе, так и в деревне, которые в таком случае могут составлять до 40 и более процентов семей.

Младшее поколение при основании собственной семьи стремится как можно скорее отделиться от родителей. Молодая семья живет в доме родителей только в случае необходимости до получения или постройки своего жилища. В словацкой деревенской и городской среде преобладает, вопреки старой традиции, укоро-локальное поселение, так как считается, что совместное ведение хозяйства дочери с матерью чревато меньшими конфликтами.

Пространственное разделение семей не связано с распадом тесных семейных связей. Сельские дома и городские квартиры по возможности располагаются вблизи родительского дома. Формируется новая, практически неизвестная форма сложной семьи, которая в последние годы в этнографической литературе многих стран получила наименование дисперсной многопоколенной семьи. В

словацкой среде она приобретает характер своеобразного симбиоза традиционной сложной и простой семьи: семейная кооперация проявляется здесь в той же мере, как и в общем домохозяйстве. Нередки и случаи общего потребления, общего бюджета и традиционного разделения труда между отдельно живущими семьями.

В системе родственных отношений до сих пор важное место занимало кумовство (*kmotrovstvo*). Это было так называемое искусственное (духовное, фиктивное) родство, которое приравнивалось к родству по крови и даже служило препятствием к браку. Система кумовства в Словакии была приспособлена к потребностям малой локальной общности деревни, скрепляя большую часть ее членов родственными связями. [57]

Кумовство возникало прежде всего при крещении новорожденных детей, но также и в других случаях: у католиков при конфирмации, а также при приеме девушек и юношей в группу взрослой молодежи. "Крестные" также выбирались из числа девушек старшего возраста или молодых женщин во время сезонных сельскохозяйственных работ, когда молодсжь северных горных районов отправлялась целыми группами на юг Венгрии. Кумовство в большинстве перечисленных случаев действовало определенный отрезок времени, лишь крестные-свидетели при крещении или конфирмации сохраняли тесные отношения со своими подопечными на протяжении всей жизни. Этим отношениям придавалось важное значение, так как они были санкционированы церковным обрядом. Кумовство имело много вариантов: разной была форма обряда, принцип выбора крестных, их число и взаимоотношения зависели от местной традиции. Чаще всего для каждого новорожденного выбирался новый крестный или крестная. Зато строго соблюдался эквивалент, отказываться от предложения кумовства не было принято, оно считалось обязанностью почетной.

В конце XIX века стал распространяться новый принцип выбора крестных: две супружеские пары крестят всех своих детей взаимно, соблюдая все тот же эквивалент, при этом крестными становятся нередко братья и сестры родительской пары новорожденного. Некоторые ученые считают эту форму повторяющегося кумовства свидетельством распада близких родственных связей, характерных для словацких сложных семей в прошлом, стремления сохранить и укрепить родственные связи. Традиция кумовства сохраняется и

сейчас, его социальная роль очень важна не только в деревне, но и в городе.

Родственные узы словацких крестьян были теснейшим образом переплетены с территориальными, соседскими связями. Все жители села, владевшие усадьбой и земельным наделом, входили в состав общины - общине (obse), пользовавшейся самоуправлением и ставшей после отмены крепостного права территориально-административной единицей. Модель самоуправления с выборным представительством по городскому образцу распространилась вместе с так называемым "немецким правом" в XIV-XV в. и в словацких селах северных комитатов Венгрии. Во главе сельского совета (так называемые присяжные) стоял рихтар (richtar). Знаком его власти была палица и шкатулка, которая торжественно переносилась в его дом после выборов и хранилась на почетном месте у стола. В феодальный период рихтар отвечал за выполнение барщинных работ и уплату подати, за порядок в селе. Он был и судьей, участвовал и имущественных разделах, в заключении договоров о купле-продаже, решая всевозможные споры. Рихтар и сельский совет пользовались правом применения санкций к нарушителям принятых норм жизни, в том числе и телесных наказаний. Еще в конце XIX века в центре села можно было увидеть так называемые "колоды позора" (klady hanby), где подвергались наказанию провинившиеся.

К сельскому самоуправлению принадлежали и многие низшие чины, их статус, обязанности, размер вознаграждения были строго регламентированы традицией. Совет нанимал сотского (obesny sluha, bozenik), ночного сторожа (hlasnik), лесника (hajnik) и несколько пастухов, церковная община имела звонаря (zvonar), сторожа костела (kostelnik) и могильщика (hrobar). Число этих служащих и круг их обязанностей зависели от размеров локальной общины и ее материальных возможностей. В малых деревнях одно и то же лицо могло совмещать несколько обязанностей: например, звонарь мог служить и сторожем костела, ночной сторож могильщиком и т.п. Лесник нанимался чаще всего на 1-3 года, остальные в определенные дни календарных праздников, чаще всего пожизненно. Кандидаты выбирались из беднейших слоев деревни, труд их оплачивался небольшой суммой денег, а кроме того натурой - продуктами от каждого дома [58].

Структуру самоуправления села в модифицированной форме повторяла сельская организация холостой молодежи. Во главе стоял выборный рихтар, а в некоторых селах еще и присяжный. Ритуал выборов молодежного старосты, его права и обязанности, а также атрибуты его власти (шкатулка - truhlica) были тем же, что и у взрослого рихтара села. Молодежный рихтар отвечал перед сельским советом и рихтаром за порядок в своей среде как в будни, так и во время праздничных увеселений. В отдельных районах Средней Словакии молодежная организация села пользовалась еще в конце XIX в. полной автономией: своих членов она могла судить и наказывать за проступки самостоятельно. Считалось, что таким путем молодежь готовилась к будущему участию в самоуправлении родного села.

В восточных областях Словакии была известна и другая форма молодежных объединений: по возрастным группам или месту жительства в разных концах или в центре села. Юноши в таком случае не имели выборного старосты, подчинялись нормам, действующим для всех жителей общины. Только каждый раз при молодежных собраниях с танцами ("музыке") выбирались организаторы, чтобы следить за порядком.

Ритуал, сопровождающий прием мальчиков в ряды взрослой юношеской группы села, возможно, был генетически связан с обрядом древних инициаций. Это было крещение с выборным крестным отцом из среды взрослых юношей. Новенький должен был выдержать ряд испытаний: показать себя в драке, вытерпеть обливание холодной водой, подбрасывание в воздух. Обряд кончался общей выпивкой за его счет. В целом ряде областей Словакии обряд этот действует до настоящего времени довольно широко, а иногда и возрождается там, где был когда-то забыт.

Прием в группу взрослых девушек - потенциальных невест не был таким торжественным, но и в этом случае в качестве покровительницы для молоденькой девушки выбирали крестную из числа ее сверстниц. Обряд приема отличался многообразием, был приурочен к разным календарным праздникам, но всегда кончался угощением и выпивкой. Возраст перехода во взрослую группу молодежи был также разным: от 12-15 до 18-20 лет.

В период I-ой Чехословацкой республики сохранялась старая структура сельского самоуправления, но с некоторыми ограничениями: общины стали непосредственно подчиняться государственным административным властям района, нотариус сделался

государственным служащим и имел право "вето" при решении дел в сельском совете. Сельское представительство было расширено до 9, 12, 18 человек и т.д. в зависимости от размера села. Исполнительной властью располагал совет, состоящий из одной трети членов представительства. избирательное право имели и женщины.

В послевоенные годы, связанные с общими процессами социального переустройства в Чехословакии, дуализм местного самоуправления и государственной власти был отменен. Сельские советы и представительство были заменены местными национальными комитетами и их исполнительными органами, где руководящая роль принадлежала коммунистической партии. В 1970-х гг множество малых деревень были признаны неперспективными и объединены вокруг одного центрального села - административной единицы. Малые села, сохранившие свои названия, превратились в территориальные единицы. Только в последние годы была признана вся пагубность идеи "неперспективных" деревень. После революционных событий 1989 г национальные комитеты были распущены и после выборов в местные органы самоуправления восстановлены права традиционных сельских и городских общин.

Соседство - характерный для словацкой деревни социальный институт, сохранявший прочные внутренние связи и известную замкнутость до недавнего времени.

Соседская община стала исчезать в словацких областях уже в 13-14 вв. вместе с распространением наследственного землепользования (эмфитевзиса) и денежного оброка. Однако, коллективное пользование отдельными участками принадлежащей селу земли (леса, луга, пастбища, озера, дороги) сохранялось несколько столетий. Жители села сообща работали на очистке лугов, на сенокосе, следили за дорогами и колодцами, молодыми саженцами в лесах. Дни коллективного труда считались праздниками, надевалась праздничная одежда, вечером устраивалось угощение за общий счет. До самого недавнего времени коллективные работы можно было наблюдать и селах горной Словакии во время сенокоса на лугах, расположенных на большом расстоянии от села и давно уже принадлежавших отдельным собственникам.

Нормы обычного права отражали общие интересы жителей замкнутой локальной общности, коллективную ответственность за ее благополучие.

Обязательной повинностью соседей была взаимопомощь молодым семьям, опека стариков, уход за больными, помощь нищим, участие в семейных обрядах. Необходимость во взаимной поддержке проявлялась в правилах взаимоотношений соседей. Многие исследователи отмечали характерную черту атмосферы словацкого села - взаимное доверие ее жителей. До сих пор сохраняются села, где никогда не запирают двери домов, хозяйственных построек. В южных виноградарских районах хозяин, замечавший в своем винном погребе, стоявшем на краю деревни вблизи виноградника, соседа, старался спрятаться или уйти незаметно: посещение соседского погреба не считалось кражей, такую вольность мог позволить себе каждый член локальной общности.[59]

Одной из самых распространенных форм соседской взаимопомощи был совместный неоплачиваемый труд у отдельного хозяина при постройке дома. Единственным вознаграждением было выставленное хозяином угощение. Эта традиционная форма после II-ой мировой войны возродилась с невиданным размахом, когда началось восстановление разрушенных во время военных действий деревень, а затем и бурное строительство новых домов. Полное обновление жилого фонда словацких сел в послевоенные годы было бы невозможным без соседской и родственной взаимопомощи. Она была основана на строгом принципе эквивалента: "один другому возвращает работу". При этом обязанность возместить труд соседу передавалась по наследству и следующему поколению: например, старик мог предложить свою помощь на стройке семье молодого сына своего соседа, потому что его отец помогал ему строить. В настоящее время эта традиция соседской взаимопомощи, связанная с приготовлением обильной пищи для большого коллектива соседей, часто себя не оправдывает, так как появилась возможность найма квалифицированных строительных рабочих. Но отказ от помощи соседей означал бы нарушение этических норм соседства и проявление жадности, строго осуждаемой, тем более, что кто-то из членов каждой семьи в свое время наверняка участвовал в постройке дома соседей и принимал от них угощение.

* * *

Свадебные обряды. Господствующей формой заключения брака у словаков в конце XIX-начале XX вв. был свадебный обряд,

сопровождавшийся церковным венчанием. В структуре свадьбы с характерным для нее сосуществованием разновременных явлений и в этот период можно было проследить рудименты других, более ранних форм брачного ритуала (умыкания, выкупа), распространенных в древности и у других народов Европы.

Существует обширный материал по традиционной народной свадьбе словаков, публиковавшийся в многочисленных народо-ведческих, региональных, этнографических журналах второй половины XIX-начале XX вв.

Празднование крестьянской свадьбы - веселое и торжественное событие для всех жителей деревни - особо привлекало внимание романтически настроенных деятелей национального возрождения красочностью народных костюмов, музыкой и танцами, песнями и свадебными речами на родном языке, полностью искорененном из официальной и общественной жизни страны.

Особое место среди описаний свадьбы занимают руководства по соблюдению свадебного ритуала, которые появились уже в конце XVII в. Некоторые из них выдержали множество изданий и были чрезвычайно популярны у ряда поколений. Одно из самых ранних руководств по празднованию свадьбы было составлено Павлом Михалко в 1815 г.

В 1868 г. было опубликовано руководство по словацкой свадьбе А.Е.Тимко. Это подробнейшее описание свадебного обряда с указанием многих его локальных вариантов. В заключении автор подчеркнул, что главная его цель - сохранить исчезающие словацкие народные обычаи, "так как народ, отрекшийся от своих обычаев и обрядов, может исчезнуть из мировой истории, и ничто его не сможет воскресить". [60] Влияние всей этой печатной литературы, рассчитанной на широкие массы народа в период подъема национального движения у словаков нельзя не принимать во внимание при изучении развития свадебной обрядности.

В конце XIX - начале XX вв. появился целый ряд работ, посвященных свадьбе у отдельных областных групп словаков, что было связано с подготовкой материалов и их систематизацией к Чехославянской Этнографической выставке в Праге в 1895 году. Большая часть данных собиралась энтузиастами-любителями, что отразилось на качестве описаний: в них часто отсутствует точная локализация, обращается главное внимание на малосущественные

подробности и др. Однако и этот материал распределяется далеко не равномерно по всей территории расселения словаков.

Словацкие этнографы в последние десятилетия продолжали изучение традиционной свадебной обрядности. Появился ряд серьезных статей о словацкой свадьбе в прошлом и настоящем. В тоже время до сих пор не существует фундаментальной работы, систематизирующей и обобщающей весь этот собиравшийся более 150 лет этнографический материал.

Собственно свадьбе предшествовало несколько фаз свадебного цикла (выбор партнера, сватовство, помолвка и др.), сопровождавшихся многими обычаями. Обычное право обеспечивало более высокие социальные позиции семейным по сравнению с незамужними и холостяками. Изменение социальной роли после свадьбы должно было быть отражено в одежде, правах и обязанностях, в развлечениях и обычаях.

Сельская молодежь находилась под социальным контролем всего деревенского коллектива, где все хорошо знали друг друга. Моральные нормы локальной общности еще в конце XIX в. были разными для женщин и мужчин. Контроль за женщинами и девушками был значительно более строгим. Это сказывалось и в отношении к добрачным сексуальным связям молодежи: для юноши интимная связь считалась скорее престижной, но девушку, сблизившуюся с парнем, осуждала вся деревня, в том числе и родители ее избранника. С женщиной, имеющей добрачного ребенка, запрещалось дружить ее незамужним сверстницам, даже в костеле (где места распределялись соответственно возрасту, полу, репутации и состоятельности) она обязана была стоять среди замужних женщин. Одинокaя мать носила чепец - головной убор замужней женщины, в некоторых областях отличавшийся цветом или украшением. Если же она выходила замуж, то как правило, за вдовца и должна была венчаться в платке, в то время как порядочные невесты надевали венок из розмарина.

Возможностей для знакомства молодежи как в городе, так и в деревне было множество. Они встречались в костелах, на ярмарках, во время храмовых праздников, на свадьбах и праздниках календарных. В деревне устраивались посиделки и танцы - "музыки", куда приходили и юноши из соседних поселков. В словацких селах в определенные дни недели (четверг, суббота, воскресенье) юноши посещали дома девушек на выданье. Вначале ходили под окнами

несколько юношей, но после того, как одного из них девушка приглашала в дом, он приходил к ней регулярно, а нередко оставался до утра. Поведение влюбленных пар, как правило, контролировалось всеми соседями. [61]

Взаимное влечение и привязанность чаще всего не принимались во внимание при выборе брачного партнера в крестьянских семьях. Браки как правило совершались по воле родителей, непослушание могло повлечь строгие санкции со стороны родителей и всего деревенского коллектива. Отказ от родительского благословения означал лишение наследства, а тем самым и возможность получить собственный земельный надел - единственное средство существования. Родители нередко соединяли браком молодых людей без их ведома и согласия. Основную роль играл экономический фактор - *l'an s l'anom, konope s konopiami a rovna s rovnim* (лен со льном, конопля с коноплей, а равная с равным). Особенно сильным было стремление объединить, укрупнить свои земли (*luckska k luckske*, то есть поле к полю), при такой возможности отступали на задний план даже такие запреты, как близкое родство. Например, в северной Словакии, на Ораве, при объединении соседских участков земли получали разрешение на брак и родственники. В этом случае не мешала и разница в возрасте: 75-летний мужчина мог жениться на 25-летней девушке или 20-летний юноша - на 35-летней женщине. Активная роль родителей в выборе невестки (или зятя) оправдывалась тем, что для них это были дополнительные рабочие руки в общем хозяйстве, поэтому здоровье и работоспособность будущего члена семьи имели для них важное значение. Возраст словацких сельских невест колебался от 16 до 25 лет, но нередко 20-летняя девушка уже считалась старой девицей. Жених как правило должен был быть на 5 лет старше. Если в семье было несколько дочерей, то старались выдать замуж сначала старшую из них. Случалось, что младшая выходила замуж раньше, говорили, что она "заварила кашу сестре" (*kase navarila sestre*). В более молодом возрасте можно было вступить и брак по особому разрешению с 14 лет. Жених должен был быть старше невесты, но бывали и исключения. [62]

Серьезным препятствием к свадьбе являлись конфессиональные различия. Брак с партнером другого вероисповедания в конце XIX в. был редкостью и всегда приводил к конфликту с родственниками.

Свадьба была важнейшим событием в жизни семьи и всего деревенского коллектива или маленького города. Чаще всего она устраивалась осенью после уборочных работ или весной во время Масленицы.

Предварительные переговоры, во время которых выяснялись шансы жениха и степень достатка семьи невесты, начинали посредники - чаще всего близкие родственники жениха. Затем устраивались смотрины (vohl'ady, prierasky) - и доме девушки, куда приходил жених с посредниками. Родители невесты ставили угощение, несмотря на то, что свадьба могла и не состояться. После сватовства в Западной, а частично и в Средней Словакии наблюдался обычай "осмотра очага" (rozieranie ohniska): девушка в сопровождении родителей приходила в семью будущего жениха, чтобы осмотреть хозяйство его семьи.

В южных протестантских районах Словакии, где жених часто становился примаком, сватовство происходило у его родителей. Невеста в нем не участвовала, а только ее родители. После обсуждения подробностей будущей свадьбы и имущественных проблем, зятя одаривали деньгами, а иногда и свадебной праздничной рубахой.

При благоприятном исходе сватовства следовал сговор - пытка, вера (pytacka, vera), жених приходил к родителям невесты вместе со своим сватом и ближайшими родственниками. Со стороны невесты также присутствовали ее сват и родные, выступавшие в качестве свидетелей. В свадебном договоре содержались точные сведения о размере приданого невесты, о помощи родителей с одной и с другой стороны в устройстве нового хозяйства молодоженов. Молодые обменивались взаимными подарками - кольцами, полотенцами, яблоками, жених получал букетик - "перо", которое носил на шляпе. Совершался обряд соединения рук молодых, после чего они считались женихом и невестой. Одновременно заключался письменный договор - zavazek, по которому в случае отказа одной из сторон должно быть выплачено отступное.

Часто после сговора крестьянские семьи жениха и невесты считали себя породнившимися. Невеста помогала семье будущего мужа в домашнем хозяйстве, обе семьи помогали друг другу в сельскохозяйственных работах.

От помолвки до свадьбы могло пройти довольно много времени, так как свадьба требовала долгой подготовки и больших ма-

териальных затрат. Однако чаще всего уже в следующее за сговором воскресенье происходило первое оглашение о будущей свадьбе в костеле, повторявшееся 3 раза.

Со дня сговора (помолвки) перед свадьбой у словаков на Горегронье было обычаем, что жених ночевал у невесты. В дер. Гельпа кроме того вместе с женихом приходили и члены свадебной дружины - пара дружба с дружкой, все оставались на ночь[63].

Свадебная дружина жениха и невесты на словацкой свадьбе в прошлом не была многочисленной, но каждый свадебный чин был наделен определенной функцией. Это были, в первую очередь, старейший (starejsi) жениха и старейший невесты (во многих районах Словакии их называли пытач и оддавач). Оддавач и пытач представляли интересы невесты (и ее родни) и жениха, они по существу выполняли свадебный обряд, должны были знать его традиционную форму, помнить наизусть свадебные роли. Когда-то эту функцию выполняли крестные отцы невесты и жениха, но с течением времени их заменили полупрофессионалы - обязательно женатые люди, в каждом селе их было по крайней мере двое. Важную роль в свадебном обряде играла старейшая (starejsia), широка (siroka), которой была обычно крестная мать невесты. Она делала самый большой подарок невесте, пекла для нее свадебный калач, руководила обрядом надевания чепца. Старейшим в проведении свадьбы помогала целая свита - дружки и дружки, сверстницы невесты и жениха, которых должно было быть несколько пар.

Празднование свадьбы со всеми предполагаемыми затратами было обязанностью родителей по отношению к детям, в завещаниях крестьян о нем упоминается постоянно. Согласно обычному праву от пышности свадьбы и многочисленных гостей зависела счастливая будущность молодоженов. Каждая семья старалась соблюдать нормы своего локального коллектива, строго установленные традицией. Расходы, связанные с празднованием свадьбы, часто превышали возможности родителей жениха и невесты, поэтому часть из них брали на себя приглашенные гости, а в прошлом все жители деревни. Здесь проявлялся обычай соседской взаимопомощи, который наблюдался в словацких селах еще в конце XIX века. Когда-то каждая выходившая замуж девушка обходила соседей, собирая продукты для свадебного угощения. Тем самым она осуществляла свое право на поддержку со стороны односельчан.

Обычай этот был известен в ряде областей Словакии под различными названиями. В XIX в. этот общепринятый обычай сохранился в трансформированном варианте: он стал характерен для наименее состоятельного социального слоя деревни. За помощью к ближайшим соседям или родственникам обращались невесты из беднейших семей или сироты, чтобы иметь возможность отпраздновать свадьбу [64].

Невеста даже из самой бедной семьи старалась заранее приготовить себе приданое: постельное белье, покрывала, одежду. Часто девушка вынуждена была поступить в услужение или шла батрачить к богатым хозяевам, чтобы скопить денег на приданое.

На свадьбу приглашались обычно все жители деревни вне зависимости от сложившихся между ними отношений. Гостей звали много раз, начиная со времени второго оглашения в костеле. Родители невесты приглашали гостей в свой дом, родители жениха - своих гостей к себе на праздник.

Последняя неделя после второго оглашения была полна конкретными приготовлениями к свадьбе. В доме невесты собирались женщины-родственницы и соседки (среди них не должно было быть вдовы) готовить перины для перевоза приданого. В перины клали фисташковые орехи, деньги, голубиные перья, хлеб, испеченный из теста свадебного калача. Все эти апотропеи должны были охранять зарождение новой жизни от злых сил и обеспечить молодой паре взаимную любовь и материальное благополучие. Женщины - опытные кухарки собирались для приготовления свадебного угощения. Под руководством крестной матери невесты пекли самый большой калач, считавшийся символом свадебной церемонии. Калач имел различную форму и наименование (радостник - *radostnik*, плетенец - *pletenec*). Он должен был быть высоким и румяным, украшен фигурками и цветами из теста, сладостями, золотой мишурой, ветками зелени с яблоками и т.п. Пекли и мелкие калачи в огромном количестве, их раздавали или разбрасывали участникам свадебной процессии.

Заключительным эпизодом предсвадебного цикла был праздничный ужин вечером накануне свадьбы в доме невесты и в доме жениха с музыкой и танцами. Некоторые исследователи считали этот вечер началом собственно свадебных обрядов.

Во время девичника у невесты ее подруги пели песни и вили свадебные венки, готовили головной убор для невесты, "перо" из

петушиных перьев или розмарина с лентами для жениха и его дружины. Жених со своими сверстниками веселился отдельно в своем доме или в корчме. Содержанием этого обычая было прощание невесты и жениха с ровестниками и их вольной жизнью при переходе в другую группу семейных. Он был известен под разными названиями: *vera* (вера), *oplakanie* (оплакивание), *panenstvo* (паненство). В конце XIX в. этот обычай сохранился в измененном виде и в многих вариантах. Это могло быть угощение для той части молодежи, которая не была приглашена на свадьбу. В других случаях жених и невеста веселились со всей свадебной дружиной вместе в доме жениха или невесты, а также в корчме[65].

Свадьба (*sobas*, *slub*, *veselie*) начиналась в понедельник и праздновалась до конца недели. Утром в день свадьбы крестная мать невесты и ее родственницы несли подарки для жениха - рубаху, в которой он должен был венчаться, "перо" на шляпу, стакан меда, полотенце. Одеваясь, жених не должен был туго стягивать пояс, иначе у его будущей жены могли быть, якобы, трудные роды. "Перо" прикрепляли к шляпе жениха и смазывали медом.

Невесту в ее доме одевали в свадебный наряд дружки под руководством "широкой" (обычно крестной матери невесты). Она строго следила за тем, чтобы невеста была защищена от порчи и "злых сил": нижняя юбка должна быть надета наизнанку, каждая часть одежды слегка смазана медом, за пазухой спрятаны обереги - узелок с петрушкой, хлебом, чесноком. Одежда должна быть свободной, что способствовало легким родам. В южных протестантских районах, где деторождение ограничивалось, невеста тайно от всех бросала замок в колодец или закапывала в землю снятый с рукоятки топор. Верили, что до тех пор, пока эти железные предметы находились в воде и земле, молодая оставалась бездетной.

Свадебные гости вначале были строго распределены на две группы, одна собиралась в доме жениха, другая - в доме невесты. Старейший в доме невесты - "оддавач" от имени невесты благодарил ее мать и отца за воспитание, а она, стоя на коленях, просила у отца и матери прощения и благословения.

Жених в своем доме через своего старейшего - "пытача" благодарил своих родителей и получал благословение. Из дома жениха и из дома невесты в костел на церковное венчание отправлялись две самостоятельные процессии в сопровождении музыкантов. Невесту вел дружка, а жениха дружка, за ними следовала вся остальная

дружина. Перед костелом во время венчания свадебные дружины угощали всех собравшихся водкой или калачами, все танцевали под музыку. Молодая пара впервые встречалась в костеле у алтаря, а после обряда венчания обе процессии возвращались обратно, то есть каждая в свой дом. Таким образом с точки зрения обычного права церковное венчание еще не нарушало сложившейся ранее структуры традиционного свадебного обряда: жених и невеста после венчания еще не считались мужем и женой. Венчание в европейских странах было признано обязательным в XVI веке. Однако оно считалось простой формальностью в некоторых словацких областях и в XIX веке. Еще в первой половине XIX века между венчанием и свадебным обрядом мог существовать разрыв во времени от нескольких дней до 2-3 недель. В таком случае после венчания молодая пара не могла жить вместе, только свадьба могла узаконить их брак. Вечером после венчания жених со своей дружиной (а когда-то дружина без жениха) являлась за невестой на украшенных подводах. Ворота дома были крепко заперты, перед ними строились целые баррикады из бревен и громоздкой мебели [66].

По мнению многих ученых обычай закрывать ворота перед дружиной жениха символизировал старый обряд умыкания невесты [67]. Однако со временем в нем стала преобладать увеселительная сторона, во время свадьбы создали препятствия входу дружины в любой свадебный дом, в том числе и в дом жениха при переезде невесты, что потеряло всякий логический смысл.

Вторым вариантом свадебной церемонии был приход жениха с дружиной в дом невесты перед венчанием. "Пытач" просил "оддавача" отпустить невесту в долгой обрядовой речи, затем дружина жениха, а за ней невесты отправлялись в костел. Мать невесты осыпала зерном дочь, жениха и свадебную дружину. Обряд этот имел смысл вегетативной магии и должен был обеспечить благополучие и многодетность будущей семьи. Родители невесты и свадебные гости старшего поколения продолжали праздник в доме невесты. При молодой находилась "широка", которая после окончания обряда разламывала маковый калач и сладкое яблоко и давала по половине невесте и жениху. После церковного венчания все возвращались в дом невесты на праздничный обед.

Старейший или дружба возвращал молодую родителям, объявляя, что привел ее после "святого венчания". Церковное венчание в этом случае уже становилось составной частью первого

дня свадебной церемонии. По дороге в костел жениха и невесту охраняли от вредного действия "злых сил". Для того, чтобы их обмануть, процессия шла окольной дорогой, а в некоторых районах (Орава) венчание еще и в XIX веке происходило ночью.

В третьем варианте первое после венчания краткое совместное угощение дружин жениха и невесты устраивалось в корчме, в нем могли участвовать (и потанцевать под музыку) те соседи, которые не были приглашены на свадьбу. Затем следовал обед у родителей невесты.

Четвертым, более новым вариантом свадебного праздника, отмеченным в Западной Словакии, было посещение после венчания родителей жениха. Там молодых и их дружины встречала мать жениха, державшая в руках зерно и калачи. Все это она высыпала в подол молодой, которая раздавала эти дары всем собравшимся на улице. В дверях дома она угощала молодых ложкой меда. Свадебный пир в таком случае устраивался в доме жениха, молодая со своей дружиной веселилась вместе с гостями жениха, но вечером возвращалась домой, куда по традиции являлся за ней муж для торжественного перевода в свой дом.

Угощение в доме невесты обычно было скромным. Старейший произносил речь перед каждым блюдом, которые разносили дружки. Речи были традиционны, их повторяли сотни раз на каждой свадьбе, они были полны цитат из Священного писания, однако была возможна и импровизация, и некоторые свадебные церемониймейстеры пользовались доброй славой в широкой округе. Гости бросали на тарелки деньги для музыкантов, непрерывно играла танцевальная музыка. Появились и маскарадные маски: цыганка, переодетые женщиной мужчины (травести) и т.д.

В горных районах Словакии долгое время существовал обычай стеречь жениха во время обеда в доме невесты. С помощью своей дружины жениху удавалось отвлечь внимание дружины невесты и спрятаться в доме или у соседей. Поиски могли продолжаться несколько часов. Первоначальный смысл этого обычая давно забыт. Многие исследователи (и информаторы) объясняют его желанием продлить время застолья у невесты, сократив тем самым угощение у жениха [68].

Время переезда невесты в дом родителей жениха не было определенным. Чаще всего это происходило поздним вечером. Перед отъездом старейший - пытач (как и перед церковным венчанием)

просил невесту у ее родителей. В северной Словакии (деревня Гельпа) мать при прощании давала пощечину дочери, "чтобы она свой характер оставила дома". Обычаю бить невесту многие исследователи придают смысл отпугивания злых сил при вступлении невесты в новый дом.

Порядок свадебной процессии в отдельных областях был различным. В центральной Словакии впереди шел старейший - "пытач" и дружба, затем дружины жениха и невесты, музыканты, повозка с женихом и невестой, воз с приданым, затем ряженные, дети и др. Старейший и дружба угощали прохожих калачами и водкой, женщины, сидевшие на возу с приданым, разбрасывали по дороге мелкие калачи. Процессия сопровождалась шумом и криками, иногда стрельбой. Повозки с молодыми и приданым колесили по всей деревне, неоднократно возвращаясь.

Холостая молодежь деревни, не участвовавшая в свадьбе, обязательно останавливала свадебный поезд, перегородив дорогу цепью, шестом, увешанным лентами шнуром, требуя от жениха выкуп за невесту.

Этот обычай считался нередко в этнографической литературе пережитком символического умыкания невесты, как одной из ранних форм брака. Чаще всего выкуп требовали тогда, когда жених был родом из другой деревни, но перегородивали путь и местным брачащимся. В Западной Словакии (район г. Нитры) молодежь села осуществляла свое право на выкуп за невесту еще во время праздничного обеда и могла повторить свое требование, перегородив дорогу свадебной процессии, и жених должен был заплатить снова[70].

Переезд невесты в новый дом (на второй день свадьбы) был торжественным и сопровождался целым рядом магических действий, имевших много локальных вариантов, однако смысл их был одинаков. При входе невесту осыпали зерном. Слезая с воза, она не должна была наступать на голую землю, а на полотенце или на вывернутую мехом наружу шубу. На дворе она должна была перевернуть ногой корзину с яблоками и орехами, символизирующую будущее изобилие в хозяйстве. Невеста держала в руке калач и была принята свекровью, предлагавшей отведать меда молодым.

Целью многих дальнейших действий было выяснить способности молодой, которая входила в новый дом не только как невестка, но и новая работница. Ей предлагали взять хлеб, сахар, соль и следили за тем, чему она отдаст предпочтение как хозяйка. Затем

следовали культового значения обряды, сопровождавшие вступление молодой в новую семью, дом и хозяйство. Вместе с мужем она обходила три раза вокруг стола. Затем она должна была положить на него полученный в подарок от свекрови хлеб и поцеловать все четыре угла стола. Невестку подводили к очагу, и она должна была посмотреть наверх через дымоход. Объяснение этих обрядовых действий, повидимому, нужно искать в пережитках культа предков - хранителей домашнего очага, под покровительство которых стремилась попасть и невестка.

Во время ужина на почетном месте в углу сидели жених и невеста, по бокам - дружки, крестная мать рядом с невестой, потом старейшие. Блюда и напитки снова разносили дружки: подавали говяжий и куриный суп с лапшой, баранину с капустой, жареную курицу, которую делил сам старейший, маковые и ореховые калачи, сушеные сливы, в южных районах вино. В горных районах свадебная трапеза была гораздо беднее: колбаса, капуста, отварное мясо с хлебом, калачи, пили самогонную водку - "паленку" и кофе с молоком (суррогатное). Музыканты играли, молодежь танцевала. Невеста за столом почти не притрагивалась к еде, а в северных областях (Орава) она совсем не появлялась за столом, а пряталась в коморе.

После ужина старейший - отдавач дарил подарки от имени невесты и ее крестной матери новым родственникам - рубаху свекру, платок свекрови, ленты и сладости детям и т.д.

Как правило, поздно вечером совершался один из важнейших обрядов свадьбы - укладывание молодых в постель. Широка и дружки отводили невесту в комору (холодное помещение, используемое в качестве кладовой или летней спальни), где старший дружка снимал с невесты парту и венец большим кухонным ножом или палицей (вилами, косой) и расплетал ей косу. Каждая из дружек пыталась отломить от венца веточку, что предвещало быстрое замужество, невеста же строго оберегала целостность своего венка, она означала счастье в супружеской жизни.

Старейший свадьбы приводил жениха, и в присутствии всей дружины, являвшейся свидетелями, молодых укладывали в постель, что санкционировало начало физической близости супругов. Существуют данные о том, что дружка лишал невесту невинности не только символически, а именно ему когда-то принадлежало право первой ночи. Так, еще в начале XX века в некоторых горных селах северной Словакии первую ночь после свадьбы невеста должна

была провести в комнате с дружбой. В Западной Словакии, как правило, венец (и парту) снимал с головы невесты жених, а в некоторых деревнях северо-восточной Словакии эта роль предоставлялась главе семьи - свекру [71].

Кульминацией свадьбы был обряд надевания чепца на молодую, означавший ее переход в группу замужних женщин. Широка на этот раз уже не с друзьями, а с молодыми женщинами - близкими родственницами отводила невесту в комнату (или к кому-либо из соседей, чтобы скрыть от посторонних глаз), где ее причесывали как замужнюю женщину и надевали чепец - символ замужней женщины. Молодую сажали на деревянную бадью, наполненную водой, на которую был положен валец для белья и штаны молодого мужа, что должно было способствовать скорому появлению мужского потомства. Верили, что вода в бадье, на которой сидела молодая, обладала магическими свойствами. Молодая женщина после окончания обряда ею умывалась или сама выливали ее во двор, на плодовые деревья, на посеянный овес и т.п.

В избе в это время ее мужу предлагали разных ряженых, которые настойчиво выдавали себя за его молодую жену. Обычай этот превратился в увеселительную сцену, в которой участвовал и расхваливавший "мнимых невест" старейший свадьбы. Однако первоначально значение этих действий заключалось в отпугивании злых сил, стремившихся "сглазить" настоящую новобрачную. Молодой муж обязан был выкупить свою жену у женщин, участвовавших в обрядовом надевании чепца. Дружба приводил молодую к гостям, старейший приветствовал ее целой речью, а затем следовал танец, известный под разными названиями (vykrucanka, mladusky, braltovsky), который новобрачная начинала с дружбой, потом танцевала с мужем и продолжала его со всеми мужчинами - членами дружины и гостями.

Считается, что обязанность новобрачной танцевать свой первый танец с дружбой и всеми гостями-мужчинами свидетельствует о древнем праве на молодую жену всей свадебной дружины и рода [72]. Правда, во многих районах Словакии уже в XIX веке молодая начинала свой танец с мужем, а продолжала его не только с мужчинами, но и с женской половиной гостей. Танцевал со всеми женщинами и новобрачный. Каждый танцевавший бросал на тарелку деньги для музыкантов. После танца молодую снова окружали женщины, которые сопровождали ее на "вывод" (vadzka) в костел,

который был по существу формой магического очищения. В горных районах и в Восточной Словакии сохранялась архаичная форма очищения: молодожены после первой брачной ночи в присутствии свадебных гостей умывались в проточной воде[73].

Во второй половине дня дружба собирал деньги для молодой. Каждый гость должен был положить с добрыми пожеланиями определенную сумму денег, размеры которой зависели не только от достатка гостя, но и близости родственных связей. Снова подавалось угощение и выпивка, продолжались танцы и музыка.

Следующий день свадьбы был заполнен разными свадебными играми. Обрядовая часть свадьбы кончалась, продолжалась увеселительная ее часть, которая часто отличалась буйным характером. Спецификой этого периода свадебного праздника было множество эротических элементов, манифестация которых могла быть не только символической, но и прямой. Значительная часть таких действий граничила с бесстыдством, которое в обычное время было бы строго осуждено нормами обычного права локального коллектива. Свадебное веселье перестало быть семейным торжеством, в нем могли принять участие все желающие.

Самой известной игрой словацкой традиционной свадьбы была "казнь петуха". Основой ее был обряд жертвоприношения, древний смысл которого давно совершенно забыт. Игра эта имела много локальных вариантов, а одно из самых ранних известных нам описаний относится к 60-м годам XVIII в. Петуха торжественно приносили на двор и в присутствии свадебных гостей вершили над ним суд-пародию, обвиняя его в многочисленных грехах - неверности, любви ко всем курицам, посещении чужих дворов и пр. После того, как петух был осужден к смертной казни, исполнить приговор должен был молодой муж. Петуха привязывали длинной веревкой к деревянному колу, а новобрачный с завязанными глазами должен был убить его с помощью цепы. Свою попытку он мог повторить только трижды. Если петух оставался невредимым, то право ударить цепом переходило к молодой, а потом к гостям. Казненного петуха относили к кухарке, а затем отварного торжественно делили таким образом, чтобы каждому досталось по кусочку. Все те, кто пытался казнить петуха неудачно, платили штраф, а на вырученные деньги покупалась выпивка. В разных областях эта игра отличалась местной спецификой: "палачем" мог быть старейший свадьбы, дружба, а не только жених. Петуха могли

привязать к колу за ноги, чтобы он был неподвижен, или же посадить в глиняный горшок без дна, чтобы торчала одна голова. Казнить петуха могли не только цепом, но и деревянной саблей или палицей [74].

Последним подававшимся на свадьбе угощением была просяная подслащенная медом каша. Ее приносили кухарки с забинтованными (якобы обожженными при приготовлении каши) руками. Гости собирали им деньги "на болезнь", бросали монеты на тарелку. Кухарки часто произносили "винши" (поздравления), которые отличались остроумием и были чистой воды импровизацией. В южной Словакии (например, в поселке Церово) было много женщин, сочинявших такие тосты для "свадебной каши", в то время как остальные тосты и речи сохраняли традиционную форму и повторялись от свадьбы к свадьбе.

Последним заключительным актом свадебного ритуала была раздача огромного свадебного калача - "радостника". Его торжественно разрезал старейшина так, чтобы хватило каждой паре гостей.

В северной Словакии (Орава) перед делением калача совершали шуточный обряд его "крещения". Участники этой свадебной игры были ряженные священник, церковный служка и крестный отец, державший в руках запеленутый в виде новорожденного радостник. Начинался шуточный диалог священника и крестного, при этом ксендз задавал вопросы, а крестный прикидывался глухим и т.п. Наконец, крестного вместе с крестником-калачом обливали водой, то есть "крестили". В основе этой игры, вероятно, была магическая очистительная обрядовая функция, значение которой постепенно забылось [75]. Разделением "радостника" свадьба кончалась. Старейший благодарил хозяев за богатое угощение, а гостей за подарки и участие в празднике.

В ближайшее воскресенье обычай требовал, чтобы родители невестки навестили дочь в ее новом доме. А в следующее воскресенье невестка приглашала к своим родителям новых родственников - свекра со свекровью, сестер мужа и т.п. В этих послесвадебных обычаях словаков было много вариантов. Но связь с родительским домом у словацких женщин оставалась тесной и после замужества, а овдовевшие женщины с детьми часто возвращались в дом своего отца. В юго-западной Словакии целый год после замужества молодая свой сундук с одеждой хранила в доме родителей и каждое воскресенье ходила менять свой костюм [76].

Традиционная словацкая свадьба конца XIX в. различалась локальным разнообразием: специфичным мог быть порядок действий в свадебном церемониале, разнообразными игры и театрализованные представления, нередко заимствованные из праздников календарного цикла и т.п. В восточных и северных горных районах бытовали более архаичные формы обряда по сравнению с развитыми в экономическом и культурном отношении западными районами.

Очень важную роль играли материальные возможности отдельных семей, хотя и деревенская беднота стремилась выполнить свадебный ритуал как можно полнее. Разница в достатке сказывалась на продолжительности праздника, в свадебном угощении, числе гостей, величине свадебного поезда (и пешего). Значительно меньшей пышностью отличалась свадьба вдовцов и вдов, а одинокие матери во время свадьбы не имели права на выполнение некоторых обрядов - не носили венка, не надевали чепца, не ходили в костел для очищения. На структуре в принципе не сказывались конфессиональные различия, лишь свадьбы протестантского населения справлялись более пышно, а в речах старейших было больше, чем у католиков, цитат из Евангелия. Особый вариант свадебного ритуала совершался тогда, когда жених шел в примачи. В этом случае первая часть свадьбы после венчания отмечалась в доме родителей жениха, а только потом молодые были приняты в доме родителей невесты, где они намеревались жить дальше.

Свадебный обряд не оставался неизменным, инновации различного рода вносились в него постоянно, но не касались основной структуры. Изменения с большей интенсивностью проходили в западных и южных районах Словакии. Менялись последовательность свадебных действий, с усилением роли церковного обряда, сделавшегося органической составной частью традиционной свадьбы, молодожены все чаще после венчания отправлялись вместе с поезжанами в дом родителей жениха. Свадебный ритуал нередко сокращался, некоторые старинные обрядовые действия сливались. Например, совершавшиеся ранее в разные дни обряды снятия девичьего венца и надевания чепца молодой объединялись вместе после того, как исчез разделявший их обряд укладывания молодых в брачную постель. Характерно, что обряд надевания чепца у словаков очень долго сохранял свою важную символическую

функцию: он продолжал соблюдаться даже в тех районах, где переставали носить народную одежду, то есть чепец мог и не быть знаком замужней женщины. Древние магические действия теряли свой смысл и превращались в простое увеселение. Так, развлекательный характер приобрели обряды, связанные, например, с пережитками выкупа невесты или ее защиты от "дурного глаза": неоднократно молодежь перегораживала путь свадебному поезду, несколько раз жениху предлагались "мнимые невесты" и т.д.

Наблюдая традиционный свадебный обряд в развитии, большинство словацких ученых конца XIX-XX вв. предсказывали скорое его исчезновение. Однако процесс изменения свадебного ритуала не подтвердил этого предположения: он оказался гораздо более сложным, это был постоянный синтез старых традиционных элементов и инноваций. Свадьба - развивающаяся живая система, реагирующая на изменение условий жизни.

Социально-экономические преобразования послевоенных лет сказались на комплексе свадебной обрядности. Исчезла прежняя зависимость молодежи от родительской воли в выборе брачного партнера. Браки в основном заключаются не по расчету, а по взаимному влечению. Исчезает такая важная в прошлом составная часть предсвадебных обрядов как сговор, главным содержанием которого был договор о приданом. Сохраняется помолвка (обручение) во время которого родители жениха и невесты договариваются о праздновании свадьбы и связанных с нею расходах. Свадебное угощение (преимущественно в ресторане) оплачивают попрежнему родители невесты: этот обычай и сегодня символизирует прощание с родительским домом, несмотря на то, что молодая пара в большинстве случаев поселяется у родителей невесты. Однако теперь иногда (особенно в городах) расходы по свадьбе делят между собой поровну родители жениха и невесты.

Ослабление соседских связей локальной общности и социального контроля внутри нее привело к почти повсеместному исчезновению предсвадебных и послесвадебных обрядов не только в городе, сузилось число участников свадьбы, это теперь в основном родные и близкие знакомые молодоженов, в том числе сослуживцы, товарищи по военной службе из других областей страны.

В то же время по сравнению с периодом начала нашего века благосостояние словацкого села необычайно возросло, а вместе с этим и финансовые затраты на празднование свадьбы, вызванные часто престижными соображениями, достигли огромных размеров. В

городах преобладают свадьбы со средним числом гостей в 50-80 человек, в сельских местностях это среднее число гораздо выше. Продолжается сбор денег для молодоженов в самой различной, принятой традицией форме: "в колыбель", "в тарелку", "в венец", за танец с невестой в конце праздника. Суммы этих денег очень велики, особенно полученных от ближайшей родни. Гости кроме того приносят подарки, стоимость которых также высока: мебель, телевизор, холодильник, стиральная машина и т.д. Самые крупные подарки преподносят родители и крестные. В остальных случаях соблюдается эквивалент, и молодая пара может заранее предполагать, на какую сумму она получит подарки, подсчитав взаимные обязательства с приглашенными на свадьбу гостями.

В периодической печати, а также в этнографической литературе Словакии постоянно в последние десятилетия критиковались особо пышные и многолюдные свадьбы, связанные с демонстрацией материальных возможностей семьи. Несоразмерные расходы вынуждали родителей новобрачных нередко делать долги и выплачивать их долгие годы даже в тех случаях, если семьи их детей распадались. Однако особо торжественные свадьбы устраиваются по желанию старшего поколения, так как по традиционным представлениям богатое угощение и большое число гостей должны обеспечить счастье новой семье [77].

Общественный характер сельской свадьбы, в которой в самых разных формах принимали участие не только приглашенные, но и все местные жители, исчезает. Нет и четкого разделения половозрастного характера среди участников свадьбы: число дружины жениха и невесты возрастает, но молодежь приходит, рассаживается и веселится, четко разделяясь на сложившиеся уже пары. Обычаи, в которых молодежь выступала разделенными группами юношей и девушек, не соблюдаются. Городские элементы инноваций - чтение шуточных телеграмм-поздравлений, письменные приглашения - распространились и в сельской среде.

Родильные обряды. В числе семейных обычаев словаков конца XIX - начала XX века менее всего изучены обряды, связанные с рождением детей. Материалы на эту тему публиковались в народоведческих и региональных этнографических журналах того времени. Обычаи, сопровождающие рождение детей, воспринимались как будничные семейные события и привлекали меньше

внимания в отличие от обрядов свадебного цикла с их красочными праздничными атрибутами и театральностью. Поэтому описания связанных с рождением ребенка обычаев и обрядов конца XIX - начала XX вв. скудны и отрывисты, материал распределялся неравномерно по отдельным областям расселения словаков.

Основная часть материала конца XIX - начала XX вв. собрана любителями фольклора, уделявшими главное внимание магической стороне родильной обрядности, поверьям.

Среди этих описаний выделяются статьи нескольких ученых, сыгравших большую роль в деле становления словацкой этнографической науки, касающиеся многих социальных аспектов изучения родильной обрядности: Й.Кльвани, А.Кметя, Я.Мяртана[78].

После второй мировой войны этнографы Чехословакии опубликовали целый ряд статей по родильной обрядности отдельных регионов Словакии: особо нужно отметить статьи Э.Горватовой[79]. Отдельные разделы по обрядности, связанной с рождением детей, публиковались в первых обобщающих трудах 1960-70 гг., посвященных традиционной народной культуре словаков, и в отдельных региональных монографиях. Некоторые наиболее архаичные элементы современной родильной обрядности словаков отражены в картах Словацкого этнографического атласа [80].

К сожалению, до сих пор не существует ни одной специальной обобщающей работы о детском цикле традиционной семейной обрядности, где был бы систематизирован весь этнографический материал, собранный за последнее столетие.

Одна из главных функций семьи словаков служила естественной потребности продолжения рода. По народным представлениям только рождение ребенка у брачной пары означало создание настоящей семьи.

Патриархальный характер семейного уклада словаков сказывался в том, что самым желательным было рождение потомства мужского рода, хотя бы первенца - мальчика. Сын был работником, наследовал хозяйство и имя отца, связывавшее прошлое и будущее поколения семьи. Дочь же покидала родительский дом после замужества, а обязательная выплата ее приданого становилась бременем для семьи. Отношение к деторождению в разных областях, а также в различных социальных группах населения не было одинаковым. В среднем в словацких семьях в конце XIX - начале XX в. рождалось 4-5 детей, но нередки были семьи с 10-12 детьми. Сказывалось и влияние католической церкви, осуждающей

всякое лимитирование рождаемости. Верили, что число детей предопределено судьбой и Богом. Так, в районе Кисуц на севере Словакии встречались семьи с 11, 16, 19 детьми. Уровень рождаемости в Словакии во второй половине XIX в. был одним из самых высоких в Европе - коэффициент рождаемости был в 1881-1890 гг. 43,6, в 1891-1900 гг. - 41,2 [81].

Рождение внебрачных детей в словацкой деревне осуждалось. К добрым половым связям относились терпимо, но молодежь находилась под социальным контролем локальной общности. Особенно строгим был контроль за девушками. С женщиной, имевшей незаконнорожденного ребенка, запрещалось общаться ее незамужним сверстницам, в костеле она должна была стоять среди замужних женщин и носить чепец. Когда-то санкции применялись не только к "потерявшим честь" девушкам, но и к их неженатым партнерам. Так, по указу 1798 г. Спишского комитата (северная Словакия) парень, отказавшийся жениться на своей беременной подруге, призывался рекрутом на военную службу, продолжавшуюся 12 лет. Выбор в таком случае, как правило, был заранее предопределен.

Незаконнорожденные дети, не признанные отцом, оказывались в тяжелом положении, их пренебрежительно называли рапак (паняк - сын панны, то есть девушки). Забота о них была минимальной, а смертность в детском возрасте была выше средней.

Процент внебрачных детей в конце XIX в. не был большим, в среднем в Словакии он составлял 6%. Однако в городах он был значительно выше (до 25%), чем в деревнях. Внебрачные дети были обычным явлением у деревенской бедноты и городских рабочих, крестины здесь бывали раньше, чем свадьба [82].

Нормы обычного права требовали обязательного соблюдения родильных обычаев и обрядов, только таким способом, согласно народным представлениям, могло быть обеспечено здоровье и благополучие новорожденного и его матери, успешный и счастливый взрослый период будущей жизни ребенка.

Магические действия, целью которых было обеспечение благополучия и здоровья потомства, составляли неотделимую часть структуры свадебного обряда. Например, продуцирующее значение имело обсыпание молодых зерном, рисом, горохом, маком при отъезде из отчего дома невесты, при выходе из костела после

венчания, при вступлении невесты в дом родителей мужа. Пожелания потомства содержат тексты многих свадебных песен:

Когда тебе будут надевать чепец, посмотри на потолок,
Чтобы у твоих детей были черные глаза.
Когда тебе будут надевать чепец, посмотри на печь,
Чтобы первым родился мальчик.

(Липтовска Тепличка, северная Словакия) [83].

При приходе в дом жениха молодую сажали к печи, а на колени ей клали ребенка, чаще всего мальчика. В некоторых областях невесте вручали ребенка во время надевания чепца. В западной Словакии под постель, на которую ложились молодожены, клали топор, а в каждый из четырех углов - хлеб (Мийява). В северной Словакии в свадебную ночь втайне от молодых под матрац ставили таз с водой и смотрели, как ляжет на постель невеста: верили, что если она ляжет на таз, будет сын, а если рядом - дочь (Липтов). В средней Словакии венец невесты после обряда надевания чепца вкладывали в шляпу жениха, чтобы родился мальчик.

В тех областях, где господствовала традиция малодетных семей, стремились магическими средствами отсрочить появление первенца или ограничить число будущих детей. Например, в южной Словакии (Хртяны) перед тем, как пойти в костел на венчание, невесте давали только одну дольку чеснока, чтобы у нее был один ребенок. В Гонте, где преобладали однодетные семьи, невеста перед венчанием бросала в колодец замок. Применялось и другое магическое средство: закапывалось глубоко в землю снятое с рукояти топорище. Верили, что женщина останется бездетной, пока топор находится в земле, а запертый замок в колодце. В том же Гонте (Церово) невеста перед свадьбой поднималась по лестнице на столько ступенек, сколько лет она хотела оставаться бездетной. В Центральной Словакии (Теков) молодая при переезде в дом жениха прежде всего шла в сарай и набирала себе столько поленьев дров, сколько намеревалась нарожать детей. Очищенное от коры полено означало будущего сына, покрытое корой - дочь.

О поле будущего младенца судили, прежде всего, по внешнему виду беременной женщины. Конусообразной формы живот, пятна, воспаление и шелушение кожи на лице, опухшие губы предвещали появление дочери, якобы, отнимавшей красоту у матери; круглый

большой живот, чистая гладкая кожа - сына. Напротив, жители некоторых северных горных областей Словакии считали конусообразный живот матери приметой рождения мальчика (Жакаровце), а гладкую, чистую кожу ее лица - девочки (Горегронье). Если беременная женщина предпочитала сладкую мучную пищу, то должна была родиться девочка, а если кислые блюда и алкоголь - мальчик. Гадали и две беременные женщины: они тянули в разные стороны грудинную кость какой-либо птицы. Та, которая отломилась большую ее часть, должна была, по поверью, родить сына. В северной Словакии верили, что кривой формы или разделенный бороздой живот беременной женщины - признаки появления двойни. Рождение близнецов далеко не всегда приветствовалось не только потому, что они требовали двойных затрат и заботы, но в сельской местности нередко близнецы считались позором для семьи, как и все то, что являлось отклонением от обычного стереотипа и привлекало особое внимание [84].

Собственно родильный обрядовый комплекс состоял из трех циклов: беременность, роды и послеродовый период. Счастливым исход родов и здоровье будущего ребенка беременная женщина и ее ближайшие родственники стремились обеспечить путем соблюдения целого ряда запретов. В случае, если у ребенка был врожденный физический недостаток, причину искали в поведении его матери во время беременности. Большая часть правил поведения была вызвана представлениями о том, что все душевные переживания и впечатления матери прямо или косвенно отражаются на будущем ее ребенке. Особенно это касалось первой половины срока беременности, когда ребенок еще не шевелился, то есть не представлял собой самостоятельного существа.

Среди запретов, которые должна была соблюдать беременная женщина, было много правил рационального характера: не позволялось делать резких движений, поднимать тяжести, мыть ноги в горячей воде, пить много жидкости, в том числе и алкоголь.

Часть запретов носила иррациональный характер, была основана на представлениях симильной (имитативной) и контагиозной магии. Верили, что на младенца при особых обстоятельствах могут перейти определенные качества другого живого существа или неживого предмета по принципу подобия или посредством контакта с ними. Особенно много суеверных запретов сохранялось у словаков в горных районах, на севере и в центре их территории.

Верили, что ребенок мог родиться похожим на человека или животного, на которых мать неожиданно "загляделась", особенно считалось опасным встретиться с ним взглядом. Боялись столкнуться с калекми, экзотическими животными из цирка, с ряжеными в масках. Нежелательно было также встречаться взглядом с другой беременной женщиной, так как верили, что у одной из них ребенок мог заболеть. В северной Словакии (Горегронье) считали, что негативное влияние таких встреч можно смягчить, если вначале посмотреть на ноготь собственного пальца. В то же время общение с красивым человеком представлялось желательным, так как могло принести красоту и счастье младенцу. Для того, чтобы ребенок родился красивым, рекомендовалось умываться в проточной воде во время последнего полнолуния перед родами.

Беременной женщине категорически запрещалось жестокое обращение с животными: ответное наказание. якобы, сказывалось на ее будущем ребенке. Например, нельзя было оттолкнуть ногой собаку или кошку, так как ребенок мог умереть или родиться волосатым. Верили, что у утопившей котенка женщины ребенок должен был родиться слепым, у ударившей жабу - со сросшимися пальцами, выпученными глазами или другими характерными для жабы особенностями. Нельзя было убивать ласточку, змею. Во многих областях Словакии бытовало поверье о женщине, отрубившей мотыгой хвост у змеи и родившей младенца - калекку с культями вместо ног [85].

Беременной женщине не рекомендовали печь хлеб и дышать горячим паром, так как ребенок мог задохнуться. Ей запрещалось есть кислую пищу; плакать, чтобы ребенок не был плаксивым и злым; купаться, чтобы младенец не утонул. Не разрешалось удалять больной зуб: у ребенка появилась бы рана или "заячья губа", или зубы со щербинками. Беременная женщина ничего не могла брать в долг (особенно после захода солнца), чтобы ребенок не вырос вороватым.

Все эти запреты и суеверия были направлены на обеспечение здоровья и благополучия ребенка. Значительно меньшим было количество предписаний и запретов, обеспечивающих здоровье и благополучный исход родов будущей матери.

Беременная женщина (hruba, tarchava, v tiaz) благодаря своей исключительной роли (как и при любом другом состоянии перехода) считалась подверженной влиянию сверхъестественных сил. Ей запрещалось ходить на перекресток дорог, чтобы злые силы ей не

навредили. Нельзя было прислониться к горячей печи, перешагивать через дышло повозки, через изгородь, сидеть на пороге дома или на колоде, в которую был воткнут топор, а также прясть и шить. Нарушение этих запретов беременной, якобы, могло привести к трудным родам.

Рациональные и иррациональные запреты передавались из поколения в поколение и настолько были переплетены друг с другом, что трудно различить их первоначальное значение, тем более, что оно, как правило, давно забыто.

Женщины старались утаивать свою беременность и сроки приближавшихся родов. Для того, чтобы скрыть изменения в своей фигуре, они нередко туго обматывали себя мокрым полотенцем, что вредно сказывалось на здоровье новорожденного. В Западной Словакии (р-н Трнава) женщины еще в начале XX в. рожали в полной темноте, чтобы укрыться от злых духов и постороннего глаза. В некоторых словацких деревнях женщины, у которых умирали новорожденные дети, уходили рожать к соседям, имевшим здоровых детей.

До недавнего времени сохранялось представление о том, что беременная нечиста и может оказывать негативное влияние на окружающих. Этим объясняются попытки ее частичной изоляции и ограничение ее деятельности домашним хозяйством. Так, она не должна была без особой надобности выходить из дома, встреча с ней могла принести несчастье. Верили, что присутствие беременной женщины на танцах может спровоцировать драку; если она садилась на воз, то он мог опрокинуться, а лошадь пораниться. Напротив, в некоторых районах считали, что беременная женщина оказывает положительное влияние в отдельных случаях. Так, в Западной Словакии ее приглашали потоптать землю у корней молодых плодовых деревьев или угощали фруктами первого урожая, так как считали, что плодородная сила будущей матери будет перенесена на землю и деревья.

Крестьянки продолжали работать в поле и дома вплоть до наступления родов. Верили, что женщина, выполняющая тяжелую физическую работу, рождает легче, так как "не засиделась". Беременным рекомендовалось чаще мыть полы, жать хлеб косой и т.д. Следили, чтобы они не работали с поднятыми вверх руками или не ходили под висевшими веревками, так как боялись, что закрутится пуповина и задушит ребенка.

Следует отметить, что большинство рождений в крестьянских семьях приходилось на время перерыва в полевых работах, то есть от осени до ранней весны, а большинство свадеб по традиции праздновали в дни Масленицы.

Начиная с середины XVIII в. не только в городах, но и в селах Австрийской империи родовспоможением могли заниматься только повитухи, выдержавшие экзамен особой комиссии. Повитухи ряда словацких комитатов Венгерской части империи в начале XIX в. должны были, кроме того, дать присягу, обязывающую оказывать бесплатное родовспоможение женщинам из бедных семей [86]. Однако, во многих отдаленных, экономически отсталых деревнях горной Словакии еще в 20-х годах нашего века роды принимали "бабы", "бабицы" (baba, babica) без всякой специальной подготовки, обладавшие только большим жизненным опытом. Им помогали родственницы роженицы старшего поколения.

В тех областях, где присутствовали при родах акушерки-профессионалки, продолжало выполняться множество магических действий и обрядов, так как за этим следило все ближайшее окружение роженицы. О начавшихся родах должно было знать минимальное число людей. Роженице расплетали волосы, развязывали все узлы на одежде, в доме открывали все замки. Трудные роды старались облегчить, сажая женщину в горячую ванну или на бадью с горячей водой с добавлением листьев малины и т.д.

Нередко во время родов закрывали лицо полотенцем или фартуком, в Восточной Словакии сохранился, повидимому, более древний обычай, закрывать лицо роженицы частью ее свадебной одежды. "Баба" часто практиковала массаж живота, заставляла ходить вокруг стола, чтобы усилить родовые схватки.

До недавнего времени у словаков наблюдались следы обычаев кувады: верили, что присутствие мужа придает силы женщине и облегчает ход тяжелых родов. Муж держал жену на коленях, встряхивая ее до трех раз, выливал ей на живот воду из источника, набрав ее в рот. В некоторых деревнях роженицу накрывали какой-либо одеждой мужа [87]. Повитуха перерезала пуповину ребенка, завязывала ее узлом. По числу утолщений на пуповине при рождении первенца она угадывала, сколько эта женщина еще будет иметь детей. Пуповину в высушенном виде старательно хранили и давали ее развязать ребенку семилетнего возраста перед началом школьного обучения. Для того, чтобы вышел послед, роженице

давали пить подогретую домашнюю водку, заставляли дуть в бутылку, а если и этого было недостаточно - прикладывали на поясницу распаренное в воде сено; послед закапывали в землю.

В горной Словакии еще в начале XX-го века повитуха подносила новорожденного сразу же к окну (иногда на лопате) со словами: "Возьми его, возьми!" Это значило, что девочка должна как можно скорее покинуть дом, выйдя замуж, а мальчик - увидеть мир. Если ребенок родился с волосами на теле, верили, что будет счастливым, если ручки были зажаты в кулачки - будет скупым и т.д. "Баба" заворачивала ребенка в меховой тулуп, чтобы он был кудрявым, и укладывала его под стол, под печь, где он оставался до первого купания.

Первое купание ребенка имело не только гигиеническое значение, но и смысл магического очищения. По традиционным представлениям все действия, направленные на обеспечение желаемых способностей и улучшение внешнего вида ребенка, могли иметь результат только до первого его купания. В воду, предназначенную для купания, добавляли святую воду, клали множество различных предметов, которые должны были охранять ребенка всю жизнь: монеты, сахар, мед, кусок хлеба, иглу для девочек и др. После купания ребенка натирали маслом или гусиным салом, чтобы он согрелся, туго пеленали, заворачивали в перину и передавали матери. Воду от первого купания кто-либо из членов семьи выливал на дворе, чаще всего под растущее дерево. Повитуха за первое купание получала особую денежную сумму [88].

После того, как мать и ребенок были уложены в постель, звали отца и передавали ему в руки младенца, отец первым его целовал и тем самым принимал в члены семьи. Когда-то этот акт не был простой формальностью, а имел, повидимому, и практическое значение. В отдельных деревнях северной горной Словакии, например, отца при передаче ему ребенка спрашивали: "Нравится тебе или нет?" В том случае, если отец ждал сына, а родилась дочь, он мог ответить: "Это ко мне на двор вскочил волк!" (поселок Жакаровце).

Словацкая женщина по традиции рожала в избе. После родов она вместе с ребенком вплоть до первого посещения костела находилась в тщательно отделенном углу избы на постели, закрытой пологом - полотнищем - кутной плахтой (*kutna plachta*). Плахты, украшенные вышитым орнаментом, имевшим магический смысл (вплоть до изображения дракона), представляли собой настоящее

произведение искусства. Угол, где стояла постель, кропили освященной в церкви водой, натирали чесноком, известным апотропеем. Плахта, закрывавшая постель, крепилась жердью на потолке, на месте крепления жерди должны были торчать железные "вилки" (vilky), также охранявшие мать и ребенка. Долгое время сохранялось в словацких деревнях представление, что злые духи - богини (bohynky) и ведьмы (strigy) способны выманить молодую мать из дома и убить ее ребенка или подменить его на своего, который никогда не научится ни ходить, ни говорить.

Считалось, что роженица, живущая с ребенком в изоляции в течении шести недель (kutnica, sestinedel'ka - кутница, шестинеделька), в магическом смысле не только подвергалась особой опасности со стороны злых сил, но и сама была потенциальной угрозой для окружающих. Поэтому она не выходила даже во двор, не работала в доме по хозяйству, не доила коров, не готовила пищу, не разводила огонь. Мать не участвовала и в крещении своего ребенка, не сидела за праздничным столом со всей семьей. Правда, этот период до "вывода" в костел в сопровождении "бабы"-повитухи к началу XX-го века сильно сократился (до 3-х недель), так как с распадом сложных семей женщина не могла надеяться на помощь родственниц в хозяйстве столь продолжительное время. В горных областях средней Словакии еще в 20-х гг. XX века практиковался домашний обряд магического очищения роженицы: она переступала через горящие угли и воду или ходила вокруг стола с ребенком на руках. Только после этого она отправлялась в костел для церковного очищения. В обряде церковного очищения отказывали матери незаконнорожденного ребенка, она оставалась "нечистой", верили, что встреча с ней приносит несчастье.

Множество разных запретов и обрядовых действий касалось непосредственно новорожденного. Как только ребенок появлялся на свет, его тщательно рассматривали, выискивая различные знаки, которые по народным приметам могли предопределить его характер и будущую судьбу. Младенец, родившийся с обрывком пленки на голове (то есть в чепце, в рубашке), считался счастливым. Пленку сушили, растянув на дне молочного кувшина, а потом старательно прятали. В день крестин, первого посещения школы, ребенок носил эту пленку с собой. Нужно было только внимательно следить, чтобы ее никто не украл, так как в таком случае он отобрал бы и его счастье. Младенец, появившийся на свет с зубом по народным представлениям мог стать умным и ясновидцем.

Волосы на теле ребенка предвещали богатство, длинные же волосы на голове предвещали его скорую смерть. Особо выдающимися способностями должен был обладать седьмой по счету сын. Если руки малыша были зажаты в кулачки, считали, что он вырастет скупым.

В горной Словакии малыша сразу же густо смазывали гусиным салом, чтобы он не боялся холода. Девочке мазали губы медом, чтобы была доброй. Пятна на теле ребенка словаки натирали плацентой, щеки гладили яйцом, чтобы лицо было круглым и красивым. Ребенка заворачивали в пеленку (или старое тряпье) и меховой тулуп и укладывали его под стол. Этот древний обычай, который относят к римскому времени, сохранялся во многих районах Словакии до недавнего времени. Считается, что отец поднимал ребенка с пола, где он лежал под охраной стола - символа семьи, и таким образом, совершал акт приема младенца в семью. Встречается и другое объяснение этого древнего обычая: новорожденного клали на землю (пол был когда-то земляным) для того, чтобы он набрался жизненной силы. Старое значение этого обычая совершенно забыто: в конце XIX в. его объясняли тем, что новорожденный мальчик должен стать храбрым, а девочка не быть гордой.

Очень важным для предсказания судьбы считалось время рождения ребенка. Появившийся на свет в пятницу или в 12 часов (в полдень или полночь) младенец должен был, как верили, стать несчастным. Счастливыми днями недели было воскресенье и суббота. Самым счастливым днем рождения было Рождество (Щедрый день). Несчастливым месяцем словаки считали апрель. Продолжительность жизни новорожденного зависела от фазы луны, при которой он родился, то есть прибывающей или убывающей [89].

В первый же день после появления новорожденного посредством "бабы"-повитухи приглашались крестные. Часто одни и те же крестные приглашались ко всем детям семьи. Меняли крестных только в двух случаях: если дети - крестники умирали один за другим, а также если крестная была беременна. Крестная в случае согласия в тот же день принимала на себя заботу о крестнике и его матери: она приносила еду роженице и продолжала ее кормить вплоть до крестин младенца. Это была обрядовая еда: курица с лапшой, сладкий вареный рис, яйца, различные крупяные каши. Сладкие калачи для роженицы приносили все родственники и

ближайшие соседи, что значило принятие ребенка в соседский коллектив.

Крещение происходило в костеле, где присутствовали крестная с ребенком, крестный отец и повитуха. Вернувшись из костела, крестная передавала младенца отцу со словами: "Принесла вам христианина. Есть ли у ребенка отец?" Отец брал ребенка на руки, как бы принимая его в члены семьи, и относил его за плахту к матери.

В тот же день праздновали крестины, куда приглашали всех родственников. Почти все угощения готовила крестная и гости. За столом их обслуживала "баба", для которой все гости собирали денежный подарок.

Обряд очищения означал конец изоляции роженицы, избавление от имевших, якобы, над нею власть "злых сил" и возобновление нормальной жизни в семье и соседском коллективе.

По возвращении из костела убрали занавес, отделявший женщину-мать от остальных членов семьи. Снова приглашали гостей и устраивали торжественную трапезу в честь очищения, на которую когда-то приглашались только замужние женщины, посещавшие роженицу в первые дни после родов. В начале XX века нередко крещение ребенка и очищение в костеле происходили одновременно, поэтому и праздновали оба церковных обряда вместе.

В 1950-х гг. в Чехословакии вышло постановление, запрещающее роды вне медицинского учреждения. Это привело к быстрому исчезновению обрядов, связанных с собственно родами. Главный акцент в современных родильных обычаях переместился на крестины. В настоящее время это единственное семейное торжество, которое отмечается в домашней обстановке. И здесь с ростом материального уровня населения наибольшее значение придается престижной стороне праздника: чрезмерно расширился круг гостей, преподносят очень дорогие подарки и т.п.

Похоронные обычаи. Изучение традиционных словацких обычаев и обрядов, сопровождающих смерть человека и его погребение, находится еще в начальной стадии. Не существует ни одной сводной работы о погребальной обрядности словаков, обобщающей все разрозненные сведения архивных источников и статей разных авторов конца XIX -XX вв. Это в основном описания конкретных

обычаев в отдельных деревнях, исключение среди них составляют статьи Р.Беднарика, Э.Горватовой и Л.Хорватовой [90], содержащие анализ специфики и функций похоронного цикла обрядности словаков, причины его эволюции.

По сравнению с двумя другими главными комплексами семейной обрядности - родильными обрядами и свадьбой - традиционный похоронный цикл в рассматриваемый период бытовал в редуцированном, сокращенном виде. Значительная часть ритуальных действий к этому времени исчезала под влиянием запретов католической церкви, строго регламентировавших обрядность, связанную со смертью и погребением. В то же время в отдельных областях Словакии (север средней ее части, а также юг с протестантским населением) сохранялся гораздо более полный цикл погребально-поминальной обрядности с многочисленными магическими элементами дохристианского происхождения, которые еще помнит самое старшее поколение.

В словацких крестьянских семьях к смерти относились как к естественной необходимости, в особенности для людей старшего возраста. Об этом прямо говорит известная словацкая пословица: "Молодой может, старый должен". И сейчас сельские жительницы после достижения 50-ти лет постепенно готовят для своих мужей и для себя "смертную одежду".

Обязательного исполнения похоронного ритуала требовало само мировоззрение словацкого крестьянина с его верой в загробную жизнь и культом мертвых, главным содержанием которого было почитание умерших, а также страх перед возможностью их негативного воздействия на живых людей.

До сих пор чрезвычайно стойко остается вера в магические предзнаменования близкой смерти. Согласно традиционным представлениям, предвестниками смерти могли быть вой собаки, кукареканье курицы, свежевырытая кротом яма у порога дома, крик совы. Скорая смерть грозила тому, кто срубил здоровое фруктовое дерево, убил крота, вскрикнул, увидев падающую звезду, первым переночевал в новом доме и т.д. Верили, что покойник может показаться умирающему близкому родственнику, чтобы через несколько часов увести его с собой в другой мир. В доме могла появиться и сама смерть (или злой дух): ее представляли себе в виде старухи, одетой в белый полотняный наряд, а также в подобии необычайной величины белых гусыни или кошки. Смерть также

предвещали остановившиеся часы, падающие без причины предметы со стены (картины, солонки), удары в стену или в потолочную балку, в крышу, которые ничем нельзя было объяснить. До сих пор сохраняется вера в вещие сны: быструю смерть предвещали белый конь, свежая и мутная вода, постройка или побелка нового дома, выпавший зуб. Знания о символике снов распространялись не только устно, но и многочисленными популярными изданиями - сонниками, продававшимися на каждой ярмарке [91].

Цикл похоронной обрядности чаще всего делят на три комплекса: первый из них объединяет действия, связанные со смертью и подготовкой умершего к захоронению; второй - с собственно погребением, третий содержит поминальные обряды.

Вплоть до 1940-х гг. в словацкой деревне практиковались многие магические действия с целью отдалить наступление смертного часа. В этом отражалось представление о смерти как о сверхъестественном существе, которое можно отпугнуть, поставив ложе умирающего перпендикулярно потолочной балке, образуя крест; заткнув замочную скважину тряпицей, не давая возможность заглянуть внутрь помещения. Смерть пытались и умилостивить с помощью жертвоприношения - черного петуха, кровь из гребешка которого давали выпить умирающему.

Гораздо шире практиковали самые разнообразные способы приближения смерти. Верили, что смерть может облегчить горящая свеча - "громничка", освященная в день календарного праздника Громнице (2 февраля). Умирающий должен был лежать лицом к окну параллельно потолочной балке, чтобы смерть его сразу увидела. Умирающего укладывали на земляной пол, подложив под него солому, так как считалось, что таким образом нужно вернуть земле его жизненные силы. Нередко смертное ложе ставили в почетном переднем углу избы. Долгая тяжелая агония считалась наказанием для грешников, а также колдунов, принесших много вреда людям.

Приглашался священник для исповеди и покаяния. Умирающему тихим голосом читали молитвы, кропили освященной водой. Сверху его покрывали свадебным полотенцем или специальным покрывалом - плахтой. Строго следили за тем, чтобы никто громко не плакал, не звал умирающего по имени, так как это могло его отвлечь и затруднить скорую кончину. Все перечисленные религиозно-магические приемы имели очистительное содержание, их целью было уберечь умирающего от влияния злых сверхъесте-

ственных сил, особо активизирующихся, согласно народным представлениям, на каждом переходном рубеже жизни человека.

О наступлении смерти оповещали громкие крики и рыдания близких родственников. В доме останавливали часы - символ окончания жизни, занавешивали зеркало, чтобы покойник не увидел в нем себя и не пожелал вернуться. Ему закрывали глаза и подвязывали челюсть. Открывали окна, чтобы не препятствовать отлету души. В северной Словакии, на Горегронье, окна, наоборот, плотно закрывали, чтобы до похорон не улетела душа и не сделалась блудной.

В горных районах Словакии существовало поверье, что скот может уйти вслед за умершим хозяином в другой мир, поэтому ближайшие родственники сразу после его смерти шли в хлев и три раза громко повторяли, что хозяин не умер, а только спит. Существовал и обряд символического выкупа за имущество умирающему старому хозяину: в гроб ему клали монету или половину монеты, разрубленную тут же топором.

Важной составной частью погребального комплекса была подготовка покойника к погребению. Его обмывали и причесывали. Гребень, бритву, мыло, полотенце и все остальные употребляемые при этом предметы считались опасными для окружающих: их закапывали в отдаленном месте или каким-либо другим способом уничтожали. Сжигали солому, на которой покойник лежал. Воду после обряда обмывания выливали в укромном месте, где не ходили ни люди, ни скот. Обмыванию водой придавался не только гигиенический, но и магическо-очистительный смысл. После обмывания покойника обряжали в приготовленную заранее смертную одежду белого цвета. На молодых умерших женщин и мужчин надевали праздничную одежду, предназначенную для посещения костела. Девушек и холостых юношей обряжали в свадебную одежду. Католическая церковь и власти отдельных комитатов постоянно повторяющимися вплоть до конца XVIII века постановлениями запрещали близким родственникам самим подготавливать покойников к обряду захоронения. Этим занимались женщины-профессионалки за особое вознаграждение - "смертные бабы" (smrtna baba) [92].

Одетого покойника укладывали на доски, покрытые покрывалом, ногами к входной двери. Веки ему прижимали монетами, чтобы глаза были плотно закрыты. Считалось, что приоткрывая один глаз,

покойник ищет кого-либо из близких, чтобы взять его с собой. Чтобы избежать этого, встретивший взгляд покойника должен был сжать ему палец на ноге. Вокруг зажигали свечи, горевшие круглые сутки, позднее стали зажигать электричество. И сейчас электрический свет в дневное время служит знаком того, что в доме лежит покойник. Звонарь начинал звонить в колокол, оповещая о новоумершем. Теперь извещение о смерти передается по местному радио, вывешивается черное полотнище материи у входа в дом или ставится на доме крест.

Близкие умершего в знак скорби вплоть до похорон ходили в старой, поношенной будничной одежде, выполняя только самые необходимые работы по дому. Нельзя было варить пищу, мести пол и т.д. Всю семью покойника до похорон кормили соседи. Вечером родственники и соседи (в основном женщины) приходили попрощаться с умершим и помолиться. Женщина из числа ближайших родственниц (мать, жена, сестра) причитала над покойником. Речитативом, в стихотворной форме она вспоминала о добрых качествах покойного, перечисляла все подробности его жизни и кончины, выражая свое горе громким плачем. В южных районах Словакии (Гонт, Гемер, Новоград) чаще всего нанимали плакальщиц-профессионалок. Эти женщины, так называемые плачки (placki) славились своим умением импровизировать, они заранее готовились к обряду и обслуживали по несколько окрестных деревень [93].

Оплакивание как часть похоронно-поминального ритуала не было словацкой спецификой. На территории Словакии уже с XVI века оно было запрещено как проявление язычества. Запреты эти еще чаще повторялись в XVIII в. Несмотря на это оплакивание - "нарекани" (narekani) в отдаленных районах Словакии долго не прекращалось, а на Горегронье сохранились до настоящего времени, хотя и в упрощенном варианте.

В других регионах Словакии, особенно на западе и юге, женщин-плачек в XIX веке сменили церковные певчие - канторы. Они пели похоронные песни - "розлучки" (rozlucky), сочиняя собственные тексты на мелодии хорошо известных церковных песен, где они прощались от имени усопшего с родственниками, друзьями и соседями, добавляя разные сюжеты из Библии. Протестантские священники читали над гробом похоронные вирши - одоберки (odobierki) аналогичного содержания. В конце XIX века в рукописях и

дешевых изданиях были широко распространены сборники похоронных речей, авторами которых были часто духовные лица. Эти похоронные речи были быстро восприняты в народной среде и исполнялись в местных вариантах и без участия духовенства.

Религиозно-магические действия сопровождали и укладывание покойника в гроб - труглу (truhla). Все они явно свидетельствовали о вере в загробную жизнь как продолжении земной жизни и представлении о том, что умерший может вернуться, если его не похоронить соответственно обычаю и не снабдить всем необходимым. Дно гроба покрывали стружками, католики приглашали священника окропить гроб "святой" водой и окуривать тимьяном. Протестанты в Гонте рисовали на дне и крышке гроба крест чесноком.

Чеснок вкладывали иногда и в рот умершему, посыпали его солью. На дно гроба стелили большую простыню - плахту. Покойника укладывали в гроб, положив ему под голову набитую соломой подушку, развязывали все узлы. В горной Словакии в каждый из углов гроба клали куски хлеба в качестве того же оберега или же дара. Возвращению умершего должны были препятствовать положенные в гроб вещи, которые он чаще всего употреблял: мужчинам клали трубки, табак, бутылъ водки, очки; женщинам - иглу, веретено; детям - любимые игрушки.

Похороны происходили на третий день. Гроб выносили на двор или гумно узкой стороной вперед. У входной двери его немного опускали и ударяли им три раза о порог, что означало прощение с родным домом. Родственники и соседи собирались у гроба, чтобы проводить умершего в последний путь. Читал похоронные речи и кантор, прощаясь от имени умершего со всеми присутствующими. Наконец, крышку гроба закрывали и прибивали гвоздями. В южных районах (Гонт), где соблюдался принцип однодетности в семье, крышку детского гроба с ребенком-первенцем не забивали, а только завязывали тесьмой. Если же мать ребенка в будущем не хотела иметь детей, она должна была замкнуть замок над головой умершего ребенка и положить его в гроб.

Погребальное шествие направлялось в костел на траурную панихиду. Процессию возглавлял обычно священник, гроб несли мужчины - дальние родственники умершего, ближайшая родня шла сзади, а за ней соседи, а в конце дети и простые зрители. Только при похоронах холостой молодежи этот порядок нарушался. При

похоронах юноши впереди процессии шли девушки - "дружки" с "пером" - свадебным символом жениха, при похоронах девушки впереди шли юноши с венком невесты, когда-то и гроб умершего юноши несли девушки. В Новограде и в западных областях Словакии за гробом несли большой хлеб, один кусок которого бросали на гроб при погребении, а остальные делили между родственниками, гробовщиком и нищими. В северной Словакии пекли специальные мелкие булочки и раздавали их перед костелом детям и нищим.

После окончания обряда захоронения родственники покойного устраивали поминки в своем доме или в корчме - кар (kar), погребины (rohrebiny). Перед приходом гостей одна из женщин - соседок производила полную уборку - "очищение" помещения, в котором только что находился покойник. Она старательно мыла пол, стены и мебель водой, а затем окуривала все углы горящими угольями, разводила огонь в печи, открывала зеркало, заводила часы. Гости перед входом в дом тщательно мыли руки [94].

Поминальное угощение еще недавно бывало скромным, его готовили в доме соседей: это был хлеб, рисовая каша, водка. Только поминки по холостой молодежи отмечались как "посмертная свадьба" с обильной трапезой, бурным весельем, танцами и играми. Но, начиная с середины XX века ассортимент блюд на поминках расширился и перестал отличаться от угощения во время свадебного пира и по числу участников. В некоторых регионах и на поминках появился "старейший", как правило, не связанный родством с хозяином дома. Он приветствовал гостей, угощал их, следил за порядком подачи блюд, произносил прощальное слово в память усопшего. Воду, в которой мыли посуду после поминок, а также остатки угощения не давали даже свиньям, а обязательно выбрасывали.

После поминок на столе для покойника оставляли хлеб и водку, так как до сих пор существует поверье, что он возвращается в первую ночь домой, чтобы поблагодарить за похороны.

Следующим поминальным днем считалась годовщина смерти, ее отмечали службой в костеле и угощением.

С 1950-х гг. стали распространяться гражданские похороны и в словацкой деревне. Активизировалась деятельность Комиссии Гражданских актов при национальных комитетах (КГА), регламентировавшая все действия, связанные с гражданским погре-

бальным обрядом. Кульминацией этого ритуала было прощание с гробом усопшего в траурном зале дома культуры или в доме траура. Поминки с обильным угощением устраивались в ресторане, сюда приглашают не только родных и соседей, но и сослуживцев покойного.

Днями общего поминовения усопших остаются первое и второе ноября, то есть День всех святых (Vsechvatych) и Душички (Dusicky). На эти даты были перенесены и некоторые элементы традиционной обрядности. Например, на Ораве и в Липтове в ночь с первого на второе ноября существовал обычай оставлять часть ужина для мертвых или же ставить для них на стол хлеб, масло, воду или какой-либо другой напиток. На большей же части территории обычай этот сохранялся в виде раздачи мелких булочек - душе (duse) с просьбой помолиться за души умерших. 1-е ноября - официальный праздник, нерабочий день (День поминовения), когда происходит массовое посещение кладбищ, зажигание огней на могилах, приношение венков и цветов стало новой традицией, утвердившейся в XX веке.

5. Этнографическое районирование Словакии

Приведенный анализ разных сторон традиционной народной культуры словаков середины XIX - начала XX вв. позволяет сделать выводы об этнографическом районировании Словакии. В задачу этнографической науки входит не только вещеведческая фиксация отдельных компонентов материальной и описания духовной культуры, но и выявление границ распространения целых ареалов культурных комплексов, соотношения их с другими явлениями культуры (лингвистическими, например). Обобщение полученных результатов важно для решения проблем этногенеза и этнической истории.

Ясно, что ни один из отдельных признаков материальной или духовной культуры не годится для этнографического районирования. Однако, сопоставляя границы распространения каждого варианта данной отрасли культуры с ареалами локальных разновидностей других признаков, можно выявить взаимосвязанные региональные комплексы различного типа, то есть культурные общности (в данном случае общность понимается как единство, целостность). В диах-

ронном плане они представляют собой исторически сложившиеся целое, поэтому их принято называть историко-культурными [95].

Особой разновидностью историко-культурных общностей принято считать так называемые этнографические общности. Основным их критерием является отсутствие самосознания: этнографическая общность может быть определена лишь путем научного исследования и не осознается принадлежащим к ней населением.

Этнографические общности, также как и этнические, составляют сложную иерархию, как в таксономическом, так и в пространственном плане. Историко-этнографическая общность обычно объединяет несколько этносов, этнографическая группа представляет собой внутреннее (локальное) подразделение этноса [96]. В пространственном отношении историко-этнографическая общность может быть частью провинции, а также делиться на подобласти, регионы, а в конечном счете на этнографические группы.

Определение историко-этнографической области впервые было сформулировано М.Г.Левиным и Н.Н.Чебоксаровым: Это "части эйкумены, у населения которой в силу общности социально-экономического развития, длительных связей и взаимного влияния складываются культурно-бытовые (этнографические) особенности"[97]. Историко-этнографические общности обычно формируются длительное время, их культурно-бытовые особенности сохраняются у нескольких поколений. Структура таких общностей отличается многослойностью, а границы - подвижностью.

Историко-этнографические области могут выделяться не только культурным комплексом, структурообразующую роль в формировании историко-культурной границы нередко играет отдельный компонент культуры, но влияющий и на многие другие сферы. Это может быть тип хозяйства, религия и т.д.

До сих пор еще остаются спорными критерии разграничения историко-культурных общностей разного уровня даже на одном хронологическом этапе. Вне зависимости от происхождения все они изменчивы во времени. Изменения эти нередко приобретают и качественный характер. Так, потеря локального самосознания приводит к превращению субэтнической группы в этнографическую, метаэтническая общность в результате распада государственных границ постепенно становится историко-этнографической областью (такого происхождения метаэтническую общность можно определить

в границах прежней Австро-Венгрии, а ранее, по-видимому, Великой Моравии).

Для этнографического районирования Словакии очень важно введение в научный оборот материалов Этнографического атласа Словакии [98]. На основе серьезного анализа большого материала, касающегося всех сторон традиционной культуры, были выделены историко-культурные комплексы, характерные для периода середины XIX - начала XX вв. Словакия с точки зрения культурных ареалов расчленяется всего на две части - северную горную и южную низменную. Эти области, по-видимому, можно считать самыми древними, этногенетическими по происхождению. Словацкие археологи считают, что культурная граница между северной и южной частью словацкой территории существовала уже в глубокой древности [99]. Границы этих ареалов выходят за пределы Словакии, решающее значение для их формирования имела зональная географическая дифференциация, определившая хозяйственно-культурную специфику горных и низменных районов расселения народа.

Северная зона продолжается за границами Словакии и объединяет территорию Карпатских гор и прилегающих к ним областей: северо-восточную Моравию, южную Польшу, западную Украину, северную и восточную Румынию. В формировании культурной специфики этой области важную роль сыграло отгонно-пастушеское скотоводство (овцеводство) генетически связанное с так называемой "колонизацией на валашском праве", охватившей весь регион в период XV-XVII вв. Несмотря на то, что во второй половине XIX в. отгонное скотоводство перестало иметь здесь решающее значение, сохранились многие другие факторы, влияющие на общность культуры карпатских горцев (сходные суровые климатические условия, занятие малопродуктивным горным земледелием, лесозаготовками, отходничеством и др.). Характерная для Словацких Карпат изоляция и сравнительно замедленное экономическое развитие объясняли сохранение почти до наших дней архаичных форм во многих сторонах материальной и духовной культуры населения (примитивные срубные жилища с курными избами или холодными сенями с печью и очагом в избе, домотканая одежда; неразделенная сложная семья, пережитки магических культов в семейной и календарной обрядности, примитивные орудия земледелия и др.)

В то же время в горной северной части средней Словакии выделялась передовая историко-этнографическая область горно-рудных разработок с рядом промышленных, торговых и культурных центров, где с XIII века наблюдался прилив немецких колонистов, а позднее словацкого и венгерского населения из близлежащих поселений - Баньска Бистрица, Баньска Штявница и др. Здесь сказывалось сильное влияние городской культуры, легко усваивались инновации в традиционном быту сельского населения: проникновение новых строительных материалов и строительной техники в народную архитектуру, изменения в бытовом использовании жилой связи дома, фабричные материалы в традиционной одежде, преобладание увеселительных моментов в обрядах и обычаях и т.п. Сказывалось и влияние лютеранства с богослужением на родном языке, сетью приходских школ, типографий.

За пределы Словакии распространялась и равнинная южная зона Подунавья, охватившая юго-восточную Моравию, восточную Австрию, западную Румынию и т.п. Здесь с давних времен существовала густая сеть славянских поселений, проходили важные торговые пути - проводники культурных влияний из южной и западной Европы. В XVI-XVII вв. эти районы находились под властью османских завоевателей, что, возможно, объясняет наличие некоторых архаизмов в культуре населения (например, в похоронной обрядности).

Удобное географическое положение, благоприятные климатические условия, плодородная почва способствовали подъему экономики этого региона. Природные условия определили специфику материальной культуры его жителей: преобладали глинобитные и саманные постройки, соломенные крыши, легкие материалы (преимущественно фабричные) в традиционной одежде, гончарные изделия. Густая сеть мелких городов - местечек, а также крупных городов (Братислава, Трнава, Кошице) способствовала быстрой урбанизации сельского быта, что сказалось и на контаминации форм сельской и городской одежды, так называемый полутрадиционный костюм бытует и в настоящее время.

Для словацкого населения южной Словакии характерны тесные контакты с венграми: в смешанных районах сельские жители Словакии и венгры различаются лишь по языку.

Разделение Словакии на западную и восточную историко-культурные области связано с особенностями этнокультурной истории страны. Словацкие ученые объясняют различия между западом и востоком - зонами влияния двух христианских церквей - греко-католической восточной религии с ориентацией на Трансильванию и Византию, распространенной у восточнославянского населения Словакии (русинов и украинцев, но отчасти и у словаков), и римско-католической западной, где господствовало австрийское влияние.

Западная часть Словакии была открыта в западном направлении: культурные связи с Австрией и экономически более всего развитыми чешскими областями монархии были очень сильны. Густая сеть коммуникаций, повсеместная электрификация, близость крупных городов (Бритиславы, Вены, Комарно, Трнавы) способствовали более быстрой, чем в других регионах Словакии урбанизации села: традиционный костюм был заменен на городской, распространилась мебель фабричного производства, изменилось ее традиционное размещение в доме; в семье трансформировались правовые нормы регулирования отношений между поколениями, получила преобладание простая семья, семейная обрядность приобрела ранее, чем в других районах, упрощенные формы, но возросла их репрезентативная, престижная функция. В то же время в северных горных поселениях сохранялся архаичный комплекс женской одежды (Чичманы), правда, уже искусственно культивируемый, старые традиции патриархальной сложной семьи, многие элементы религиозно-магической обрядности.

На процесс формирования восточнословацкой культурной области решающее влияние оказала специфика ее социально экономического и исторического развития.

Различия в народной культуре западной и восточной части Словакии особенно ярко проявились в XIX веке с развитием капиталистических отношений и подъемом промышленного производства, сконцентрированного в западной и средней Словакии. Процветавшие в прошлом города в восточной ее части - Кошице, Бардейов, Прешов, Сабинов - важные экономические и культурные центры - пришли в упадок. Отсутствие промышленности, безземелье, перенаселение деревни привели к массовой эмиграции населения за границу, более всего в Америку. Влиянием эмигрантов, поддерживавших самые тесные связи с родными местами, можно объяснить многие инновации в быту крестьянского населения во-

сточных комитатов, следствием которых было исчезновение традиционных форм народной культуры в южных областях, в северных же горных районах сохранились наиболее архаичные ее элементы.

Политика выравнивания экономического и культурного уровня отдельных регионов Чехословакии, проводившаяся правительством после II-й мировой войны, быстрое промышленное развитие восточной Словакии и урбанизация привела к исчезновению старых историко-культурных областей, связанных с традиционной народной культурой. Сохраняются различия в бытовой культуре горных и равнинных поселений, но и здесь культурные взаимодействия становятся все более интенсивными.

* * *

1. Slovensko 3. L'ud I cast'. S.352-353, 417 (tabl.125).
2. Slovensko. I. Dejiny. S.610.
3. Slovensko 3. L'ud I. cast'. S.353; Slovenska vlastiveda III. S.242-243. Br. 1944.
4. Urbancova V. Pocatky slovenskej etnografie. Brat. 1980; idem. Slovenska etnografia v 19.storoci. Vyvoj nazorov na slovensky l'ud. Matica Slovenska, 1987.
5. Ribay I. Proiectum Instituti seu societatis behemoslavica inter Slavos in Hungaria 1793. In: Mecik F., Jiri Ribay. Kapitoly z dejin literarnich. Vieden 1882. S.49-54; Urbancova V. Slovenska etnografia... 57-58.
6. Korabinsky M. Geographisch-historisches und Producten Lexicon von Ungarn. Br. 1786.
7. Szirmay A. Notitia topographia, politica incltyi comitatus Zempleniensis. Buda 1805; Bartholomeides L. Incltyi superioris Ungariae comitatus Gomoriensis Notitia historico-geographico-statistica. Levoca 1806-1808; G.Gyurikovics. Notitia historico-geographica comitatus Arvensis. 1812-14. Рукопись. Словацкий перевод в кн: Urbancova V. Pocatky Slovenskej etnografie. C.II.
8. Csaplovics I. Slowaken in Ungarn // Hesperus 1818 c. 49, 55, 57, 59; 1820 c. 21, 22, 23; idem. Gemalde von Ungarn B.I, II. Pest. 1829; idem. Aufforderung auf Ungarns Gelehrte // Hesperus 1818.
9. Dobsinsky P. Prostonarodne obycaje, povery a hry slovenske. Turc. sv. Martin 1880 (переиздана в 1966 г.).

10. Sochan P. Otazka etnografie Slovenska, Narodny noviny 1891 c.47 (далее NN); idem. Slovensky kroj. NN. 1886. C.54; Sasinek F.V. Dejepis odevu NN. 1887 c.115. 116; idem. O tych vysivkach NN 1887, 45.
11. Medvecký K. Detva, Detva 1905; Bodnar I. Myjava. Myjava 1911;
12. Holuby Y.L. Narodopiske prace. Переиздано в 1958. Братислава; Krpelec B. Bardejov, Bardejov 1935; Greb I. Lipser Volkskunde (без года).
13. Nemcova B. Narodopisni a cestopisni obrazy ze Slovenska. Pr. 1955; Koula I. O Kroji lidu slovenskeho 1891-92 Pr.; Chotek K. Cerovo. Narodopisny Vestnik ceskoslovansky (далее NVC) 1906; idem. Nekolik poznamek k narodopisu Slovenska. NVC Pr. 1924; Prazak. V. Prispevky k studiu slovenskeho domu a kroje, Narodopisny. Sbornik (далее NS) 1943 sv.4; idem. Problem vzniku jednoposchodoveho domu v Cicmanech. NS 1941; A.Vaclavik. Podunajska dedina, 1926.
14. Banicka dedina Zakarovce. Red. I.Mjartan. Br. 1956; Horehronie. Kultura a sposob zivota l'udu. zv.I-II. Red. I.Mjartan 1974; Zamagurie. Red. I.Podolak. 1972; Zo zivota a bojov l'udu Uhrovskej doliny. Red. V.Urbancova. Br. 1977; I.Michalek a kol. L'ud hornadskej doliny (na uzemi Popradskeho okresu) Poprad 1989; idem. Liptovska Teplicka. Poprad 1973; Olejnik I. L'ud pod Tatrami, Poprad 1978; Sposob zivota družstevnej dediny Sebechleby. Red. A.Pranda. Br. 1986; Hont. Tradice l'udovej Kultury. Zost. I.Botik. Banska Bystrica. 1988; Vajnory. Vlastivedna monografia Br. 1978.
15. Igovan G. Podkonice. Br. 1977; Svora P. Strba. Poprad 1979 и др.
16. Etnograficky atlas Slovenska (далее EAS) Br. 1990.
17. Narodopisna vystava ceskoslovanska v Praze 1895. Pr. 1895. Pr. 1895.
18. Henning P. Das deutsche Haus in seiner historischen Entwicklung. Strassburg 1862. S.11; Niederle L. Zivot starych Slovanu 1,2. Praha, 1913. S. 683-882.
19. Petrikovich I. Prostonarodni stavby slovenskeho l'udu v Turci // Sbornik Muzealnej Slovenskej spolocnosti (далее SMSS) 1911. S.38-48; 98-115; Medvecký K. Detva. Detva 1905; Bodnar I. Myjava. Myjava 1911.
20. Chotek K. Osidleni. In: Ceskoslovenska Vlastiveda. Rada II. Narodopis. Pr. 1936. S.193; Stranska D. O soupis a atlas lidovych staveb v Ceskoslovensku // Narodopisny sbornik. 1941. S.23-71; idem. K problematice zakladnich pudorysnych typu lidovych staveb v

Ceskoslovensku // Ceskoslovenska etnografie . 1958. S.219-236, 331-360; Mjartan I. Karpatsko-podunajske kulturne vzťahy v ľudovom staviteľstve. In: Ľudove staviteľstvo v Karpatskej oblasti. Br. 1974. S.45-56; idem. Sidelní formy a bydlení. In: Ceskoslovenska vlastiveda. III. Lidova kultura. Pr. 1968. S.407-497; idem. Die volkstümliche Baukunst. In: Die slowakische Volkskultur. Br. 1972. S.125-159; idem. Staviteľstvo. In: Slovensko 3. Ľud. II časť. Ľudova Kultura. Br. 1975. S.897-944.

21. Menci V. Lidova architektura v Československu. Pr. 1980.

22. Mruskovic S. K niektorým problémom vývoja ľudoveho domu a byvania v oblasti Zahorskej nížiny. In: Ľudove staviteľstvo a bývanie na Slovensku. Red. I.Mjartan. Br. 1963; Polonec A. Stĺpove podstenia obytných domov na južnom Slovensku. In: Zborník Slovenského národného múzea (далее ZbSNM). Etnografia. 1971; idem. Typologické znaky ľudovej architektúry v bývalom Tekove. ZbSNM Etnografia. 1972; Valentova V. Tradičné formy ľudoveho nábytku v Tekove a ich dozívanie v súčasnosti // SN. 1969. S.79-100; Koma J. Podorysný vývoj domu v Plavnici. ZbSNM. Etnografia. 1971; idem. Stav ľudovej architektúry v dedinách Sarisa // Nove obzory. 1964. S.200-214; Apathiova-Rusnakova K. Príspevok k bývaniu v kosických Hamroch // SN. 1969. S.114-128.

23. Svecova S. Rodinne a majetkové delenie v ľudovom bývaní // CL. 1964. S. 1-16; idem. Spolocníci v Cicmanoch // NVC. 1956. S.78-97; idem. Haus und Familienformen in der Slowakei // Deutsches Jahrbuch für Folkskunde. 1967. S.89-100; Botik I. Korelácie medzi formami rodiny a obydľia. Rukopis. Kandidátska dizertačná práca. Archiv NUSAV Br. 1975; idem. Sociálne aspekty ľudoveho staviteľstva v Karpatoch. In: Ľudove staviteľstvo v karpatskej oblasti. S.113-123d. Br. 1974.

24. Kovacevicova S. Historickosť a typickosť ľudovej architektúry na Slovensku // SN. 1967. S.417-453; Frolec V. Základní problémy klasifikace lidového domu // Narodopisne aktuality. 1976. S.171-177.

25. Грацианская Н.Н. Жилище и хозяйственные постройки словацкого крестьянства в XIX-нач.XX вв. В кн.: Славянский сборник. Труды института этнографии АН СССР. Т.62. 1956.

26. Etnografický atlas Slovenska (EAS) IX-Sídla a obydlie. red. S.Kovacevicova. S.50-60. Br. 1990.

28. Jansak S. Slovensko v dobe uhorského feudalizmu. Br. 1948. S.72.

29. EAS IX - sídla a obydlie. red. Kovacevicova S. S.50.

30. Prazak V. Príspevky k štúdiu slovenského ľudoveho domu a kroje // Narodopisný zborník. Sv.4. C.1. 1943. S.5; Bednarik R. Dom a jeho príslušnosť podľa rieky Belianky // Časopis múzejnej slovenskej

spolocnosti. 1931. C.2); Usak I. Sidla a obydlia. In: L'ud hornadskej doliny (na uzemi Popradskeho okresu) Poprad. 1989. S.109-130.

31. Vydra I. Lidove stavitel'stvi na Slovensku. Praha. 1925. S.64-66.

32. Ibid. S.76-82; Botik I. L'udove stavby. In: Hont. Tradicie l'udovej kultury. Banska Bystrica. 1988. S.307.

33. EAS, IX. Stavba obydlia. S.54-55; Mjartan I. Stavitel'stvo. In: Slovensko 3. L'ud cast' II. S.913.

34. Niederle L. Slovanske starozitosti. S.102.

35. Botik I. L'udove stavby... S.320-321; Mjartan I. Op.cit. S.317; Kovacevicova S. Neodvazujme na stare tradice // Priroda a spolocnost'. 1982. C.12. S.25-29.

36. idem. L'udovy odev v hornom Liptove. Br., 1955; Nosal'ova V. Slovensky l'udovy odev. B. 1982.

37. Jersova M. Prispevek k dejinam kroje v Turcianske stolici // CL. 1932. S.128-130.

38. EAS. VIII. Zensky uces a odev. red. Benza. M. S.47.

39. Kanova M. L'udovy odev dolneho Liptova // Zbornik slovenskeho narodneho muzeuma LXII Ethnographia 9. 1968. S.244.

40. Kovacevicova. Typy a varianty l'udoveho odevu na strednom Slovensku // Vlastivedny casopis. 1962. C.2. S.59; idem. L'udovy odev v hornom Liptove . S.63-64; Usak I. Byvanie odievania. In: Liptovska Teplicka. Kosice. 1971.

41. Nosal'ova V. Op.cit. S.62-65.

42. Patkova I. Vplyv tovarenskej vyroby na l'udovy odev trnavskeho okolia // SN. 1954. C.1-2. S.97-98; Bodnar I. Myjava. Myjava. 1911.S. 211-216; Sochan P. Kroje a svadba v Lopasove na Slovensku v Nitranske stolici. Pr. 1905. S.1-23.

43. Kralikova G. Prispevok k poznaniu l'udoveho odevu vo Vysnom Klatove // Nove obzory. Spolocenskovedny sbornik vychodneho Slovenska. 6. Kosice. 1964. S.228-244; Kovacevicova S. Vyvin typu l'udoveho odevu na vychodnom Slovensku // Vlastivedny casopis. 1963. C.3. S.115-116; Koma I. Vyvoj a sucasny stav l'udoveho odevu v Kendiciach. Presov. 1969; Svecova S. Sucasne premeny v odievani. Prispevok z vyzkumov v jednej hontianskej obci // C.L. 1977. C.4. S.221-230.

44. См. О проблемах классификации семьи: Ганцкая О.А. Семья: структура, функции, типы // Советская этнография, 1984, N 6. С. 167; Бромлей Ю.В., Кашуба М.С. Брак и семья у народов Югославии. Опыт историко-этнографического изучения.М. 1984. С.83.

45. Kadlec K. Rodinny nedil cili zadruha v pravu slovanskem. Pr. 1898; Saturnik T. O pravu soukromnem u slovanu v dobach starsich. In: Slovanske starozitnosti. Oddil. kulturni . Pr. 1934. d,2, sv.2. S.72.
46. Filova B. Spolocensky a rodinny zivot // Slovensko. L'ud. C.II. Br. 1975. S.958.
47. Kadlec K. Verboczyovo Tripartitum a soukrome pravo uherske a chorvatske slechty v nem obsazene. Pr. 1902; Luby S. Dejiny soukromneho prava na Slovensku. Br. 1946; Svecova S. Klasifikacia rodinnych foriem v slovenskom materialu // CL. 1966. C.1. S.85.
48. Mattiaszovsky M. Torzsorklesi jog es Torzsor klesi szokas. Br. 1901. S.42.
49. Botik J. K problematike rodinného života v oblasti Krupinskej vrchoviny // SN. 1967. C.3. S.399; Svecova S. Prispevok k obycajovému pravu na Slovensku // CL. 1974. C.1. S.7;
50. Pic J. Rodovy byt na Slovensku a v Uherske Rusi // Casopis Musea Kralovstvi Ceskeho LII 1878. S.197.
51. Botik J. K problematike... S.396; Apathyova - Rusnakova Z. Prispevok ku klasifikácii videckej rodiny na Slovensku // SN. 1973. C.3. S.455.
52. Filova B. Op.cit. S.971; Sigmundova M. Roly a statusy roľníckej ženy ako etnodiferenčný činiteľ // Narodopisne informácie. Br. NJ. Br. 1985. S.82.
53. Svecova S. Pravomoc hlavy rodiny v roľníckej rodine na Slovensku // SN. 1976. C.3. S.453.
54. Idem. Spolníci v Cicmanech // NVC. 1966. Brno. S.
55. Ratica D. K otázke vzťahu socializácie a tradície // NI. 1984. C.2. S.29.
56. Salner P. Struktúra súčasnej mestskej rodiny // SN. 1978. C.2; idem. Struktúra súčasnej rodiny v Sebechlebach // 1976. C.2; idem. Medzigeneračné vzťahy v súčasnej rodine. In: Spôsob života družstevnej dediny (z etnografických výskumov obce Sebechleby) Bf. 1986.
57. Svecova S. Kmotrovstvo v ledlových Kostolanoch // SN. 1974. C.1. S.120; EAS. XI - Kmotrovstvo red. Rusnakova Z. S.70; Encyklopédia Slovenska zv.IV. Bratislava. 1980. S.134.
58. EAS - XI. Spoločenstvo dediny red. Apathyova - Rusnakova Z. S.62-63.
59. Apathyova-Rusnakova. K organizácii činnosti skupín mládeže na Slovensku. In: Lidová kultúra a súčasnosť sv 8 Vročný obzreb. Současný stav a proměny. S.95; Majtanová M. Majtan M. K problematike mladeneckých organizácií na Slovensku // SN. 1967. C.3. S.454-464.

Pranda A. Vyznam pretrvania institucie vzajomnej vypomoci. In: Socializacie vesnice a promeny lidove kultury. Sv.1. Uherske Hradiste. 1984. S.171-190; Skovierova. Sucasne funkcie susedskych skupin // SN. 1990. C.1/2. S.197.

60. Timko A.B. Slovenska svadba alebo sposob pytanja a oddavania mladej nevesty pri vere a svadobnom veselí. S pripojenymi svadobnymi piesnami. Banska Bystrica. 1868.

61. Horvathova E. K svadobnym zvykom troch hontianskych obci // SN. Br. 1974. C.2. S.301-302; Popelka P. Moralni normy vesnickeho spolocenstvi ve vzťahu k manželstvi. In: Lidova kultura a soucasnost. Brno. 1975. Sv.2 - Zivotni prostredi a tradice. S.173; Stibranyova T. Uloha moralky pri vybere manzelskeho partnera v obci Velka Haluzie // SN. 1982. C.2. S.357.

62. Kropilakova K. Ze svadoneho zvykoslovja na dolnej Orave // SN. 1968. C.3. S.319-320.

63. Horvathova E. Duchovna Kultura. In: Horehronie II. Br. 1974. S.253.

64. Idem. Zvykoslovja a poverý. In: Slovensko. L'ud II cast'. S.996.

65. Chorvat. K. Slovenska svatba // Slovenske pohľady (SP). S.65-67; Dobsinsky P. Prostonarodne obycaje, poverý a hry slovenske. Turc. Sv.Martin. 1880. S.16.

66. Kropiliakova K. Ze svadobneho zvykoslovja... S.308.

67. Niederle L. Zivot starych slovanu. d.I. Sv.2. S.30.

68. Sochan P. Kroje a svadba v Lopasove na Slovensku v Nitrianske stolici // NSC. 1905. Sv. II. S.33; Horvathova E. Zvykoslovie a poverý... S.998.

69. Sochan P. Krojea svadba... S.35.

70. Bednarik P. Duchovna Kultura slovenskeho l'udu. In: Slovenska vlastiveda. Br. 1943. S.21.

71. Niederle L. Zivot starych slovanu... S.86.

72. Kropolec B. Bardejov a jeho okolie davno a dnes. Bardejov. 1935. S.206-210.

73. Zibrt C. Trimkova "Slovenska svatba" // CL. 1896. S.255.

74. Horvathova E. Zvykoslovie a poverý. In: Slovensko. L'ud II cast'. S.999. Br. 1975.

75. Idem. K svadobnym zvykom... S.319; Kropiliakova K. Zo svadobneho zvykoslovja na dolnej Orave // SN. 1968. C.3. S.137-138.

76. Jakubikova K. Neumanova T. Spolocensky zivot a duchovna kultura l'udu. In: Vajnory. Vlastivedna monografia. Br. 1978. S.183.

77. Cm.: Frolec V. Svatebni obrad v súčasnosti. In: Lidova' kultura a súčasnosť. Sv.9. Svatebni obrad. Súčasny stav a promeny. Brno, 1983. S.280; Jakubikova K. Faktory formovania súčasného modelu svatby // Narodopisne Informacie (ďalej NI) 1985. N 1; Feglova V. Funkcie tradičných prvkov v súčasnom svadobnom obradovom systéme v Sebechlebach // SN. 1979. C.2.

78. Belar F. Zvyky a povery pri narodení dieťa v okolí Trnavy // NVC XIX.1926. S.109--113; Bodaj A. Povery a obyčaje zo Zvolenskej stolice // Slovenske pohľady (ďalej SP). 1894. S.130-133; 1895. S.122-123; 1897. S.743-745; idem. Obyčaje a zvyky pri krsteniach // SP. 1896. S.376-378; Dobsinsky P. Prostonarodnie obyčaje, povery a hry slovenske. Turc. sv. Martin. 1880; Klvaná I. Z detského sveta // CL. 1892. S.57; Medvecký K. Detva, Ruzomberok. 1905. S.182-206; Mjartan I. Sebedrazie // Sborník muzeálnej slovenskej spoločnosti. 1924. S.34-36; 156-166; idem. Hornonitrianske zvyky pri narodení // Horná Nitra. 1974. S.53-88; idem. Príspevky k narodopisu Hornej Nitry // Casopis muzeálnej slovenskej spoločnosti (ďalej CMSS). 1929. S.10-22; 1931. S.3-15; 1934-1935. S.27-39.

79. Horvathová E. Zvyky pri svatbe a narodení dieťaťa vo Veľkej Lesnej // SN. 1970. C.1; idem. Rodinné zvyky a obyčaje. In: Československá vlastiveda III. Pr. 1968. S.561-572; idem. Rodinné zvyky. Horehronie. zv.II. Br. 1974; idem. Zvykoslovie a povery. In: Slovensko L'ud. II. c. Br. 1975. S.985-1030; idem. Zvyky a obrady. In: Zo života a bojov ľudu Uhrovej doliny. Br. 1977; idem. Tradičná duchovná kultúra. In: L'ud hornadskej doliny. Br. 1989; Gaspariková V. Zvyky okolo narodenia z Valasskej Belej // NS. 1950. S.167-171; Jakubikova K. Neumanová I. Spoločenský život a duchovná kultúra ľudu. In: Vajnory. Vlastivedná monografia. Br. 1978.

80. Etnografický atlas Slovenska (EAS) XII. Rodinné obrady. S.71. red. Feglova V. Br. 1990.

81. Filová B. Spoločenský a rodinný život. In: Slovensko. L'ud. II. cast'. Brat. 1975. S.976; Horvathová E. Duchovná kultúra. In: Horehronie II. S.245; Jakubikova K. Posobenie tradície v situáciách, spätých s narodením dieťaťa. In: Cas života. Rodinné a spoločenské svatky v živote človeka // Lidova kultura a súčasnosť. Sv.10. Brno. 1985. S.159.

82. Slovenská vlastiveda M. Demografia. Br. 1944. S.200.

83. Michálek J. a kol. Liptovská Teplica. Košice. 1973. S.107.

84. Horvathová E. K svadobným zvykom troch hontianskych obcí // SN. 1974. C.3. S.308-309; Bednárík R. Duchovná kultúra slovenského ľudu. In: Slovenská vlastiveda // Br. 1943. S.44, 51.

85. Horvathova E. Duchovna Kultura. In: Horehronie II. S.246.
86. Idem. Tradicna duchovna kultura. In: L'ud hornadskej...S.236; idem. Duchovna kultura. In: Horehronie... S.246; Gasparikova B. Op.cit. S.163, 189; Filova B. Op.cit. S.988-989.
87. Cajankova E. Zvyky, l'udove liecenie. In: Banicka dedina Zakarovce. Br. 1956. S.450.
88. Bednarik R. Op.cit. S.22; Filova B. Op.cit. S.982.
89. Jakubikova K. Neumanova J. Spolocensky zivot. In: Vajnory. S.170.
90. Bednarik R. Prispevok k pohrebnim zvykom slovenskeho l'udu // Narodopisny sbornik. 1939; Cajankova E. Pohrebne zvykoslovie Horehronia // SN. 1956. C.3; Chorvathova L. Pohrebne zvykoslovie v Bosackej doline. Diplomova praca. Rukopis. Br. 1974; idem. Obrad a jeho slovesne utvary ako pramen studia procesov socialnej a etnickej identifikacie // SN. 1992. C.1.
91. Horvathova E. Tradicna duchovna kultura... S.255-256; Cajankova E. Pohrebne zvykoslovie... S.291-294.
92. Horvathova E. Op.cit. S.256-257; Bednarik R. Duchovna kultura slovenskeho l'udu. In: Slovenska vlastiveda // Br. 1943. S.65.
93. Chovathova L. Obrad a jeho slovesne utvary... S.20-22.
94. Chorvat K. Smrt', pohreb a mrtvi v tradicii a zvykoch l'udovych // SP. 1894. S.711-725; 1895. S.89-92; Horvathova E. Zvyky a obrady. In: Hont, tradicie l'udovej kultury. Br. 1988. S.504.
95. Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М. 1984. С.45.
96. Брук С.И., Чебоксаров Н.Н. Метаэтнические общности. В кн.: Расы и народы. Вып.6. М. 1976; Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М. 1983.
97. Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Советская этнография. 1955. N 4. С.4, 10; Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. М. 1971. С.215.
98. Etnograficky atlas Slovenska (EAS) XX Kulturne oblasti a regiony. red. Kovacevicova S. S.102-104.
99. Ruttkay A. Stavebna kultura dedinskych sidlisk na Slovensku vo vcasnom a vrcholnom stredoveku na zaklade archeologickych vyskumov // Lidova stavebni kultura. Lidova kultura a soucasnost. Sv.7. S.20.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные этнокультурные процессы. Роль региональных традиций

Преобразования социально-экономического характера, проводившиеся в Чехословакии после II-й мировой войны, создали благоприятные условия для интенсивного процесса внутри-этнической консолидации словаков. Быстро росло и национальное самосознание, которое нашло свое выражение прежде всего в последовательной политике отстаивания равноправия с чехами во всех сферах жизни.

Быстрая индустриализация страны привела к изменению социального состава жителей словацкого села: в сельском хозяйстве Словакии в конце 80-х гг. было занято менее 15% населения деревни, остальная часть работала на близлежащих промышленных предприятиях [1]. Индустриализация сопровождалась ростом крупных городов, многочисленными перемещениями внутри Словакии, а также миграцией за пределы республики в чешские западные области страны. Значительно вырос образовательный уровень населения: несмотря на разницу в исходной позиции в первые послевоенные годы, образовательный уровень словаков (моложе 40 лет) в 80-х гг. оказался выше, чем в Чешской республике у той же возрастной категории. Резко возросла и численность словацкой национальной интеллигенции.

С развитием коммуникаций исчезла прежняя изолированность отдельных регионов и локальностей, изменился и механизм передачи информации; закончилась электрификация самых отдаленных горных поселков и хуторов, возросла роль надконтактных связей, то есть средств массовой информации.

Процесс урбанизации в Словакии шел быстрыми темпами и имел свою специфику. Здесь не было бурного оттока населения в города, как во многих других странах, не опустели села. С точки зрения контактов традиций города и деревни можно утверждать, что в деревне она была более стойкой, так как основывалась на многопоколенной преемственности, локальная сельская общность представляла собой определенное этнокультурное единство, скрепленное тесно переплетающимися родственными (кровными и

искусственными) и соседскими связями, общепринятыми нормами обычного права.

Число жителей крупных городов (Братислава, Нитра, Кошице) за послевоенные годы увеличилось в несколько раз за счет сельского населения, в черте города оказались и многие пригородные села. Особенно это заметно в столице Словакии Братиславе, где еще в 20-х гг. XX века подавляющую часть населения составляли венгры и немцы, а словаки лишь незначительный процент (14,9% в 1910 г.). После образования Чехословацкой республики немцы и венгры выселились. В 1950 г. словаки составляли уже 90% населения г.Братиславы [2].

Первое поколение горожан, переселявшихся из сельских словацких местностей, медленно адаптировалось в новой среде. Они пугались "анонимности" человека в большом городе, поддерживали самую тесную связь с родными селами, сохраняли многие черты традиционного сельского быта в духовной культуре и ценностных установках.

В Братиславе уже с 20-30-х гг. XX века существовали "землячества", объединявшие уроженцев отдельных регионов Словакии, которые общались между собой регулярно, поддерживали друг друга в чуждой им среде большого города, где сельский житель чувствовал себя одиноко. В конце 1980-х гг. насчитывалось 25 таких землячеств в Братиславе. Цифра эта, правда, не может быть постоянной: членство в них сугубо добровольное, происходит постоянный процесс объединения или размежевания землячеств. Первые из этих обществ создавались еще в 30-е гг.: Оравская община (Obec oravcov), Липтовская община (Liptovska obec), самые крупные и активно действующие землячества - региональные союзы в границах прежних комитатов Оравы, Липтова, Гемера, Земплина, Новограда, внутри них существуют и более мелкие объединения земляков из отдельных районов. Например, в рамках Гемерского землячества выделяются группы из села Кокавы под Римавицей, а рамках Земплинского - из г. Кежмарка [3].

Во главе каждого землячества стоит выборная (сроком на 2 года) инициативная группа - по образцу старого самоуправления общины. Это рихтар (староста), присяжные и совет. Цели землячества, например, можно понять из устава, принятого "Земплинской деревней": создается неформальное Объединение земпличан, живущих в Братиславе, с целью воспитания привязанности к родине

и укрепления постоянных контактов с родным Земплинским краем и земляками и оказания помощи Земплину, с целью повышения его культурного уровня и благосостояния" [4]. Правление общества собирается ежемесячно. Устраиваются вечера - балы с традиционной народной музыкой Земплина, но с современными танцами. Вход свободный. Один раз в году организуются "Дни Земплина" в Братиславе. Фольклорные праздники посвящаются одному из районов Земплина: вся программа ведется на одном из земплинских диалектов, выступают фольклорные группы. Затем предлагается праздничное угощение (tombola) из местных традиционных блюд, устраивается выставка, свидетельствующая об успехах региона, выпускаются печатные издания, содержащие произведения поэтов и прозаиков, пишущих на земплинских диалектах. Читаются лекции по истории и культуре родного края, разыгрываются лотереи и т.д.

По той же схеме проводятся и все праздники других земляческих союзов. Используются и обязательные знаки региональной культуры: диалект, народная одежда, фольклорное демонстрирование местных обычаев и обрядов и т.д. [5].

Земляческие общества - свидетельство сохранения областного сознания городского населения. Процесс урбанизации обычно связывают с проникновением городского образа жизни в сельскую местность. В результате унифицированных городских форм материальной и духовной культуры пространственно-территориальные различия теряют свое значение. Однако, проникновение городских форм культуры сталкивается со встречным процессом - диффузией форм сельского быта в городских центрах. В крупных городах Словакии возрождаются, например, многие элементы традиционных народных семейных и календарных праздников: свадебных, масленичных, рождественских.

В то же время можно считать, что современная Братислава играет важную роль в процессе объединения региональных черт образа жизни и локального самосознания в общесловацкое. Появился и заметный слой культуры с чертами быта, общими для всего населения Словакии. Он наблюдается в изменении ценностных ориентаций, материальной культуре. Исчезают магические элементы обрядности, сохраняется лишь их увеселительная, игровая сторона [6].

В то же время сохранению (и дальнейшему углублению) локальной специфики народной культуры и локального самосознания способствует фольклоризм. В Словакии, где традиционная народная культура еще недавно сохранялась в живом бытовании, речь идет не о возрождении ее вторичных, не связанных с непрерывной традицией форм, а о намеренном оживлении традиций, о демонстрации народного творчества в необычной обстановке и функции. Во многих городских и сельских поселениях существует местный фольклорный коллектив, объединяющий представителей нескольких поколений (то есть и молодежь, и стариков), которым чаще всего руководит специалист-профессионал. В деревнях это любительские коллективы, состав которых непостоянен. Фольклорные ансамбли, действовавшие на базе Союзов художественной самодеятельности (ZUC) имели своей целью намеренное оживление фольклорных традиций, в конце 80-х гг. в Словакии насчитывалось 4250 таких ансамблей. Руководителей для фольклорных ансамблей специально готовил Институт просвещения при министерстве культуры.

Фольклорные коллективы в обязательных праздничных традиционных костюмах принимали самое активное участие в народных празднествах, особенно в свадебных и календарных, отличающихся наибольшей локальной вариативностью. Деревенские коллективы представляли обычаи и обряды, а также песни в простейшей сценической аранжировке, сохраняя их локальную специфику. В течение года они участвовали в целой серии смотров, конкурсов и фестивалей: общесловацком конкурсе в Жилине (детском - в Прешове), а в случае победы на конкурсе выступали на одном из краевых фестивалей - в Мийаве (западнословацком), Детве (среднесловацком) и в Кошицах (восточнословацком). Общесловацким смотром-фестивалем, собирающим лучшие ансамбли во всех областях Словакии являлся праздник в г. Выходна [7].

В качестве зрителей в фольклорных фестивалях местного и областного значения участвуют преимущественно земляки из разных районов страны, тем самым демонстрируя свою идентичность с жителями данного региона. Земляки, в том числе и жители больших городов, съезжаются во время календарных праздников в родной поселок. Это характерно для двух календарных дат: День всех святых (первое ноября) и храмовый праздник села (hody), потерявший религиозное значение и превратившийся в

общественный праздник, объединяющий всех членов локальной общности [8].

Символами локальной (региональной) общности остаются местный диалект и народный костюм. Эта репрезентативная, дифференцирующая функция одежды выдвигается в настоящее время на первый план. Развивается только праздничная одежда, с красочными украшениями, которую шьют из разнообразных покупных тканей. Будничная традиционная (или полутрадиционная) одежда сохраняется лишь у старшего и среднего поколения в горных областях.

Можно утверждать, что повышенный интерес к народной культуре, вызванный "фольклорным движением" (фольклоризмом), поддержка и финансирование его государственными учреждениями и местными органами управления (национальными комитетами) в социалистический период истории страны способствовали консервации локальных и региональных традиций. Наряду с этнообъединительными процессами продолжается и культурная дифференциация словацкого этноса. сохраняется иерархия в этническом самосознании.

Доминантным признаком региональной группы является сознание принадлежности к своему региону, наименование которого становится ее этнонимом. Липтяки (жители Липтова), загорацы (жители Загорья), кисучания (жители Кисуц) и т.д. обладают развитым сознанием своей идентичности. Региональное самосознание очень устойчиво, сохраняется у многих поколений даже при переселении на новые места. Например, переселившиеся еще в XVIII в. в район Ужгорода словаки до сих пор называют себя "липтяками", хотя по культурным признакам они давно слились с соседним восточнословацким населением [9]. Членом региональной группы следует, по-видимому, считать и жителей больших городов, сохраняющих локальное самосознание. Внутри этих групп существует и более мелкие подразделения. При их изучении нелегко отличить групповое самосознание от областного топонима. Это, кстати сказать, одна из причин, по которой словацкие этнографы не принимали наличие самосознания, как это предлагал Ю.В.Бромлей [10], в качестве определяющего критерия для выделения субэтнической группы. Сейчас далеко не все жители бывших административно-территориальных единиц - комитатов обладают развитым самосознанием. К сожалению, официальная перепись до

сих пор не фиксировала наличие этнонимов (в отличие от переписи СССР), что затрудняет определение динамики этнокультурных процессов и меры интенсивности процессов внутренней консолидации в разные периоды. Например, не осознают себя региональной группой жители Гонта; попытка организации фольклорного фестиваля Гонта так и закончилась неудачей, не вызвав интереса и у предполагаемых участников из Новограда, Текова, Абова.

Самосознание областных групп всегда многоступенчато, иерархично. Его точно выражает, например, народное четверостишие жителей Спиша:

Bo ja to neverim co taraju l'udze
Spisiak verni Slovak i slovakom bude
(диал.)

Я тому не верю, что болтают люди,
Спишак - верный Словак и словаком будет [11].

В этнографической литературе XIX века при описании культурных особенностей словацкого народа упоминались многие субэтнические группы, расположенные на границах словацкого этноса. Это прежде всего карпатские горцы - горали на границе с Польшей на Ораве (то есть в составе оравцев), крекачи в Гонте, трпаки на южной словацко-венгерской границе и сотаки в Земплине. Кроме самоназвания, по данным литературы они отличались в основном какой-либо особенностью диалекта или костюма: сотаки, например, говорили вместо со - so (то есть что); трпаки - вместо teraz говорили *terpv* (сейчас). После М.Бела, И.Чапловича, Я.Коллара, П.И.Шафарика и П.Добшинского в течение 50 лет этими группами мало кто интересовался, так как все они в настоящее время исчезли, о них не помнят и старики.

Исключение составляет субэтническая группа горалов (*gorali*), живущая и на северной стороне Карпат в границах Польской республики. На территории Словакии это область верхней Оравы и верхнего Спиша. Малые горальские анклавы сохраняются лишь в Липтове и западном Гемере. Самая большая часть расселения горалов расположена в Спише - 34 поселка в районе гг. Попрада и Стара Любовня. Горальская область на Ораве объединяет 11 сел в окрестностях г. Дольни Кубин, а в районе Кисуце - 4 села недалеко

от г. Чадца. Словацкие и польские лингвисты считают горальский диалект польским по происхождению, интерференция словацкого и польского языка на их границе в Карпатах издавна была заметной. Культура горалов (архитектура, одежда, обычаи) тесно связана с окружающим словацким населением, групповое самосознание и этноним горалов сохраняются, но в то же время они считают себя словаками.

Процессы внутриэтнической консолидации словаков еще очень далеки от завершения. Субэтнические группы вместе с унификацией культуры, отличающейся групповым самосознанием и отдельными этническими символами, часто связанными с архаическими чертами культуры, в скором времени ассимилируются. Региональные же группы сохраняют гораздо большую перспективу развития, особенно в связи с общей тенденцией к регионализму, наблюдаемой в европейских странах.

По выражению словацкого этнографа С.Швецовой "словаки имеют общую, но не единую культуру". Локальное и региональное многообразие может оставаться свидетельством истинного богатства народной культуры, а знакомство со сложной историей этнокультурного развития словаков позволяют понять их стремление разными путями сохранить собственную этническую специфику.

* * *

1. Demografie 1992. c.1. s. 1-4.
2. Dejiny Bratislavy. Br. 1978, s. 231.
3. Palickova I. K problematike vyuzitia tradicii v mestskom prostredi (tzv. klubu rodakov v Bratislave). Diplomova praca. Bratislava 1987. S. 22. Archiv Kafedry etnografie a folkloristiky. Filozoficka fakulta Univerzity Komenskeho.
4. Narodopisne informacie (NI) 1988 c.2, s. 100.
5. Palickova I. Op. cit. s. 74.
6. Feglova V. Sucasne podoby obycejov v kulturnom systeme Slovenska. In: Vyrocní obyčeje. Soucasny stav a promeny // Lidova kultura a soucasnost. Sv. 8. Brno 1982, s. 55-59.
7. EAS XVIII. s. 97; Zalesak C. Folklorne hnutie na Slovensku. Br. 1982; idem. Folklorne hnutie na Slovensku // Narodopisna revue 1992, c. 1. s. 20-22.

8. Luter D. K vyvinu kalendarnych obycejov na sucasnej slovenskej dedine // Narodopisne aktuality 1986 с.2, s. 83-95.
9. Грацианская Н.Н. Современные культурно-бытовые процессы у словаков Закарпатья в кн.: Карпатский сборник. М., 1972, с. 108-116.
10. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983, с. 46-47.
11. Narodopisne informacie 1988 с. 2, s. 90.